

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

Пак из Страны Холмов

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

ПАК
ИЗ СТРАНЫ ХОЛМОВ

ЭКМО
Terra Fantastica
2003

УДК 820
ББК 84(4 Вел)
К 42

Rudyard KIPLING
PUCK OF POOK'S HILL

Перевод с английского

Киплинг Р.
К 42 Пак из Страны Холмов / Пер. с англ. — М.: Изд-во
Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. — 352 с.

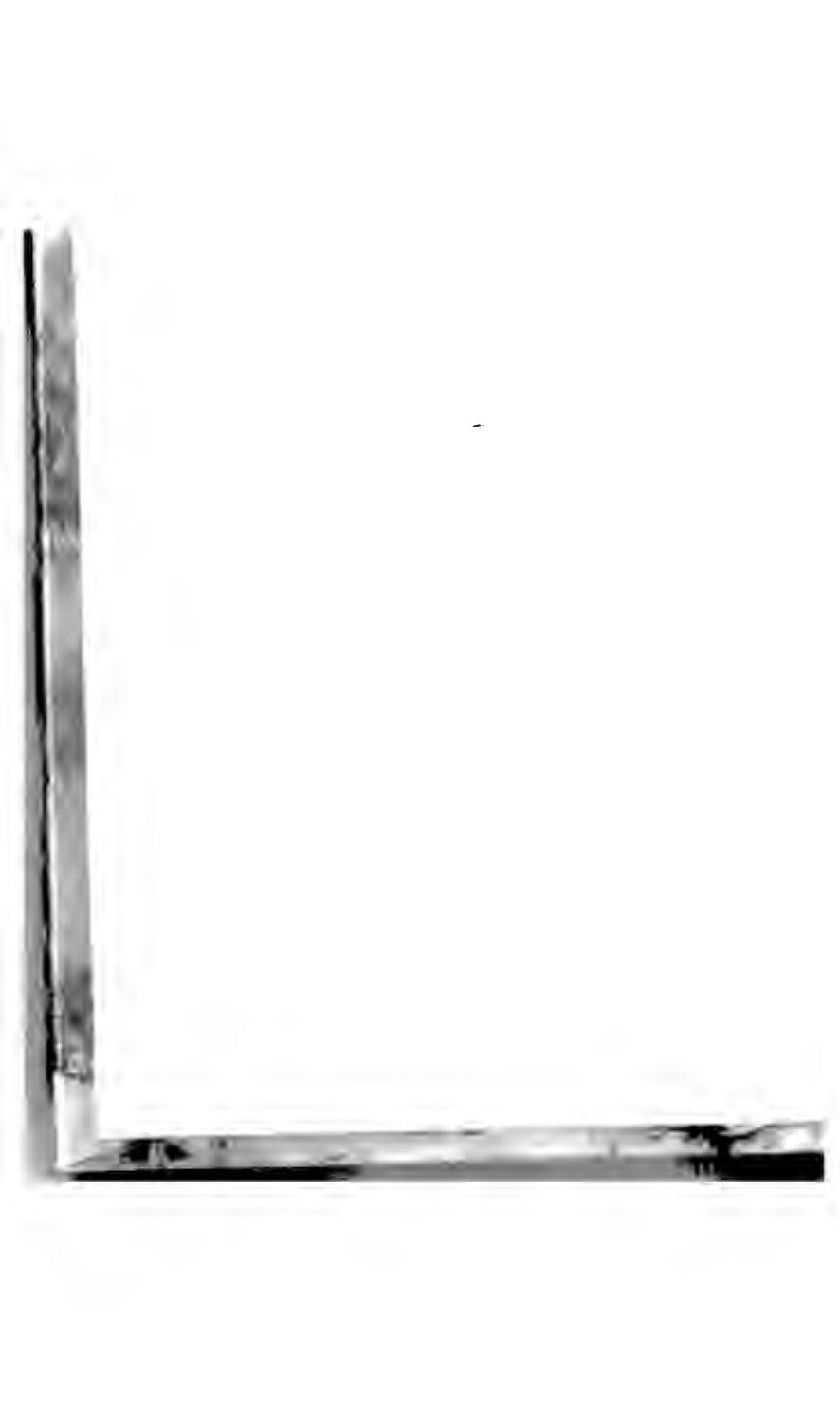
УДК 820
ББК 84(4 Вел)

ISBN 5-7921-0-4 (TF)
ISBN 5-699-04023-4 (Эксмо)

© А. Слобожан. Перевод, примечания, 1992
© Г. Усова. Перевод, стихи, 1992, 2003
© Е. Лопатина. Илл. на переплете, 2003
© Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2003
© TERRA FANTASTICA

МЕЧ ВІЛАНДА

80

ПЕСНЯ ПАКА

Ты видишь просеку? Прямо на ней,
От просторов морских вдали,
Рубили кили тех кораблей,
Что к Трафальгару* шли.

Ты видишь — плющом заросла стена,
Возведенная с давних пор?
Здесь предки ковали решетку, она
Украшает Павла* собор.

Ты видишь — дорога среди полей,
Вся в ухабах и ямах? Так вот:
Волокли те самые пушки по ней,
Что разбили Филиппов* флот.

* См. примечания в конце книги.

Этот лес, что тайну свою сохранял
И за Кентом гордо шумел, —
Он подковы на поле Флоддена* слал,
В Пуатье* — мириады стрел.

Ты видишь мельницу над ручьем?
Сколько тайн она знает и бед!
Ведь сколько смолола мешков с зерном
С суровых Вильгельмовых* лет!

Ты видишь — дубрава шумит листвою
И делает ров изгиб?
Здесь саксы встарь проиграли бой,
Здесь отважный Гарольд погиб.

Ты видишь — гуляют ветры вдали
И рябью покрыта вода?
Альфреда Великого* корабли
Северян погнали туда.

Ты видишь — на пастбище в тени
Объедает веточку бык?
Здесь могучий город стоял в те дни,
Когда Лондон еще не возник.

Ты видишь курганы древних времен
И ров, перерезавший дол?
Когда-то здесь римский стоял легион,
Который Цезарь* привел.

Ты видишь борозды рыхлой земли
Вдоль самых скал меловых?
Это древние люди их здесь провели
Для защиты жилищ своих.

След древних полей — городов — лагерей —
Болота — и свет, и мрак.
То мир, то война, то ликует страна, —
Родилась Британия так.

Она для нас — не просто земля,
Или воздух, или вода,
Иль привычный лес — но остров чудес,
На котором нам жить всегда!

МЕЧ ВИЛАНДА

На лужайке, которую Дан и Юна избрали для своего театра, они разыгрывали перед тремя коровами те сценки из «Сна в летнюю ночь»*, которые сумели запомнить. Из большой пьесы Шекспира отец сделал для них маленькую, и дети вместе с мамой разучивали ее, пока не выучили наизусть. Начали они с того, как ткач Ник Основа*, с ослиной головой на плечах, выходит из кустов и находит спящую Титанию*, королеву фей. Затем перескочили к моменту, когда Основа просит трех маленьких фей почесать ему голову и принести меду, а кончили, когда Ник заснул в объятьях Титании. Дан играл и Пака, и Основу, и всех трех фей. Когда он изображал Пака, он надевал шапочку с торчащими ушами, а когда Основу — бу-

© Перевод А. Слобожана.

мажную ослиную голову, какие выскакивают из рождественских хлопушек, — учтите, что они легко рвутся, если с ними небрежно обращаться. Юна, в венке из полевых цветов и с волшебной палочкой из стебля наперстянки, играла Титанию.

Лужайка, где находился театр, называлась Лонг Слип, или Длинная Коса, потому что с двух сторон ее огибал маленький ручей, который, пробегая еще два или три поля, вращал колесо мельницы. В самом центре этой излучины потемневшая трава образовывала большое, старое, волшебное Кольцо*, оно и служило сценой. В зарослях орешника, ивы и калины, что росли вдоль ручья, было очень удобно ожидать выхода на «сцену», и взрослые, бывавшие тут, говорили, что сам Шекспир не мог бы найти более подходящей обстановки для своей пьесы. Детям, конечно же, не разрешили устроить представление в ночь накануне Иванова дня, но они, захватив с собой ужин — сваренные вкрутую яйца, соль и сдобные булочки Оливье, — отправились туда сразу после обеда, когда тени начали расти. Трех коров недавно подоили, и теперь они спокойно паслись, пощипывая траву, да так что хруст стоял на всю поляну, а работающая вдали мельница стучала, словно босые пятки по твердой земле. Сидевшая на воротах кукушка, по-июньски сбиваясь, пела свое «ку-ку, ку-кук-ку», а пегий зимородок с деловым видом перебирался

с одной стороны лужайки на другую, поближе к ручью. Больше ничто не нарушало тягучий, сонный, недвижимый покой, пахнувший медуницей и засохшей травой.

Пьеса шла превосходно. Дан помнил все свои роли — и Пака, и Основу, и всех трех фей, — Юна тоже не забыла ни единого словечка роли Титании; она ничего не перепутала даже в том трудном месте, где Титания поучает своих фей, как кормить Основу «инжиром, абрикосами и ежевикой», и дальше все сложные строчки про мед и светильники*. Артистам так понравилось играть, что они повторили всю пьеску три раза с начала до конца, и только тогда уселись на мягкую траву в центре Кольца, чтобы съесть яйца и булочки. Именно в этот момент из зарослей ольхи у берега послышался свист. Дети вскочили.

Кусты раздвинулись. На том самом месте, где только что Дан изображал Пака, дети увидели маленького, коричневого, широкоплечего человечка с торчащими ушами, курносым носом, косыми голубыми глазами и смеющимся лицом. Он приставил ладонь ко лбу, будто наблюдая за Основой и другими героями Шекспира, репетирующими «Пирама и Тисбу»*, и низким голосом (именно таким голосом три коровы просят, чтобы их подоили) начал:

Что здесь за сброд мужланов расшумелся
Так близко от царицы? Ба, тут пьеса!

Он остановился, приложил руку к уху и, игриво подмигнув, продолжал:

Ну что ж, я буду зрителем у них,
При случае, быть может, и актером*.

Дети смотрели, затаив дыхание. Маленькое существо — оно было Дану по плечо — спокойно шагнуло в Кольцо и сказала:

— Я давно уже не практиковался, но мою роль надо играть именно так.

Дети никак не могли оторвать от него глаз, разглядывая с головы до ног — с темно-синей шапочки, похожей на большой цветок, до голых, покрытых шерстью ног. Наконец он рассмеялся:

— Пожалуйста, не смотрите на меня так. Я к вам не напрашивался. Кого ж вы еще ожидали?

— Мы не ожидали никого, — ответил Дан. — Эта земля наша.

— Да? — переспросил гость. — Тогда зачем же вы играли «Сон в летнюю ночь» три раза подряд, именно в Иванов день, именно в центре Кольца и рядом, совсем рядом с одним из принадлежащих мне холмов в Старой Англии? Вон холмы Пука — они же и холмы Пака, — мои холмы. Это же ясно, как дважды два! Смотрите!

Он указал на голый, покрытый одним только папоротником склон холма Пука, который начинался сразу за ручьем. Выше по склону

рос густой лес, за лесом холм становился еще круче и поднимался все выше, пока на высоте пятисот футов* не достигал совершенно голого Маячного холма, откуда просматривались долина Певенси*, Британский канал* и половина южной части района холмов Даунс*.

— Клянусь Дубом, Ясенем и Терновником! — продолжал Пак, все еще смеясь. — Если бы кто-то сыграл так, как вы, несколько сотен лет назад, то все Жители Холмов высыпали бы на эту лужайку, как пчелы в июне.

— Но мы не знали, что этого нельзя делать, — сказал Дан.

— Нельзя! — Маленький человечек прямо затрясся от смеха. — Совсем наоборот! В старые времена короли, рыцари и мудрецы отдали бы все свои короны, копья и ученые книги, чтобы узнать, как сделать то, что сделали вы. Если бы вам помогал сам Мерлин*, у вас не могло бы получиться лучше. Вы отворили Холмы! Вы отворили Холмы! Такого не случалось тысячу лет!

— Мы... мы не нарочно, — сказала Юна.

— Конечно не нарочно! Именно поэтому у вас и получилось. К несчастью, холмы сейчас пусты, все их Жители ушли. Я остался один. Я — Пак, самый старый в Англии Житель Холмов, или Древнец, и я к вашим услугам. Конечно, если вы этого хотите. Ну а если нет, то вы только скажите, и я сразу уйду.

Прошло добрых полминуты, а Пак все смотрел на детей, не отводя глаз и больше не мигая, а дети смотрели на него. Взгляд у Пака был добрый, а губы вот-вот готовы были растянуться в веселую улыбку.

Юна первой протянула ему руку.

— Не уходи, — сказал она. — Ты нам нравишься.

— Угощайся! — предложил Дан, протягивая мятый пакет с яйцами.

— Клянусь Дубом, Ясенем и Терновником, вы мне тоже нравитесь! — вскричал Пак, срывая с головы синюю шапочку. — Посыпь-ка мне булочку солью, Дан, да покруче, и я поем вместе с вами. Тогда увидите, каков я. Некоторые из нас, — продолжал Пак уже с набитым ртом, — не выносят или соли, или подков, висящих над дверьми, или ягод рябины, или текучих вод, или холодного железа*, или звука церковных колоколов. Я же не боюсь ничего! Ведь я Пак!

Он осторожно смахнул с себя крошки и вытер руки.

— Мы всегда считали, — начала, запинаясь, Юна, — что если бы это когда-нибудь произошло, мы бы точно знали, что делать. Но сейчас все происходит совсем по-другому.

— Она имеет в виду встречу с волшебником, — пояснил Дан. — Я никогда в них особо не верил, с шести лет уж точно.

— А я верила, хотя и не очень, пока не выучила стихотворение «Прощайте, награды и феи»*. Ты его знаешь?

— Какое, вот это? — спросил Пак. Он отбросил назад свою большую голову и начал:

Прощайте нынче, феи,
Хозяйки говорят, —
Хоть чище, хоть грязнее,
Но быть нам без наград!*

Подхватывай, Юна!

Ведь как бы ни мели они
В домах и во дворах,
Но кто монетки в наши дни
Находит в башмаках?

Эхо отдавалось со всех сторон маленькой лужайки.

— Конечно же, я это знаю, — сказал Пак.

— И потом там есть еще строчки про кольца, — сказал Дан. — Когда я был маленьким, мне от них всегда становилось не по себе.

— Ты имеешь в виду «Здесь кольца вековые»? — голос Пака гремел, как церковный орган, —

Здесь кольца вековые,
По ним в минувший срок,
До дней Тюдор Марии*
Ступало много ног.

Но со времен Элизабет*
Пришли другие дни.
Фей в вересковом поле нет:
Навек ушли они.

Давно я не слышал этой песни, но к чему притворяться и обманывать себя — это правда. Все Жители Холмов ушли. Я видел, как они пришли в Англию, и я видел, как они ее покинули. Великаны, тролли, водяные, домовые, гоблины, чертенята, бесенята, духи лесов, деревьев, земли и воды, эльфы, феи, русалки, гномы, карлики, колдуны, жители вереска, стражи холмов и хранители сокровищ — все, все ушли. Если же говорить обо мне, то я пришел в Англию вместе с Дубом, Ясенем и Терновником, и уйду тогда, когда исчезнут они.

Дан осмотрелся и у нижних ворот увидел дуб, посаженный Юной, ряд ясеней, склонившихся над Выдриной заводью, и старый сучковатый терновник, о который три коровы чесали шеи.

— Правильно, — сказал он, — этой осенью я снова посажу много-много желудей.

— Так ты уже, наверно, ужасно старый, Пак, — сказала Юна.

— Совсем и не старый, а просто, как сказали бы здешние люди, долгожитель. Дай-ка подсчитаю. Мои друзья выставляли мне по ночам тарелку со сливками, еще когда Стоунхендж* был только построен. Да, это было раньше, чем

люди каменного века вырыли пруд для сбора дождевых вод у Кольца Чанктобери*.

— О! — воскликнула Юна, захлопав в ладоши и закивав головой.

— Она что-то придумала, — объяснил Дан. — Она всегда так делает, когда что-нибудь придумывает.

— Послушай, а что если мы будем оставлять тебе немного каши и класть ее на чердак? Ведь если мы оставим ее в детской, то взрослые заметят.

— В классной комнате, — быстро поправил Дан, и Юна вся вспыхнула, потому что этим летом они заключили торжественный договор: впредь называть детскую комнату классной.

— Спасибо, — поблагодарил ее Пак, — у тебя золотое сердечко. Из тебя вырастет замечательная девушка. Но знаешь, я пока не хочу, чтобы мне ставили тарелки. Вот если у меня когда-нибудь не будет куска хлеба, то я обязательно у тебя попрошу.

Пак растянулся во весь рост на сухой траве, и дети разлеглись рядом с ним, счастливо болтая в воздухе голыми пятками. Они чувствовали, что бояться Пака можно не больше, чем их верного друга, старого Хобдена-пасечника. Пак не приставал к ним с разными взрослыми вопросами, не смеялся над бумажной ослиной головой, а лежал и чему-то про себя улыбался.

— Нет ли у вас с собой ножа? — спросил он наконец.

Дан протянул ему большой садовый нож, и Пак начал вырезать кусок земли прямо из центра Кольца.

— А это для чего? Для колдовства? — спросила Юна, когда Пак вырезал кусок шоколадного чернозема, — нож входил в него легко, словно в сыр.

— Да, для одного маленького колдовства, — ответил Пак и вырезал второй квадрат. — Понимаете, я не могу провести вас внутрь Холмов, потому что все их Жители оттуда ушли. Но если вы захотите вступить в законное владение этой землей, я смогу сделать так, что вы увидите нечто такое, чего никому из людей увидеть не дано.

— А что значит «вступить во владение»? — осторожно спросил Дан.

— Это старый обычай, люди им пользовались, когда покупали или продавали землю. Продающий вырезал ком земли и вручал ее покупателю, и тот вступал в законное владение этой землей только когда получал ее из рук в руки. Вот так.

И Пак протянул детям вырезанные куски дерна.

— Но это и так наша собственная земля, — сказал Дан, отступая назад. — Уж не собираешься ли ты ее у нас отколдовать?

Пак рассмеялся:

— Я знаю, что она ваша, но дело в том, что эта земля заключает в себе нечто такое, о чем

вы с вашим отцом и представления не имеете. На, держи!

Он повернулся к Юне.

— Хорошо, я возьму, — сказала девочка. Дан тут же последовал ее примеру.

— Вы двое вступили в законные права по владению всей Старой Англией, — начал Пак нараспев. — Клянусь Дубом, Ясенем и Терновником, отныне вы вправе ходить, бродить, смотреть и знать обо всем, что я вам покажу и что вам захочется посмотреть самим. Вы увидите то, что увидите, и услышите то, что услышите, хотя все это произошло три тысячи лет назад. И вы не будете ведать ни страха, ни сомнения. Крепче, крепче держите все, что я вам даю!

Дети закрыли глаза, но ничего не случилось.

— И все? — разочарованно спросила Юна, открыв глаза. — Я думала, сейчас явятся драконы.

— Нет, — сказал Пак, подсчитав что-то на пальцах. — Хотя это и произошло три тысячи лет назад, боюсь, драконов тогда уже не было.

— Но ведь совсем ничего не изменилось! — воскликнул Дан.

— Обождите немного. Дуб за год не вырастает, а Старая Англия старше двадцати поколений дубов. Давайте сядем и подумаем. Я могу так сидеть и думать хоть сто лет подряд.

— Ну, так ведь ты — волшебник, — сказал Дан.

— А ты хоть раз слышал, чтобы я произнес это слово — волшебник? — мгновенно вскинулся Пак.

— Нет. Ты говоришь «Жители Холмов», но ни разу не сказал «волшебники», — ответила Юна. — Меня это удивило. Тебе что, слово не нравится?

— Интересно, понравилось бы вам, если бы вас все время называли «смертные» или «существа из плоти и крови»? — спросил Пак. — Или «сыновья Адама» и «дочери Евы»?

— Мне бы это совсем не понравилось, — ответил Дан. — Так разговаривают только джинны и африты* в «Сказках тысячи и одной ночи».

— Вот и мне неприятно, когда говорят слово... ну, в общем, слово, которое я никогда не произношу. Кроме того, те, кого вы так называете, — существа выдуманные, о которых Жители Холмов никогда и не слыхивали: крошечные феи в марлевых платйцах, с сияющими звездочками в волосах, с крылышками, как у бабочек, и с напоминающими трость учителя волшебными палочками, которыми они наказывают плохих людей и вознаграждают хороших. Как же, как же, встречал я этих фей!

— Мы говорим не о них, — сказал Дан. — Этих мы тоже терпеть не можем.

— То-то же! Так разве удивительно, что Жители Холмов не очень-то любят, когда их путают с этими лживыми самозванками с

раскрашенными крыльями, сладкими речами на устах, размахивающими направо-налево волшебными палочками? Только представьте — крылья бабочек! А я видел, как сэр Гюон* и его подданные оседлали юго-западный ветер и отправились из замка Тинтагль* на волшебный остров Ги-Бразил. Брызги летели выше замка, и Лошади Холмов обезумели от страха. Они поднялись, как только ветер чуть стих, крича тоскливо, словно чайки, и их на добрых пять миль снесло к земле, прежде чем им наконец удалось поймать нужный ветер. Крылья бабочек! Вот это было колдовство! Колдовство, достойное самого Мерлина! Все море полыхало зеленым огнем, среди летящей пены пели русалки, а Лошади Холмов при вспышках молний бешено носились по волнам! Вот как было в стародавние дни!

— Восхитительно! — сказал Дан, но Юна только поежилась.

— Я все же рада, что Жители Холмов ушли, — сказала девочка. — Но что их на это толкнуло?

— Причины были разные, — ответил Пак. — Об одной из них я вам как-нибудь расскажу, тогда бежала большая часть. Но они исчезли не все сразу. Они уходили один за другим, много веков подряд. В большинстве своем они сами когда-то попали в эту страну из других мест и плохо переносили здешний климат. Эти ушли первыми.

— А давно это было? — спросил Дан.

— Две тысячи лет назад, может и больше. Дело в том, что сначала они были богами. Некоторых привезли финикийцы*, приезжавшие сюда покупать олово. Все, кто здесь высаживался — галлы*, юты, фризы, англы*, датчане*, — привозили все новых и новых богов. В те годы здесь постоянно кто-то высаживался, хотя иногда пришельцев и прогоняли обратно к их кораблям, и все они привозили с собой новых богов. Но в Англии богам жить плохо. Если же говорить обо мне, я сразу решил остаться здесь навсегда. Съесть тарелочку каши, выпить блюдечко молока да немного пошутить с кем-нибудь из деревенских жителей — этого мне хватало и в прежние времена, хватает и сейчас. Понимаете, я ведь здешний и всю жизнь провел вместе с людьми. А большинство других Жителей Холмов требовало, чтобы их считали богами, чтобы у них были собственные служители, чтобы в их честь строили храмы и алтари и приносили им жертвы.

— Это когда людей сжигают в плетеных корзинках? — спросил Дан. — Мисс Блейк нам рассказывала.

— Жертвоприношения бывают разные, — ответил Пак. — И не всегда это были люди. В жертву приносили и коров, и лошадей, и свиней, и метеглин — такое вязкое, сладковатое пиво. Мне это все никогда не нравилось. Но они, эти Древнецы — упрямые, сумасбродные идолы. И что

получилось? Даже в лучшие для этих богов времена людям не нравилось, когда их самих приносили в жертву. Жалели они и своих лошадей. Постепенно люди просто отказались от своих древних богов: крыши их храмов провалились, а им самим пришлось удирать и зарабатывать себе на пропитание кто как может. Некоторые из них стали по ночам прятаться среди ветвей и издавать страшные стоны. Если они стонали достаточно громко и достаточно долго, им удавалось запугать какого-нибудь бедного крестьянина и заставить его пожертвовать курицу или фунт масла. Помню одну богиню по имени Белисама. Она стала самым обыкновенным Духом Воды где-то в Ланкашире*. И таких знакомых у меня были сотни. Сначала они были богами, потом стали Жителями Холмов, а позднее разбежались кто куда, по всему свету, потому что по той или иной причине никто из них не мог ужиться в Англии. Мне помнится, был только один из древних богов, который честно зарабатывал свой хлеб после того, как спустился с небес на землю. Звали его Виланд*, он был кузнецом каких-то важных богов, я забыл их имена, и ковал им копья и мечи. Кажется, он говорил, что является родственником скандинавского Тора*.

— Тора из «Героев Асгарда»?* — спросила Юна. Она как раз недавно читала эту книгу.

— Возможно, — ответил Пак. — Как бы там ни было, когда пришли тяжелые времена, Ви-

ланд не стал ни воровать, ни попрошайничать. Он трудился, и я рад, что, в свою очередь, смог оказать ему услугу.

— Расскажи нам о нем, — попросил Дан. — Я, пожалуй, с удовольствием послушал бы о древних богах.

Дети устроились на земле поудобней, каждый жевал травинку. Пак оперся на свою сильную руку и продолжал:

— Дайте подумать... Впервые я встретил Виланда в один из ноябрьских дней, во время сильной бури, в долине Певенси...

— Певенси? Вон там, за горой? — спросил Дан, указывая на юг.

— Да, но тогда там было сплошное болото, до самого Хосбриджа и Хайденея. Я был на Маячном холме — тогда его называли Брунанбург, — когда неожиданно увидел в небе бледный отсвет горящей соломы и поспешил посмотреть, что это. Какие-то пираты, наверно, люди Пеофна, подпалили в долине деревню, а на носу черной, только что вытащенной на песок тридцатидвухвесельной галеры лежал громадный черный идол, вырезанный из дерева, с янтарным ожерельем на шее — это был Виланд. Ну и холод тогда стоял! С палубы свисали сосульки, весла обледенели, лед блестел и на губах Виланда. Как только он меня увидел, сразу затянул длинную песню на своем языке. Он пел о том, как будет править всей Англией и как я буду видеть дым его алтарей от Линкольншира* до острова Уайт*. Но

мне-то было все равно! Я видел уже очень многих, которые замахивались на всю Англию, да оставались ни с чем. Пока его люди сжигали деревню, я дал ему вволю напиться, а потом сказал (не знаю, как это пришло мне в голову): «О Кузнец Богов, придет время, и мы еще встретимся, ты будешь работать у дороги и за деньги продавать свое мастерство».

— А что ответил Виланд? — спросила Юна. — Он рассердился?

— Он начал ругаться, завращал глазами, но я просто ушел к себе — отправился в глубь острова предупредить жителей о приближении пиратов. Но пираты тогда захватили всю страну, и на много веков Виланд сделался одним из главных богов. Его храмы были везде — от Линкольншира до острова Уайт, как он и предсказывал. А сколько он получал пожертвований! По-моему, это было чересчур. Хотя надо отдать ему должное — он не любил, когда ему жертвовали людей, ему больше нравились лошади. Но все равно, что бы ему там ни жертвовали, я знал: ему еще придется спуститься с небес на землю, — так же, как и всем древним богам. Я дал ему уйму времени — что-то около тысячи лет, — после чего пришел в один из его храмов под Андовером посмотреть, как обстоят дела. В храме стоял алтарь, на нем возвышался идол — изображение Виланда, а вокруг стояли жрецы и верующие. Все казались совершенно счастливыми, кроме самого

Виланда и его жрецов. То ли бывало в прежние времена! Тогда ни один человек не чувствовал себя в безопасности, пока жрецы не избрали себе жертву*. И вы испугались бы на их месте. Но вот началась служба. Жрец схватил какого-то человека, потащил к алтарю и сделал вид, что бьет его по голове маленьким позолоченным топориком, а человек упал и притворился мертвым. Все закричали: «Жертва Виланду! Жертва Виланду!»

— Так человек не был на самом деле мертв? — спросила Юна.

— Ничуть. Все было сплошное притворство, как в игре в куклы. Потом привели прекрасного белого коня, и жрец, отрезав несколько волосков от его хвоста и гривы, сжег их над алтарем, громко крича: «Жертва! Жертва!» Считалось, что и человек, и лошадь убиты. Сквозь дым я видел лицо бедняги Виланда и едва удержался от смеха. Он выглядел таким сердитым и голодным, ведь ему пришлось довольствоваться лишь противным запахом паленого волоса. Ну точно игра в куклы!

Я решил ничего ему пока не говорить, это было бы нечестно, а когда пришел туда в следующий раз — еще через несколько сотен лет, то не нашел ни Виланда, ни его храма. Вместо него там стояла христианская церковь, и жил епископ. Никто из Древнецов ничего о Виланде не слыхивал, и я подумал, что он покинул Англию.

Пак перевернулся, оперся на другой локоть и надолго задумался.

— Давайте подсчитаем, — сказал он наконец. — Я вернулся к холму Пука лет, наверное, через пять — это было, пожалуй, за год-два до Завоевания*, — и случайно услышал, как старый Хобден рассказывает о каком-то броде Виланда.

— Если ты имеешь в виду старого Хобдена-пасечника, то ему только семьдесят два года, — сказал Дан. — Он сам говорил. Он наш близкий друг.

— Ты абсолютно прав, — ответил Пак. — То был прапра... ну, в общем, далекий предок вашего Хобдена. Он был свободным человеком и работал угольщиком в местной кузнице. Я так давно знаю эту семью, отцов и детей, что иногда даже путаюсь. Моего Хобдена звали Хоб из Дена, и он жил при кузнице. Я, конечно же, сразу наострил уши, когда услышал о Виланде, и поспешил через лес к названному броду, вон туда, за болото.

Пак мотнул головой в сторону запада, где долина сужается между двумя поросшими лесом холмами.

— Ой, так там же Виллингфордский мост! — воскликнула Юна. — Мы туда часто ходим гулять, там живет пегий зимородок.

— В те времена, моя милая, это был всего-навсего брод Виланда. От маяка на вершине холма к нему вела дорога (хоть и плохонь-

кая), она шла через дремучий дубовый лес — дубы там стояли огромные, вековые — и в лесу водились олени. Виланда нигде не было ни видно, ни слышно. Но вот под деревом я заметил старого толстого фермера, который, очевидно, только что спустился с Маячного холма. Его лошадь потеряла подкову, и поэтому он, добравшись до брода, слез с нее, достал из кошелька пенни, положил его на камень, привязал свою старую кобылу к дубу и крикнул: «Эй, кузнец, тут есть для тебя работа!» После чего опустился на землю и заснул. Представьте себе, что я почувствовал, когда увидел, как старик-кузнец в кожаном переднике медленно вышел из-за дерева и стал подковывать лошадь. Это был Виланд — сгорбившийся, с длинной седой бородой. Я так изумился, что подскочил к нему и крикнул: «Виланд! Что ты здесь делаешь?»

— Бедный Виланд, — вздохнула Юна.

— Виланд отбросил со лба длинные волосы. Он узнал меня не сразу, но когда узнал, произнес: «Сам знаешь. Ты ведь это предвидел. Я работаю за деньги — подковываю лошадей. Меня сейчас и зовут иначе — Вейланд-кузнец».

— Бедняжка, — посочувствовал Дан, — Ну и что же ты ответил?

— А что я мог ответить? Он положил копыто лошади себе на колено и, улыбаясь, произнес: «Было время, когда я не принял бы этот

старый мешок с костями даже себе в жертву, а вот сейчас рад, что могу заработать на нем пенни».

«А разве ты не можешь отправиться обратно в Вальгаллу*, или откуда там ты пришел?» — спросил я.

«Боюсь, что нет», — ответил Виланд, соскабливая грязь с копыта.

Он умел прекрасно обходиться с лошадьми. Старая кобыла тихо ржала от удовольствия. «Ты наверно помнишь, что когда было мое время, когда я был в силе, я не отнюдь слыл эдаким добреньким боженькой. И теперь я не могу обрести свободу, пока кто-нибудь из людей искренне не пожелает мне добра».

«Ну, так фермер обязательно это сделает, ты ведь подковал ему лошадь, все четыре ноги...»

«Да, — ответил он, — и мои гвозди будут держаться долго — от одной полной луны до другой. Но местные фермеры подобны местной глине — они такие же скользкие и холодные».

Вы не поверите, но когда фермер проснулся и увидел лошадь подкованной, он взял и уехал, даже не поблагодарив кузнеца. Я так разозлился на хама, что тут же развернул его лошадь и прогнал ее вспять все три мили до вершины Маячного холма, чтобы научить невежу учтивости.

— Так ты был невидим? — спросила Юна.
Пак мрачно кивнул:

— В те времена на вершине холма располагался маяк. Его всегда держали наготове, чтобы зажечь сигнал, если в долине Певенси высадутся французы. И вот вокруг этого маяка я водил и водил его лошадь всю ночь напролет. Фермер решил, что его околдовали — и, действительно, без колдовства тут не обошлось. Он начал молиться и кричать. Но мне было все равно! Из него христианин не лучше, чем из меня. Около четырех часов утра мы наконец увидели, что из монастыря, стоящего на вершине Маячного холма, идет молодой послушник.

— А кто такой послушник? — спросил Дан.

— Вообще-то, человек, который готовится стать монахом, но в те времена люди посылали сыновей в монастырь просто как в школу — учиться. Этот юноша каждый год проводил по несколько месяцев в монастыре во Франции, а теперь заканчивал учение здесь, в монастыре рядом с домом. Его звали Хью. В то утро он встал пораньше, чтобы поудить рыбу в ручье. Его семья владела всей этой долиной. Услышав крики фермера, он подошел и спросил, что с ним. Тут фермер начал плести всякие небылицы о ведьмах, колдунах и домовых, но я-то знал, что за всю ночь он не видел никого, кроме кролика да оленя. Жители Холмов ведут себя, как выдры: они показываются

только тогда, когда захотят. Однако этот послушник был неглуп. Он посмотрел на копыта лошади, увидел новые подковы, подбитые так, как это умел делать один лишь Вейланд. Он забивал гвозди особым способом, получившим название «заклепка Вейланда».

«Хм, — произнес Хью, — где ты подковал лошадь?»

Сначала фермер не хотел говорить, потому что священники терпеть не могут, когда их прихожане имеют какие-то дела со старыми богами, но в конце концов признался, что лошадь подкована Вейландом.

«А сколько ты ему заплатил?» — спросил Хью.

«Пенни», — мрачно ответил фермер.

«Это меньше, чем запросил бы кузнец-христианин, — заметил Хью. — Надеюсь, что к пенни ты прибавил хотя бы “спасибо”».

«Нет, — ответил фермер. — Вейланд-кузнец — язычник».

«Язычник или нет, а ты воспользовался его помощью, а за всякую помощь должно платить благодарностью».

«Что? — вскричал фермер. Он был страшно зол, учтите, что все это время я продолжал водить его лошадь кругами. — Что ты говоришь, нахал! По-твоему, выходит, надо говорить “спасибо” даже сатане, если он тебе поможет, да?»

«Хватит тут кричать и ругаться, — сказал послушник. — Иди назад к броду и поблагодари кузнеца, иначе тебе не поздоровится».

Фермер вынужден был ехать назад. Я вел лошадь, хотя меня, понятное дело, никто не видел, а послушник Хью шел рядом. Длинные полы его платья сбивали сверкающую росу, а удочка торчала вперед, словно копье. Когда мы достигли брода — а было только пять часов, и под густыми дубами еще стоял туман, — фермер просто наотрез отказался говорить «спасибо». Он пригрозил пожаловаться аббату монастыря, что Хью хочет заставить его поклоняться языческим богам. Тут уж послушник не выдержал. Крикнув: «А ну, слезай!», он схватил фермера за жирную ногу, сбросил прямо на землю, и прежде чем тот смог подняться, с такой силой потряхнул его за загривок, словно крысу, что фермер наконец прохрипел: «Спасибо тебе, Вейланд-кузнец».

— А Виланд все это видел? — спросил Дан.

— О да, и когда фермер глухо шлепнулся оземь, Виланд издал свой старый боевой клич. Он был доволен. Затем Хью повернулся к Виланду и сказал: «Эй, Кузнец Богов, мне стыдно за этого грубияна, но я благодарю тебя за все, что ты по доброте своей сделал для него и для других людей, и желаю тебе добра». Потом он взял удочку — сейчас она еще больше походила на длинное копье — и зашагал прочь.

— А что же бедняга Виланд? — спросила Юна.

— Он засмеялся и закричал от радости, потому что наконец стал свободен и мог уйти. Но он был честный Древнец, он сам зарабатывал себе на хлеб и хотел, прежде чем уйти, отплатить добром за добро. «Я сделаю этому юноше подарок, — сказал он. — Подарок, который будет служить ему во всех уголках света. Да и Старой Англии он послужит. Раздуй-ка мне мехи, дружок, пока я подыщу подходящий кусок железа. Последний раз беру я в руки молот». И он выковал меч — темного металла, изгибающийся и переливающийся, как волна, а я все раздувал мехи, пока Виланд работал. Клянусь Дубом, Ясенем и Терновником, это был действительно, скажу я вам, Кузнец Богов. Дважды он охлаждал меч в бегущей воде, а в третий раз охладил его в вечерней росе. Он положил его под луной и запел над ним руны — древние заклинания, а затем нанес пророческие руны* на сам клинок. «Это, — сказал он мне, вытирая пот со лба, — лучший меч, который когда-либо делал Виланд. Даже его владелец никогда не узнает, насколько он хорош. Идем в монастырь».

Мы проникли в общую спальню, где спали монахи, и нашли Хью. Виланд вложил ему в руку меч, и я помню, как юноша, не просыпаясь, крепко сжал его рукоять. Затем Виланд

пошел в церковь при монастыре — войти вглубь он не осмелился и, остановившись на пороге, и швырнул на пол все свои кузнечные инструменты: молот, щипцы, рашпиль, чтобы показать, что он покончил с этим ремеслом навсегда. Грохот раздался такой, будто упали рыцарские доспехи. Сразу же сбежались сонные монахи, решившие, что на монастырь напали французы. Первым примчался Хью, размахивая боевым мечом и выкрикивая саксонские боевые кличи. Увидев кузнечные инструменты, все были сбиты с толку и ничего не могли понять, пока Хью не попросил разрешения говорить и не рассказал, как он поступил с фермером, что он пожелал Вейланду-кузнецу и как потом нашел на своей кровати замечательный меч с древними рунами.

Сначала аббат покачал головой, но потом рассмеялся и сказал нашему послушнику: «Сын мой Хью, я и безо всяких знаков от языческих богов знал, что ты никогда не станешь монахом. Бери свой меч, и храни свой меч, и не расставайся с ним и будь так же добр, как ты силен и внимателен к людям. А инструменты Вейланда мы повесим перед алтарем, потому что, кем бы этот Кузнец Богов ни был в прошлом, мы знаем, что он честно зарабатывал свой хлеб и приносил дары святой церкви». Потом все снова отправились спать, все, кроме Хью: он остался

сидеть во дворе, играя с мечом. У конюшни мы с Виландом расстались. «Прощай, Пак, — сказал он мне. — Ты остаешься здесь по праву. Ты видел, как я пришел в Англию, теперь ты видишь, как я ухожу. Прощай же!»

И он побрел вниз по склону, туда, где начинается большой лес, — это место вы называете лесной опушкой, — туда, где он когда-то высадился. Некоторое время было слышно, как он пробирается сквозь густые заросли к Хосбриджу, затем все стихло. Он ушел. Вот так это произошло. Я сам видел.

Дан и Юна надолго притихли.

— А что стало с послушником Хью? — наконец спросила Юна.

— А с мечом? — подхватил Дан.

Пак осмотрел лужайку, она лежала в тени холма Пука, в покое и прохладе. Где-то рядом пронзительно кричал коростель, а в ручье начали плескаться маленькие форельки. Из ольшанника, нервно махая крылышками, прилетел и стал кружить над головами детей большой белый мотылек, а над ручьем появилась легкая дымка тумана.

— Вам это действительно интересно? — спросил Пак.

— Да! Да! — дружно крикнули дети. — Ужасно интересно.

— Очень хорошо. Я обещал вам, что вы увидите то, что увидите, и услышите то, что

услышите, хотя это и произошло три тысячи лет назад, но сейчас мне кажется, что если вы немедленно не вернетесь домой, вас начнут искать. Пойдемте, я провожу вас до ворот.

— Ты еще придешь, когда мы будем здесь? — спросили дети.

— Конечно же, обязательно, — заверил их Пак, — Видите ли, я уже бывал здесь раньше. Пожалуйста, погодите минутку.

Он дал каждому по три листа — Дуба, Ясения и Терновника.

— Пожуйте их, — сказал он. — Иначе дома вы расскажете о том, что видели и слышали, а насколько я знаю взрослых, они тут же пошлют за доктором. Кусайте же листья!

Дан и Юна откусили.

Очнулись они, когда подходили к нижним воротам, возле которых, прислонившись, стоял их отец.

— Ну, как прошла пьеса? — спросил он.

— О, замечательно, — ответил Дан. — Только потом мы, кажется, уснули. Было очень жарко и тихо. Ты помнишь, Юна?

Юна покачала головой и не ответила.

— Понятно, — сказал отец и весело продекламировал:

Поздно, поздно в час ночной
Пришла Килмени домой,
Но где она была, о том она не скажет,
И что видала там, она вам не расскажет*.

— Но почему ты жуешь какие-то листья, доченька? Просто так?

— Нет, это зачем-то было надо, но я точно не помню.

И ни один из них не мог ничего вспомнить, пока...

ГИМН ДЕРЕВЬЯМ

В нашей Старой Англии, как нигде,
Лес зеленый прекрасен,
Но всех пышней и для нас родней
Дуб, терновник и ясень.
Терновник, ясень и дуб воспой
(День Иванов светел и ясен),
От всей души прославить спеши
Дуб, терновник и ясень.

Дуба листва была жива
Задолго до странствий Энея*.
Ясеня-ствол в небеса ушел,
Когда Брут* еще смут не затеял.
Терновник из Трои в Лондон попал,
И с этим каждый согласен.
Прежних дней рассказ сохранили для нас
Дуб, терновник и ясень.

Могучий тис ветвями повис —
Лучше всех эти ветки для лука.
Из ольхи башмаки выходят легки,
И круглые чаши — из бука.
Но подметки протрешь, но вино разольешь,
Хоть твой лук был в бою не напрасен.
И вернешься опять сюда воспевать
Дуб, терновник и ясень.

Вяз, коварный злодей, не любит людей;
Он ветров и бурь поджидает,
Чтобы ради утех сучья сбросить на тех,
Кто тени его доверяет.
Но путник любой, искушенный судьбой,
Знает, где сон безопасен;
И, прервав дальний путь, ляжет он отдохнуть
Под дуб, терновник иль ясень.

Нет, попу не надо об этом знать;
Он ведь это грехом назовет, —
Мы всю ночь бродили по лесу опять,
Чтобы вызвать лета приход.
И светлую весть мы вам принесли:
Урожай будет нынче прекрасен,
Осветило ведь солнце с южной земли
И дуб, и терновник, и ясень.

Терновник, ясень и дуб воспой
(День Иванов светел и ясен)!
До последних дней пусть цветут пышней
Дуб, терновник и ясень.

ЮНОШИ В ЗАМКЕ

80

Через несколько дней дети ловили рыбу в том ручье, который вот уже много столетий прорезает мягкую почву долины. Вершины деревьев сплетались над ним, образуя длинный коридор; сквозь их листву пробивался солнечный свет и пятнами, кружками и полосками падал на берег и на воду. В зеленом коридоре виднелись отмели из песка и гравия, старые корни и упавшие стволы, поросшие мхом и покрытые красными от железистой воды рисунками. Тонкие и бледные стволы наперстянок тянулись к свету; рядом с ними поднимались кусты папоротника, покачивались застенчивые, вечно жаждущие воды цветочки, которые не могут жить без влаги и тени. От движения проворных форелей рябь бежала по тихой поверхности заводей, которые между собой соединялись узкими полосками воды, а с широкими темными заливами ручья были связаны

© Перевод А. Энkvист.

журчащими протоками. Только во время половодья и сам ручей, и заводи, и отдельные лужи — все сливалось в одну бурную, быстро несущуюся стремнину.

Эта часть ручья была одним из самых любимых тайных приютов детей. Старый Хобден показал им, как тут можно веселиться. Там, на залитом теплыми лучами солнца лугу, никто не угадал бы, что происходило под арками из ветвей; в зеленой тени раздавался только стук от случайного удара удочки о нижнюю ветку ивы или свист молодых тисовых листьев, когда леска на мгновение цеплялась за них.

— Мы поймали с полдюжины рыбок, — сказал Дан после того, как дети около часа пробыли в этой теплой сырой чаще. — Не пройти ли нам к Каменистой гряде? Не попробовать ли поудить в Длинной заводи?

Юна кивнула головкой. Она чаще всего разговаривала знаками. И дети вышли из своего темного зеленого убежища, направляясь к маленькой возвышенности, которая заставляет ручей бежать к мельничной речке. Там берега были низкие, пустынные, и от блеска дневного солнца, которое отражалось в воде Длинной заводи, становилось больно глазам.

Едва дети вышли на открытое место, как чуть было не упали от изумления. Большая серая лошадь, вокруг хвоста которой морщилась зеркально-спокойная вода, пила из заводи, и рябь около ее морды вспыхивала, точ-

но расплавленное золото. На лошади сидел старый седой человек, одетый в просторную блестящую кольчугу, сделанную из цепочек. Его голова не была прикрыта; на луке его седла висел железный шлем в форме ореха. Красные сафьяновые поводья узды с фестончатыми краями были около шести дюймов шириной; на спине лошади было седло с толстыми подушками и с красными подпругами; спереди оно придерживалось красным же кожаным нагрудником, сзади — таким же красным ремнем.

— Смотри, — шепнула Юна, точно Дан и так уже не смотрел во все глаза. — Это совсем как картина в твоей комнате: «Сэр Изембрас подле брода».

Всадник повернулся к Юне и Дану; его худое, продолговатое лицо было так же приветливо и кротко, как лицо рыцаря, который на картине перевозит детей.

— Им следовало бы уже быть здесь, сэр Ричард, — прозвучал густой голос Пака.

— Они здесь, — ответил рыцарь и улыбнулся Дану, продолжавшему держать связанных веревочкой форелей. — По-видимому, мальчики не особенно изменились с тех пор, как мои собственные дети удили рыбу в этих водах.

— Если ваша лошадь достаточно напилась, нам будет спокойнее в Кольце, — сказал Пак и кивнул детям головой, словно неделю тому назад он и не усыпил волшебством их память.

Большая лошадь повернулась, одним прыжком поднялась на луг, и из-под ее ног посыпались комья земли.

— Прошу прощения, — сказал Дану сэр Ричард. — В те времена, когда эти земли принадлежали мне, я не любил, чтобы верховые переезжали через ручей где-нибудь, кроме вымощенного брода. Но моей Ласточке хотелось пить, и я желал встретиться с вами.

— Мы очень рады, что вы приехали, сэр, — ответил Дан, — осыпавшиеся же берега — не велика беда...

И мальчик пошел через луг подле огромной лошади, шагая со стороны меча, висевшего у пояса рыцаря. Это был могучий меч с великолепно выкованным эфесом. Юна и Пак шли сзади. Теперь она помнила решительно все.

— Я извиняюсь за листья, — сказал Пак, — но если бы вы рассказали дома о том, что было, вышло бы нехорошо. Правда?

— Да, я думаю, — согласилась Юна. — Но ведь ты сказал, что все волш... что все Жители Холмов ушли из Англии.

— Да, сказал, но сказал также, что вы оба все увидите и узнаете. Ведь сказал же?.. Рыцарь не волшебник. Он — сэр Ричард Даллингридж, мой старинный друг. Он явился сюда с Вильгельмом Завоевателем, а теперь пожелал познакомиться с вами.

— Почему пожелал? — спросила Юна.

— Он слышал о вашей великой мудрости и учености, — не моргнув глазом, ответил Пак.

— Нашей учености? — удивилась Юна. — Да ведь я не знаю, сколько будет девятью девять, а Дан ужасно путается с дробями. Он, верно, желал познакомиться с какими-нибудь другими детьми.

— Юна, — обернувшись, крикнул Дан, — сэр Ричард говорит, что он расскажет нам о том, что случилось с мечом Виланда. Теперь этот меч у него. Вот здорово!

— Нет, нет, — сказал сэр Ричард, соскакивая с седла, потому что они дошли до травянистого круга на мысе, образованном излучиной мельничной реки. — Не я, а вы должны обо всем рассказывать мне; ведь я слышал, что в нынешние времена самый маленький ребенок в Англии мудрее наших ученых писцов.

Он разнуздал Ласточку, перекинул рубиново-красные поводья через ее голову, и умная лошадь пошла щипать траву.

Сэр Ричард (дети заметили, что он прихрамывал) отстегнул от своего пояса меч.

— Вот он, — шепнул Юне Дан.

— Это меч, который брат Хью получил от Придорожного Кузнеца, — сказал сэр Ричард. — Один раз он отдавал мне свое оружие, но я отказался взять его; наконец, меч сделался моей собственностью после боя, какого никогда не вели крещенные люди. Смотрите. — Сэр Ричард наполовину вынул меч из ножен

и повернул его. На обеих сторонах лезвия под самым эфесом, там, где рунические письмена вздрагивали точно живые, на тусклой смертоносной стали виднелись две глубокие борозды. — Скажите же, какое существо сделало их? — спросил детей рыцарь. — Я не знаю, может быть, вы скажете?

— Расскажите им всю историю, сэр Ричард, — попросил рыцаря Пак. — Ведь это же все происходило на их землях.

— Да, пожалуйста, с самого начала, — поддержала Пака Юна; улыбающееся доброе лицо рыцаря теперь еще больше напоминало ей картину «Сэр Изембрас подле брода».

Дети уселись на землю и приготовились слушать. Сэр Ричард стоял с обнаженной головой, на которую падали солнечные лучи, и обеими руками покачивал меч; большая серая лошадь щипала траву за чертой травянистого Кольца, шлем, привешенный к луке седла, слегка повязкивал, когда она дергала головой.

— Хорошо, — сказал сэр Ричард. — Этот рассказ касается вашей земли, а потому я начну его с самого начала. Когда наш Герцог явился из Нормандии, чтобы завладеть Англией, великие рыцари (может быть, вы слышали об этом?) приплыли вслед за ним, стараясь как можно лучше служить ему, потому что Герцог обещал дать им здесь земли; за крупными рыцарями явились и мелкие. Мои домашние в Нормандии были бедны, но родственник мое-

го отца Энгерар Орлиный — его еще называли Энгенульф де Аквила — последовал за графом Мортеном, который, в свою очередь, двинулся вслед за Вильгельмом, или Вильямом-Герцогом, а я устремился за де Аквила. Да, с тридцатью воинами из отцовского дома и с новым мечом я решил попытаться завоевать Англию, и это ровно через три дня после моего посвящения в рыцари. Не думалось мне тогда, что Англия меня победит. Мы направились к Сент-Леку вместе с остальными; это было огромное полчище.

— Он расскажет про битву при Гастингсе в 1066 году? — шепнула Юна, и Пак молча кивнул ей головой; ему не хотелось прерывать рассказчика.

— Там, за холмом, — рыцарь указал на юго-восток, — мы увидели солдат Гарольда. Мы сражались. К вечеру пошел дождь. Мои люди с войском де Аквила преследовали врагов, собираясь грабить. Во время этого преследования был убит Энгерар Орлиный; Жильбер, его сын, подхватил знамя, выпавшее из рук умирающего, и стал во главе отряда. Все это я узнал гораздо позже, потому что мою Ласточку ранили в бок, и я остался у ручья, подле терновника, чтобы омыть ее рану. Вдруг одинокий саксонец окликнул меня по-французски, и между нами начался поединок. Я должен был бы узнать этот голос, но мы бились. Долгое время ни один из нас не мог одолеть другого;

наконец, только в силу несчастной случайности, он поскользнулся, и меч выпал из его рук. Ну-с, я только что был посвящен в рыцари и больше всего в мире желал быть вежливым и великодушным, а потому не поразил мечом своего противника, а попросил его поднять меч.

«Проклятие моему мечу, — сказал он, — из-за него я буду побежден в первом же бою. Вы пощадили мою жизнь. Возьмите это оружие». — Он протянул его мне, но едва я хотел коснуться железного эфеса, как меч застонал, точно раненый человек; я отскочил от него с криком: «Колдовство!»

Дети посмотрели на меч, точно он был готов снова заговорить.

— Внезапно ко мне подбежало несколько саксонцев. Видя одинокого норманна, они уже готовились убить меня, но мой саксонец крикнул, что я его пленник, и велел своим воинам отступить. Таким образом, как видите, молодой саксонский рыцарь спас мне жизнь. Он посадил меня на мою лошадь и десять долгих миль вел ее через леса; наконец, мы очутились в этой долине.

— Здесь? — спросила Юна.

— В этой самой долине. Мы перешли через нижний брод, вот там, под Королевским холмом, — рыцарь снова указал на восток, — где долина расширяется.

— И этот саксонец был Хью, послушник? — спросил Дан.

— Да, скажу вам больше. Он три года до этого пробыл вместе со мной в монастыре в Беке, подле Руана, — посмеиваясь, ответил сэр Ричард, — и аббат этого монастыря, Эрлин, не пожелал, чтобы я там оставался.

— А почему? — спросил Дан.

— Да потому, что я въехал на лошади в столовую, когда ученики сидели за столом, чтобы показать саксонцам, что мы, норманны, не боимся аббатов. Кстати, именно саксонец Хью подбил меня на такую шутку. С того памятного дня мы не встречались с ним. Когда он еще был в шлеме, мне показалось, что я узнал его голос, и, хотя наши предводители бились, мы оба радовались, что ни один из нас не убил другого. Идя подле меня, Хью рассказал мне, что меч ему дал языческий бог (так, по крайней мере, ему казалось), и прибавил, что до сих пор это оружие никогда не пело. Помнится, я посоветовал ему беречься волшебства и чар. — Сэр Ричард задумчиво улыбнулся. — Тогда я был очень молод, очень молод.

Когда мы пришли к дому Хью, из нашей памяти почти исчезло воспоминание о том, что мы враги. Время близилось к полуночи; большой зал наполняла толпа мужчин и женщин; все они ждали вестей. Тут я впервые увидел его сестру, леди Эливу, о которой он рассказывал нам во Франции. Она с ожесточением закричала на меня и захотела, чтобы меня немедленно повесили, но Хью сказал ей, что я пощадил

его. О том, что он спас меня от саксонцев, мой друг умолчал, прибавив только, что в этот день наш герцог одержал победу. Они довольно долго ссорились из-за меня, вдруг он упал без памяти, ослабев от полученных ран.

«Это твоя вина!» — закричала леди Элива, бросилась к брату, наклонилась над ним и велела подать вина и полотняных бинтов.

«Если бы я знал, что он ранен, — ответил я, — он ехал бы на лошади, а я шел бы пешком. Но Хью посадил меня на мою Ласточку и, не жалуясь, все время весело разговаривал со мной. Молю Бога, чтобы я не повредил ему».

«Молись, молись, — сказала она, закусывая губу. — Если он умрет, тебя повесят».

Хью унесли в его комнату; трое рослых слугителей связали меня и поставили под балкой в большом зале, надев на мою шею веревочную петлю. Конец веревки они перекинули через балку, а сами сели подле очага, ожидая, чтобы им сказали, остался ли Хью жив или умер. Сидя, они кололи орехи эфесами своих ножей.

— А что вы чувствовали? — спросил Деа.

— Я был очень утомлен и все-таки от души молился о сохранении жизни моего школьного товарища. Около полудня из долины донесся топот лошадиных копыт, слугители развязали меня и убежали из замка, а во двор въехали солдаты де Аквила. С ними явился Жильбер Орлиный, ведь он всегда говорил,

что, «подобно своему отцу», никогда не покидает никого из «своих».

Жильбер был мал ростом, как и его отец, с носом, крючковатым, точно орлиный клюв, и с глазами, желтыми, тоже как у орла. Он всегда ездил на крупных чалых боевых конях, которых воспитывал сам, и не терпел, чтобы ему помогали садиться в седло. Войдя в комнату, Жильбер увидел, что с верхней балки свешивается веревка, и засмеялся; захохотали и его спутники, я не мог подняться с пола — весь онемел.

«Жалкий прием для рыцаря-норманна, — сказал он, — но всё равно будем и за то благодарны. Скажи, мальчик, кто так обошелся с тобой? Мы как следует рассчитаемся с твоим обидчиком».

— Что он хотел сказать? Он решил убить их? — спросил Дан.

— Конечно. Но я посмотрел на леди Эливу, стоявшую среди своих служанок, и на ее брата, державшегося подле нее. Воины Жильбера пригнали всех в переднюю залу.

— А она была хорошенькая? — спросила Юна.

— За всю мою долгую жизнь я никогда не видал женщины, достойной расстилать сухие тростники перед ногами леди Эливы, — совершенно просто и спокойно ответил рыцарь. — Я смотрел на нее, и мне пришло в голову, что шуткой могу спасти ее и ее замок.

«Я явился сюда неожиданно, просто-напросто вломился в этот дом, — сказал я Жильберу, — а потому не могу упрекнуть саксонцев за недостаток любезности». — Но мой голос дрожал, с этим маленьким человеком не следует... не следовало шутить.

Все молчали, наконец, де Аквила засмеялся.

«Смотрите, мои молодцы, вот так чудо, — проговорил он. — Бой едва окончен, мой отец еще не погребен, а наш самый младший рыцарь уже обосновался в своем замке; побежденные им саксонцы покорились и предложили ему свои услуги. (Я вижу это по их жирным лицам!) Клянусь всеми святыми, — прибавил он, потирая свой орлиный нос, — я никогда не думал, что можно так быстро завоевать Англию. Ну, что же? Я могу только отдать юноше то, что он успел забрать в свои руки. Этот замок твой, мой мальчик, — обратился он ко мне, — владей им до моего возвращения или пока тебя не убьют. Теперь же — на коней, и вперед! Мы отправимся за нашим герцогом в Кент и сделаем его королем Англии».

Он протащил меня за собой к двери; ему подвели его худого чалого коня, который был выше моей Ласточки, но не так хорошо ухожен.

«Слушай, — сказал он, возясь со своими большими латными рукавицами. — Я отдал тебе этот замок, но он — саксонское осиное гнездо, и я думаю, тебя убьют через месяц, как убили моего отца. Но если ты сумеешь сохра-

нить крышу над главной залой, солому над овином и плуг в борозде поля до моего возвращения, ты получишь этот замок от меня, потому что наш герцог обещал графу Мортену все земли около Певенси, а Мортен даст мне из них ту часть, которую он отдал бы моему отцу. Один Бог знает, доживем ли мы с тобой до покорения Англии, только помни, мой мальчик, здесь борьба будет безумной, — он протянул руку за поводьями, — и тебе понадобятся вся твоя хитрость и вся твоя ловкость».

«К сожалению, я не хитер», — сказал я.

«Пока еще нет, — ответил он, поставив ногу в стремя и пришпоривая лошадь. — Пока еще нет, но, мне кажется, тебя скоро научат хитрить. Прощай. Владей замком и останешься жив. Потеряй замок и будешь болтаться на виселице». — Он пришпорил чалого и поскакал; ремни от его щита взвизгнули и закачались.

Итак, дети, я, тогда еще почти мальчик, остался в замке; со мной был только мой отряд в тридцать человек, меня окружала незнакомая местность, языка жителей которой я не знал, и мне предстояло удерживать в своих руках землю, отнятую мною.

— И это было здесь? — спросила Юна.

— Да, здесь. Смотри. От верхнего брода, брода Виланда, до нижнего брода по Прекрасной аллее на запад и на восток было около половины мили. От маяка на юг и на север — по целой миле; в лесах ютились саксонские

воры, грабители норманны, разбойники, браконьеры. Действительно, сущее осиное гнездо!

Де Аквила уехал. Хью стал было благодарить меня за то, что я спас их, но леди Элива сказала, что я сделал это только с целью получить замок.

«Как я мог знать, что де Аквила подарит мне дом и земли? — возразил я. — Если бы я сказал ему, что провел ночь у вас взаперти, к этой минуте замок был бы уже дважды сожжен».

«Если бы какой-нибудь человек надел веревку на мою шею, — проговорила она, — я пожелала бы, чтобы его дом был сожжен трижды, раньше чем заключила бы с ним какое-нибудь соглашение».

«Но на мою шею веревку надела женщина», — ответил я и засмеялся; тогда она заплакала и сказала, что я насмехаюсь над ней, беспомощной пленницей.

«Леди, — произнес я, — в этой долине нет пленников, кроме одного человека, но он не саксонец».

Услышав это, она закричала, что я норманнский вор, что я явился с фальшивыми сладкими речами и с самого начала задумал выгнать ее в поля просить милостыню. В поля! Она никогда не видела лица войны!

Я рассердился и ответил: «Это-то, по крайней мере, я могу опровергнуть, так как клянусь, — и на эфесе меча я поклялся, — я кля

нусь, что моя нога не переступит порога большого зала, пока леди Элива сама не позовет меня в дом».

Ничего не сказав, она ушла из комнаты; я отправился во двор; Хью проковылял вслед за мной, печально посвистывая (это в обычае англичан), и мы увидели трех саксонцев, которые недавно связали меня. Теперь они сами были связаны, и около них стояло человек пятнадцать сильных, мрачных слуг замка в ожидании дальнейших событий. Из лесов, которые тянулись по направлению к Кенту, донесся слабый звук труб Жильбера Орлиного.

«Прикажете их повесить?» — спросили мои солдаты.

«В таком случае мои люди будут драться», — прошептал Хью, но я попросил его спросить троих саксонцев, на что они надеются.

«Ни на что хорошее, — в один голос ответили они. — Она приказала нам тебя повесить, если наш господин умрет. И мы повесили бы тебя. Вот и все».

Я стоял и раздумывал; вдруг из дубового леса на Королевском холме выбежала женщина и закричала, что какие-то норманны угоняют свиней.

«Норманны там или саксонцы, — сказал я, — мы должны заставить их уйти, не то они ежедневно будут грабить нас. Бегите за ними, каждый с тем оружием, какое у него найдется...»

Итак, я освободил трех слуг-саксонцев, и мы все вместе побежали к лесу, мои воины впремешку с саксонцами, кто с луком, кто с копьем; это оружие было спрятано в соломенных крышах их хижин. Хью вел саксонцев до Королевского холма. Мы увидели там малого из Пикардии, он был разносчик и продавал вино в лагере герцога, а теперь мошенник надел на свою руку щит убитого рыцаря и ехал на украденной лошади; с ним было человек двенадцать бездельников. Все они гнали, колотили и кололи копьями наших свиней. Мы прогнали их и спасли стадо. Сто семьдесят свиней сохранили мы после этой великой битвы! — со смехом прибавил сэр Ричард.

Тогда мы впервые действовали с Хью заодно, и я попросил его сказать своим людям, что буду поступать так с каждым — рыцарем ли, рабом ли, норманном или саксонцем, кто украдет хоть одно яйцо в долине. Когда мы ехали домой, Хью сказал мне: «Сегодня ты сделал многое для завоевания Англии».

А я ответил: «В таком случае Англия должна быть моей и твоей. Помоги мне, Хью, договориться с этими людьми. Растолкуй им, что если они меня убьют, де Аквила, конечно, пришлет сюда отряд, который уничтожит их всех, и вместо меня посадит в замке гораздо худшего человека».

«Может быть, ты и прав, — сказал Хью и подал мне руку. — Лучше знакомый дьявол,

чем дьявол неизвестный, значит, пусть все остается как есть, пока мы не отправим вас, норманнов, восвояси».

То же говорили и его саксонцы. Когда мы гнали свиней с холма, они смеялись, и, мне кажется, уже тогда некоторые из них перестали ненавидеть меня.

— Мне нравится брат Хью, — мягко сказала Юна.

— Он, бесспорно, был самый совершенный, вежливый, отважный, нежный и мудрый рыцарь, когда-либо живший на земле, — сказал сэр Ричард, поглаживая свой меч. — Он повесил свой меч — вот этот — на стене большого зала, говоря, что это оружие по праву мое, и не снимал его до возвращения де Аквила, как вы сейчас увидите. Три месяца его и мои люди охраняли долину, наконец, все разбойники и ночные бродяги поняли, что от нас они добьются только побоев да виселицы. Мы рука об руку дрались со всеми являвшимися в долину (иногда по три раза за неделю), дрались и с ворами, и с безземельными рыцарями, которые искали хорошие замки. Потом наступило мирное время, и с помощью Хью я попробовал управлять долиной — ведь вся эта ваша долина была моим имением. Я старался действовать, как подобает рыцарю. Я сохранил крышу над залом и солому над овином, но... смелый народ — эти англичане. Саксонцы смеялись и шутили с Хью, и Хью смеялся с ними,

и (это удивляло меня), если кто-нибудь из них, хотя бы самый незначительный, говорил, что то или другое — местный обычай, Хью и старые служители замка, случайно оказавшиеся поблизости, забывали все остальное и начинали это обсуждать. (Я видел, как однажды они даже остановили так мельницу с недомолотым зерном). И если оказывалось, что то или другое действительно старинный обычай, то ничто не могло им помешать: они поступали согласно установленному порядку, даже если это противоречило интересам Хью, его желанию и приказаниям. Просто невероятно!

— Да, — сказал Пак, в первый раз вступая в разговор. — Обычаи Старой Англии начали править страной раньше, чем пришли рыцари норманны, и пережили их, хотя норманны жестоко боролись с ними.

— Только не я, — проговорил сэр Ричард. Я предоставлял саксонцам идти по намеченному ими пути, зато, когда мои воины, пробывшие в Англии менее шести месяцев, говорили, что то или другое в обычае страны, — я сердился. Ах, славные дни! Ах, чудесный народ! И как же я любил их всех!

Рыцарь протянул руки, точно желая прижать к сердцу всю эту долину, а Ласточки, услышав звон его кольчуги, подняла голову и тихонько заржала.

— Наконец, — продолжал он, — через год, полный усилий, трудов и легких столкновений,

в эту долину вернулся де Аквила; он приехал один и совсем неожиданно. Я встретил его около нижнего брода; на седле перед ним сидел мальчишка-свинопас.

«Тебе незачем давать мне отчет в управлении замком, — сказал он, — я все узнал вот от этого мальчика. — И он прибавил, что маленький свинопас остановил подле брода его большую лошадь, помахав перед ней веткой, и закричал, что путь закрыт. — А уж если полунагой смелый ребенок в наши дни решается охранять брод, это значит, ты управлял хорошо, — прибавил де Аквила и, отдуваясь, покачал головой».

Он ущипнул мальчика за щеку и взглянул на наш скот, пасшийся на пологом берегу реки.

«Скотина у тебя жирная, — сказал он, потирая себе нос. — Да, люблю ловких и хитрых людей. — Что, уезжая, я сказал тебе, мальчик?»

«Удержи в своих руках замок или будешь болтаться на веревке», — был мой ответ. Я никогда не забывал слов Жильбера Орлиного.

«Правильно. И ты удержал замок», — он сошел с седла, концом меча вырезал кусок дерна на берегу и подал его мне, преклонившему колено.

Дан посмотрел на Юну. Юна посмотрела на Дана.

— Ввод во владение, — шепнул Пак.

«Теперь ты законно введен во владение замком и землями, сэр Ричард, — сказал де

Аквила. — Ты и твои наследники на веки вечные владельцы этого имения. Куска дерна достаточно на время; потом писцы короля напишут на пергаменте документ. Вся Англия наша... если только нам удастся удержать ее в руках».

«Какую подать я буду платить?» — спросил я, и отлично помню, какую гордость почувствовал при этих словах.

«Рыцарскую, мальчик, рыцарскую, — сказал он, прыгая вокруг лошади на одной ноге. (Говорил ли я, что он был мал ростом, но терпеть не мог, чтобы его подсаживали в седло?) — Шесть всадников или двадцать лучников ты будешь присылать мне, как только я потребую их и... Откуда у вас такой хлеб? — перебил он сам себя, потому что приближалась жатва и хлеб у нас действительно вырос хороший. — Я никогда не видывал такой блестящей соломы Ежегодно присылай мне по три мешка таких же семян; кроме того, в память нашей предпоследней встречи, — когда на твоей шее болталась веревка, — ежегодно в течение двух дней угощай меня и мою свиту в большом зале твоего замка».

«К сожалению, — сказал я, — мне сразу приходится разочаровать моего господина. Я дал слово не входить в большой зал». — И я рассказал Жильберу о клятве, данной мной леди Эливе.

— И с тех пор вы никогда не бывали в доме? — спросила рыцаря Юна.

— Никогда, — с улыбкой ответил сэръ Ричард. — Я построил себе на холме маленькую деревянную хижину, в ней ночевал, перед ней чинил суд и расправу... Де Аквила повернул лошадь, его висевший на спине щит колыхнулся.

«Это не беда, мальчик, — сказал он, — я окажу тебе почет позже, через двенадцать месяцев».

— Он хотел сказать, что в течение первого года сэру Ричарду не придется приглашать его на пир, — объяснил детям Пак.

Де Аквила пробыл несколько дней у меня в хижине; Хью, умевший читать, писать и считать, показал ему отчетный свиток, в котором были записаны названия всех наших полей, а также имена служащих. Мой господин задавал ему тысячи вопросов о землях, о лесе, о пастбищах, о мельнице, о рыбных прудах и о достоинствах каждого жителя долины. Но де Аквила ни разу не произнес имени леди Эливы, ни разу не подошел к дверям замка. По вечерам он пил с нами в хижине. Да, он сживал на соломе, точно орел, распушивший свои перья; его желтые глаза бегали по сторонам, и, разговаривая, он, точно орел, перескакивал с одного предмета на другой, но всегда быстро устанавливал между ними связь. Бывало, он

немного полежит спокойно, потом солома зашуршит, де Аквила задвигается и начнет говорить, да порой так, точно он сам король; нередко он высказывал свои мысли в притчах и баснях, и, если мы не сразу понимали их значение, толкал нас под ребра своим мечом в ножнах.

«Слушайте, вы, мальчишки, — сказал он однажды. — Я родился не вовремя. Пятьсот лет тому назад я сделал бы Англию такой страной, которую не смог бы покорить ни один датчанин, саксонец или норманн. А если бы я родился пятьсот лет спустя, то сделался бы таким советником королей, какие никогда не грезились миру. Все это здесь, — прибавил де Аквила, постучав по своей крупной голове, — но в наш темный век моим способностям нет простора. Теперь Хью более подходящий человек, чем ты, Ричард». — И его голос зазвучал хрипло, точно карканье ворона.

«Правда, — согласился я, — без Хью, без его помощи, терпения и выносливости я ни за что не удержал бы в своих руках замка и земель».

«И не сохранил бы себе жизнь, — прибавил де Аквила. — Не один, а сотню раз он спасал тебя. Молчи, Хью, — прибавил он. — Знаешь ли ты, Ричард, почему Хью спал, да и теперь по ночам спит посреди твоих норманнских воинов?»

«Я думаю, чтобы быть подле меня», — сказал я, предполагая, что это так и есть.

«Глупец, — произнес де Аквила, — он спит между ними, потому что саксонцы просили восстать против тебя и выгнать из долины всех норманнов, всех до одного. Не важно, как я об этом узнал, но говорю правду. Хью добровольно стал заложником, хорошо зная, что, если с тобой случится беда от руки его саксонцев, твои норманны без сожаления убьют его. И саксонцы это знают. Правду я говорю, Хью?»

«До известной степени, — смутившись, согласился Хью. — По крайней мере, так было полгода тому назад. Теперь мои саксонцы не тронут Ричарда. Мне кажется, они знают его, но все-таки я думал, что осторожность не помешает».

— Вот, дети, что этот человек сделал, а я то и не догадывался ни о чем. Каждую ночь он ложился спать между моими воинами, зная, что если какой-нибудь саксонец поднимет на меня нож, ему придется своей жизнью расплатиться за мою.

«Да, — продолжал де Аквила, — и у него нет меча. — Он указал на пояс Хью, который снял свой меч (не помню, говорил ли я вам это?) в тот день, когда при Сент-Леке оружие выпало у него из рук. С собой он носил только короткий нож и большой лук. — У тебя нет меча, нет земли, Хью; а между тем мне говорили, что ты родственник графа Годвина. (Хью действительно был из рода Годвина.) Дом и имение, прежде принадлежавшие тебе,

отданы этому мальчику и его потомству. Прислуживай ему, потому что он может выгнать тебя, как собаку, Хью».

Хью не проронил ни слова, но я слышал, как он заскрипел зубами. Тогда я попросил моего высокого господина, Жильбера Орлиного, замолчать, так как в противном случае я заткну ему глотку, де Аквила рассмеялся и хохотал до слез.

«Я говорил королю, — сказал он, — что случится, если он отдаст Англию нам, вора́м-норманнам. Вот, Ричард, всего каких-нибудь два дня ты по праву владеешь замком и землями, а уже восстаешь против своего господина. Что нам с ним сделать, сэ́р Хью? А?»

«У меня нет меча, — ответил Хью, — не шутите со мной». — И, прижав голову к коленям, он застонал.

«Ты еще глупее Ричарда, — совсем изменившимся голосом сказал де Аквила. — Полчаса тому назад я пожаловал тебе замок Даллингтон», — и, вытянувшись на соломе, он толкнул Хью своим мечом в ножнах.

«Мне? — спросил Хью. — Я саксонец и, хотя люблю Ричарда, но не могу быть вассалом какого-нибудь норманна».

«Придет время (до которого я за мои грехи не доживу), и в Англии не будет ни саксонцев, ни норманнов, — сказал де Аквила. — Если я что-нибудь понимаю в людях, ты без всяких клятв гораздо вернее множества норманнов.

Возьми Даллингтон и, если хочешь, завтра выходи биться против меня».

«Нет, — ответил Хью. — Я не ребенок. Я сумею вас отблагодарить». — Он протянул обе руки де Аквила и поклялся хранить ему верность; потом, помнится, я поцеловал его, а де Аквила поцеловал нас обоих.

Позже мы уселись на свежем воздухе подле моей хижины. Вставало солнце, и де Аквила увидел, как наши люди шли работать в поля. Мы говорили о замечательных вещах: о том, как будем управлять нашими замками; толковали и об охоте, о разведении лошадей, о мудрости и благоразумии короля; Жильбер теперь говорил с нами, как со своими настоящими братьями.

Но вот ко мне подкрался наш слуга, один из трех саксонцев, которых я не повесил за год перед тем, проревев (у саксонцев это считается шепотом), что леди Элива желает поговорить со мной в замке. Она каждый день ходила гулять и обыкновенно присылала, мне сказать, куда идет, чтобы я мог отправить за ней одного-двух лучников, которые охраняли бы ее. Очень часто я сам прятался в лесу и смотрел, куда она направляется.

Я быстро пошел на зов, и когда поравнялся с большими дверями замка, кто-то отворил их изнутри, и я увидел леди Эливу. Она мне сказала: «Сэр Ричард, не угодно ли вам пожаловать в ваш замок?» — и заплакала. Мы были одни.

Рыцарь замолчал и долгое время не произносил ни слова; он с улыбкой смотрел на долину.

— Вот здорово, — сказала Юна и слегка захлопала в ладоши. — Она раскаялась и сказала вам это.

— Да, раскаялась и сказала это, — повторил сэр Ричард, который слегка вздрогнул и очнулся. — Очень скоро (хотя сам он утверждал, что прошло целых два часа) к дверям замка подъехал де Аквила со своим блестящим щитом (его вычистил Хью) и попросил принять его, как гостя, назвав меня неверным рыцарем, желавшим до смерти заморить голодом своего высокого господина.

Наконец, Хью закричал, что в этот день ни один человек не должен работать в полях; наши саксонцы затрубили в рога и уселись пировать и пить; позже они устроили скачки, танцевали и пели. Де Аквила вскочил в седло, заговорил с ними на языке, который клятвенно называл саксонским; однако никто его не понял. Вечером мы пировали в большом зале и, когда ушли арфисты и певцы, долго-долго сидели за высоким столом. Я помню, стояла теплая ночь, на небе сияла полная луна; де Аквила приказал Хью снять со стены свой меч в честь того, что ему подарен замок Даллингтон, и Хью с удовольствием исполнил его приказание. Вероятно, на эфесе была пыль, потому что я видел, как Хью сдувал ее.

Мы с ней сидели в сторонке, и вдруг нам показалось, что в залу вернулись арфисты, потому что комната наполнилась мелодиями. Де Аквила вскочил с места; на полу лежал только лунный свет.

«Слушайте, — сказал Хью. — Это поет мой меч», — и когда он пристегнул его к поясу, мелодия замолкла.

«Высшие силы запрещают мне носить такое оружие, — сказал де Аквила. — Что предсказывают звуки?»

«Это знают только божества, которые его сделали. В последний раз меч заговорил в битве при Гастингсе, когда я потерял все мои земли. Теперь он поет, когда я получил новое имение и возродился», — сказал Хью.

Он немного приподнял лезвие, снова с большой радостью вогнал его в ножны, и меч ответил ему тихим воркующим звуком, как... как могла бы говорить женщина со своим мужем, положив голову на его плечо.

«Сегодня я во второй раз я услышал пение этого меча...»

— Смотрите-ка, — сказала Юна. — Вон идет мама. Что-то она скажет сэру Ричарду? Она непременно увидит его.

— И на этот раз Пак не может заколдовать нас, — прибавил Дан.

— А вы в этом уверены? — сказал Пак, наклонился и шепнул что-то сэру Ричарду, который, улыбаясь, кивнул головой.

— То, что дальше случилось с мечом и моим братом Хью, я расскажу вам в другой раз, — сказал рыцарь, поднимаясь с земли. — Эй, Ласточка!

Большая лошадь проскакала галопом по лугу мимо мамы Юны и Дана.

Они слышали, как их мама сказала:

— Смотрите, дети, старая лошадь Глейсона опять забралась на луг. Где это она прошла?

— Как раз под Каменной грядой, — ответил Дан. — Из-под ее копыт вырвалось несколько кусков земли. Мы это только что заметили. И знаешь, мама, мы наловили много рыбы. Целый день мы удили форель.

И дети действительно верили, что они все время провели на реке. Дан и Юна не заметили листьев Дуба, Ясеня и Терновника, которые Пак ловко бросил им на колени.

ПЕСНЯ СЭРА РИЧАРДА

Я с герцогом Вильгельмом вместе
Отправился, броней звеня,
Взять в Англии себе поместье,
Но Англия взяла меня.

Что знал я? Меч, коня и сбрую,
Свободу юности храня...
Теперь я песнь пою иную:
Ведь Англия взяла меня.

Отец известий ожидает,
Моря и мой корабль кляня.
Он все поймет, когда узнает,
Что Англия взяла меня.

Мать из него веревки вяжет,
Хоть он упрямее кремня,
Мать вспомнит юность, как ей скажут,
Что Англия взяла меня.

Мой брат, веселый паж в Руане,
Седлает рыцарю коня,
Но сожалеть он, верно, станет,
Что Англия взяла меня.

Сестре пока всего дороже
Игра и шумная возня.
Ей объяснить сумеют тоже,
Что Англия взяла меня.

Друзья по битве и по чаше
Нахмурятся, меня браня,
Но разошлись дороги наши:
Ведь Англия взяла меня.

Собрание рыцарей известных,
Не сетуйте, меня виня,
А дайте объяснить вам честно,
Как Англия взяла меня.

Никто пройти не сможет мимо
Судьбой назначенного дня.
Любовь и Смерть неотвратимы,
И вот — Любовь взяла меня!

**РЫЦАРИ
В ПОИСКАХ
РАДОСТНОГО ПОДВИГА**

80

ПЕСНЯ ДАТСКИХ ЖЕНЩИН

(исполняется в сопровождении арфы)

Ах, вам только любящих жен покидать бы,
Домашний очаг и поля, и усадьбы, —
Седая стихия разрушит все свадьбы.'

И нет у ней дома для вас, в самом деле,
Гостей спать уложит в холодной постели,
Сквозь льды солнца луч проскользнет еле-еле.

И нет у ней рук — вас удерживать силой,
Лишь водоросли, чтоб служить вам могилой,
К прибрежной скале вас прибьет ветер стылый.

Но все же — лишь почки покроют березы,
Сломаются льды и прокатятся грозы, —
Вы смотрите вдаль — и о чем ваши грезы?

А грезы о криках в разгаре сраженья,
О пене морской и о ветра движенье,
Морское готовите вы снаряжение.

Забудете дом и родню, и застолье,
Корову в хлеву, и коня на приволье,
В нас скрип такелажа откликнется болью.

И вы уплывете под бурные тучи,
А мы будем слушать плеск весел могучий
И ждать месяцами, столпившись на круче.

Да, вам только любящих жен покидать бы,
Домашний очаг, и поля, и усадьбы...
Седая стихия разрушит все свадьбы.

РЫЦАРИ В ПОИСКАХ РАДОСТНОГО ПОДВИГА

Стоял такой жаркий день, что детям не захотелось бегать по открытому месту, и Дан попросил старого Хобдена перетащить их маленькую лодочку из пруда к ручью в конце сада. На лодочке было написано краской ее имя «Дейзи», но, когда дети отправлялись в экспедиции, она носила название «Золотой хвост», или «Длинная змея», или еще какое-нибудь подходящее прозвище. Дан цеплялся за берег багром; в этом узком ручье грести было нельзя. Юна упиралась шестом в песок. Когда дети подплыли к очень мелкому месту («Золотой хвост» сидел на три дюйма в воде), они высадились на берег, заросший деревьями и кустами, и, ныряя под низкими ветвями, повели за собой лодку, держа в руках веревку, прикрепленную к ее носу.

© Перевод А. Энkvист.

В этот день они намеревались было открыть мыс Нордкап, как Отер — «старый морской волк» из книжки, которую Юна принесла с собой; однако жара заставила их изменить план игры и отправиться путешествовать сначала по Амазонке, а затем — к истокам Нила. Даже над затененной водой воздух был накален и тяжел от ароматов цветов; сквозь просветы между деревьями дети видели, что солнце, как огонь, жгло пастбище. Зимородок спал на своей ветке; черные дрозды не спеша прятались от детей в соседних кустах; только стрекозы вились, трепеща крыльями, да болотные курочки перебегали с места на место, и бабочка-адмирал, хлопая крыльями, прилетела к ручью с залитого солнцем луга, чтобы напиться.

Когда брат с сестрой достигли Выдриной заводи, «Золотой хвост» сел на мель, а Юна и Дан улеглись под навесом из зеленых ветвей и стали смотреть, как вода просачивалась сквозь щели в плотине и как маленькие волны перескакивали через позеленевшие доски. Большая форель — дети хорошо знали ее — высунулась из воды наполовину, стараясь поймать муху, которая поплыла по воде в одну из тех минут, когда маленькие волны ручья на мгновение набежали на мокрые валуны. В ту же минуту они снова слышали нежный голос воды, лижущей камни.

— Не правда ли, кажется, будто разговаривают тени деревьев? — спросила Юна. Она

перестала читать книгу и закрыла ее. Дан лежал поперек лодки, опустив руки в воду. На отмели из гравия, которая тянется до половины заводи, слышались шаги, дети подняли глаза и увидели стоявшего над ними сэра Ричарда Даллингриджа.

— Ваше плавание было опасным? — с улыбкой спросил он.

— Лодка часто натыкалась дном на мели, сэр, — ответил Дан. — В нынешнее лето ручей почти пересох.

— Ах, в те времена, когда мои дети играли в датских пиратов, ручей был и глубже, и шире. А вы — пираты?

— О, нет. Мы уже давно перестали играть в пиратов, — объяснила Юна. — Теперь мы почти всегда путешественники, исследователи новых земель. Знаете, мы плаваем вокруг света.

— Вокруг света? — удивился сэр Ричард. Он уселся среди удобно изогнутых корней старого ясеня на берегу. — Как вы можете плавать вокруг земли?

— Разве об этом не говорилось в ваших книгах? — спросил Дан. Во время последнего урока он как раз занимался географией.

— Я не умею ни читать, ни писать, — ответил рыцарь. — А разве ты умеешь читать?

— Да, — ответил Дан, — только немножко запинаясь на очень длинных словах.

— Изумительно! Почитай-ка мне, чтобы я мог слышать.

Дан вспыхнул, но открыл книгу и начал, правда, немного запинаясь, читать стихотворение «Первооткрыватель мыса Нордкап».

Отер был капитан морской,
В Гельголанде он всем был свой,
И Альфреду, суровый,
Он привез клык моржовый,
Держал его правой рукой.

— Я это знаю! Это старая песня. Я слышал, как ее пели. Какое чудо! — прервал мальчика сэр Ричард. — Нет, читай дальше. — Он наклонился; тень от листьев скользила по его кольчуге.

Жил я, плугом поля вороша,
Но не знала покоя душа,
А морские бродяги
Пели мне свои саги,
Мой привычный порядок круша.

Рука рыцаря опустилась на эфес его большого меча.

— Это правда, — произнес он, — то же было и со мной, — и, слушая стихи, он отбивал такт.

Вдруг земля, — сказал Отер нам,
Наклонилась. И берег сам
Нас направил на юг, —
И поплыли мы вдруг
По лихим безымянным морям.

— В безымянное море, — повторил сэр Ричард. — Так было со мной... Так было с Хью и со мной.

— А куда вы плыли? Расскажите, — попросила рыцаря Юна.

— погоди. Дай мне дослушать.

И Дан дочитал поэму до самого конца.

— Отлично, — сказал рыцарь. — Это рассказ о древнем капитане Отере, я слыхивал, как матросы на датских кораблях пели эту песню. Правда, там были немного другие слова, но смысл был тот же самый.

— Вы когда-нибудь изучали север? — спросил Дан и закрыл книгу.

— Нет, я бывал на юге. Мы с Хью, а также с Виттой и его язычниками, побывали так далеко на юге, как никто другой.

Рыцарь поставил свой меч перед собой и оперся на него обеими руками; его взгляд был устремлен вдаль.

— А я думала, что вы всегда жили здесь, — робко заметила Юна.

— Да, пока была жива моя леди Элива. Но она умерла. Она умерла. Видя, что мой старший сын уже взрослый, я попросил Жильбера де Аквила позволить мне отдать под его охрану замок, а самому отправиться путешествовать или совершить паломничество... чтобы забыть свое горе. Де Аквила, которого сын Вильгельма Завоевателя сделал стражем Певенси вместо

графа Мортонa, в то время был очень стар, но все еще ездил на своих высоких чалых конях и, сидя в седле, походил на маленького белого сокола. Когда Хью, живший вот там, в замке Даллингтон, услышал, что я задумал, он послал за моим вторым сыном, которого он, как человек неженатый, сделал своим наследником. С позволения Жильбера Орлиного Хью поручил моему второму сыну охранять его дом и земли на время своего отсутствия, сам же поехал со мной.

— В какое время это было? — спросил Дан.

— На твой вопрос я могу ответить с большой точностью, потому что, когда мы с Хью и с де Аквила оставили позади себя Певенси (не помню, говорил ли я вам, что Жильбер был лордом Певнсея), направляясь к приплывшему из Бордо кораблю, который ежегодно доставлял ему вина из Франции, к нам подбежал человек из долин, крича, что он видел огромного черного козла, несшего на своей спине тело короля, и что этот козел разговаривал с ним. В этот же самый день Вильям Красный, или, как его звали бургундцы, — Вильгельм, сын нашего короля Завоевателя, умер от коварно пущенной в него во время охоты стрелы.

«Скверно, — сказал де Аквила, — когда такие вещи слышишь в самом начале путешествия. Если Красный Вильгельм умер, мне,

может быть, придется мечом охранять мои земли. Погодите немного».

Леди Элива умерла, а потому меня несколько не пугали знамения и приметы; равнодушно относился к ним и Хью. Мы сели на палубу привезшего вино корабля, собираясь отплыть на нем в Бордо, но, когда еще был виден Певенси, ветер стих; нас окутал густой туман, и морское течение понесло наше судно к западу. На палубе больше всего было купцов, возвращавшихся во Францию; груз состоял из шерсти, к перилам были привязаны три пары крупных охотничьих собак. Они принадлежали рыцарю из Артуа. Я не знал его имени, но на его щите были золотые полосы по красному полю, и он хромал так же сильно, как я теперь, от раны, полученной им в юности при осаде Манта. Он служил герцогу Бургундскому, бился под его командой с испанскими маврами и теперь, взяв своих собак, снова возвращался на эту войну. В первую же ночь он спел нам несколько странных мавританских песен и чуть не уговорил нас отправиться с ним. Я хотел ехать на поклонение святыням, чтобы забыться... но паломничество не приносит забвения. Я думаю, я отправился бы с ним, но...

Посмотрите, как меняется жизнь, до чего неожиданно поворачивается судьба человека! К утру датский корабль, который шел тихо,

почти беззвучно на веслах, в тумане столкнулся с нами; наше судно сильно качало, и Хью, наклонившийся через перила, упал за борт. Я прыгнул за ним, и мы оба попали на датскую палубу; раньше, чем мы могли подняться, нас схватили и связали. Наше судно поглотил туман. Я полагаю, рыцарь с золотыми полосами накинул на морды своих собак плащ, чтобы они не залаяли и не выдали купцов; действительно, я слышал, как лай псов внезапно прекратился.

Мы, связанные, пролежали до утра между скамьями; утром же датчане вытащили нас на верхнюю палубу, бросили близ руля, и их капитан, по имени Витта, ногой перевернул нас обоих. Его руки, от локтей до подмышек, украшали браслеты; его рыжие волосы были длинные, как у женщин, и, заплетенные в косы, падали на его плечи. Этот толстый, длиннорукий человек стоял перед нами на кривых ногах. Он отнял у нас все, что мы имели, но едва взяв меч Хью и увидев руны на его лезвии, быстро отбросил это чудесное оружие. Тем не менее жадность пересилила, он два раза пробовал взять меч, в третий же меч запел так громко и гневно, что даже гребцы легли и стали слушать. Потом все заговорили сразу, вскрикивая, как чайки; на палубу вышел желтый человек, такой, каких я никогда прежде не видывал, и перерезал наши веревки. Он был совсем желтый, но не от бо-

лезни; а от природы: желтый, как медь, с раскосыми глазами.

— Как это? — спросила Юна.

— Вот так, — сказал сэр Ричард. Он приложил по пальцу к внешнему углу каждого глаза, потянул кожу вверх, и его глаза превратились в узкие щелочки.

— Вы стали совсем похожи на китайца, — заметил Дан. — Этот человек был китаец?

— Я не знаю, что такое китаец. Витта нашел его, полумертвого, на одном из ледяных берегов Московии. Мы с Хью считали его дьяволом. Он присел перед нами на корточки и подал нам пищу на серебряном блюде, которое эти морские волки, конечно, украли из какого-нибудь богатого аббатства; Витта же собственноручно напоил нас вином. Он немного говорил по-французски, немного — на южно-саксонском наречии и довольно хорошо на языке норманнов. Мы попросили его отпустить нас на берег, обещая ему большой выкуп и уверяя, что таких денег он не получит, продав нас маврам... как это однажды случилось со знакомым мне рыцарем.

— Нет, клянусь головой моего отца, Гутрума, — сказал он, — боги послали вас на мой корабль для жертвоприношения.

Услышав это, я задрожал, зная, что датчане все еще приносили пленников в жертву своим богам, чтобы те даровали мореплавателям хорошую погоду.

— Чума пади на твои четыре длинные кости, — сказал Хью. — Какой тебе прок от бедных старых пилигримов, которые не могут ни работать, ни сражаться?

— Боги сохранят меня от того, чтобы я стал биться с тобой, бедный пилигрим, обладающий поющим мечом, — ответил он. — Остайся с нами и не будь больше беден. Твои зубы редки, а это верный признак, что тебе суждено много путешествовать и разбогатеть.

— А что, если мы не захотим остаться с вами? — спросил Хью.

— Плывите по морю к Англии или к Франции, — произнес Витта. — Мы как раз между двумя странами. Но знайте, если вы сами не захотите утонуть в волнах, ни один волос не упадет с ваших голов на нашей палубе. Мы считаем, что вы приносите нам счастье, и я знаю, что на этом мече хорошие руны.

Он повернулся и приказал своим людям поднять паруса.

С этой минуты, когда мы расхаживали по кораблю и осматривали его, все расступались перед нами. А на это судно стоило посмотреть: его наполняли чудеса.

— Что это был за корабль? — спросил Дан.

— Длинный, низкий, узкий. На нем стояла одна мачта с красным парусом; пятнадцать весел с каждой стороны приводили его в движение, — ответил рыцарь. — На его носу находилась одна палуба, под которой могли лежать

люди, на корме — другая, и раскрашенная дверь отделяла эту часть судна от скамей гребцов. Под кормовой палубой спали мы с Хью, Витта и желтый человек; постелями нам служили мягкие ковры. Я помню, — рыцарь засмеялся, — как мы вошли туда в первый раз и услышали громкие восклицания: «Мечи наголо! Мечи наголо! Смерть, смерть, смерть!» Мы вздрогнули; заметив это, Витта засмеялся и показал нам говорящую серую птицу, с сильным клювом и с красным хвостом. Он посадил ее себе на плечо, и она хриплым голосом попросила у него хлеба и вина, потом сказала, чтобы он поцеловал ее. А все-таки это была просто глупая птица. Но вы, кажется, знаете, в чем дело?

Рыцарь посмотрел на улыбавшихся детей.

— Мы не над вами смеялись, — ответила Юна. — Это, должно быть, был попугай. Все, о чем вы рассказывали, проделывает и наш попугай.

— Мы потом узнали, что это была за птица. Но вот другое чудо. У желтого человека (его звали Китай) была коричневая шкатулка. В шкатулке стояла синяя чашка с красными знаками по краям, а в чашке, на тонкой нитке, висел кусочек железа, не толще вот такого стебелька травы и длиной, пожалуй, с мою шпору, только совсем прямой. По словам Витты, в железе сидел злой дух, которого Китай силой чар увел из его страны, находившейся

на три года пути к югу. Злой дух и день и ночь стремился вернуться к себе домой, а потому, видите ли, железная палка постоянно указывала на юг.

— На юг? — спросил Дан и внезапно опустил руку в карман.

— Я видел это собственными глазами. Каждый день с утра до вечера, даже если корабль качался, даже если солнце, луна или звезды были скрыты облаками, сидевший в железе слепой дух знал, куда ему хотелось идти, и поворачивал конец железки в сторону юга. Витта называл стрелку мудрым железом, потому что она указывала ему дорогу через неведомые моря. Сэр Ричард снова пристально посмотрел на детей.

— Ну, как вы думаете? Это было волшебство?

— То, о чем вы говорите, походило на это? — спросил Дан и вытащил из кармана свой старый медный компас, который всегда хранился там вместе с перочинным ножом и кольцом для ключей. — Стекло-то лопнуло, но стрелка в порядке, сэр.

Рыцарь от изумления глубоко вздохнул:

— Да, да. Мудрое железо дрожало и было подвешено совершенно таким же образом. Посмотрим, стрелка спокойна; теперь она показывает на юг.

— На север, — поправил его Дан.

— Нет, на юг. Здесь юг, — сказал сэр Ричард. И оба засмеялись, потому что, конечно, раз один конец прямой стрелки компаса показывает на север, другой должен указывать на юг.

— Те-те-те, — протянул сэр Ричард, прищелкивая языком. — Раз ребенок может носить эту штуку в кармане, в ней нет никакого волшебства. А зачем и почему стрелка указывает на юг... или на север?

— Папа говорит, что этого никто хорошенько не знает, — ответила Юна.

Сэр Ричард вздохнул с облегчением:

— Значит, все-таки в мудрой палочке может быть волшебство. Для нас она была волшебством. Так мы путешествовали. Когда дул попутный ветер, мы поднимали парус, ложились вдоль подветренной стороны галеры и щитами защищали себя от брызг. Когда ветер был неблагоприятный, гребцы работали длинными веслами, желтый человек сидел подле своего мудрого железа, Витта правил рулем. Сначала я боялся больших волн с белыми гребнями, но, увидев, как благоразумно Витта вел по ним свой корабль, я сделался смелее. Хью с самого начала понравилось плавание. От меня мало проку в море, и подводные скалы или водовороты, в которых весла попадают на утесы и ломаются, пришлось мне совсем не по'нутру. Море бушевало; мы плыли к югу и раз при

лунном свете, который пробивался между косматыми, разорванными облаками, видели, как фламандский корабль перевернулся килем вверх и утонул. Хью работал с Виттой всю ночь, я же лежал под палубой подле говорящей птицы, и мне было все равно, останусь ли я жив или умру. Меня мучила морская болезнь, целых три дня — это было хуже смерти. Когда мы увидели землю, Витта сказал, что это Испания. Мы остановились в море. Возле испанского берега сновало множество кораблей, которые помогали герцогу воевать с маврами; мы боялись, что нас повесят солдаты герцога или мавры продадут в рабство. Поэтому мы зашли в одну известную Витте маленькую гавань. Вечером с гор спустились люди с нагруженными мулами; Витта отдал им свой северный янтарь за маленькие железные слитки и за бусы, лежавшие в глиняных сосудах. Горшочки он спрятал под палубами, железо же положил на дно, выкинув предварительно камни и гравий, до тех пор служившие нам балластом. Он брал также вина в обмен на куски сладко благоухавшей серой амбры; маленький ее кусочек, не больше ногтя большого пальца, стоил бочку вина. Но я говорю, точно купец.

— Нет, нет, пожалуйста продолжайте. Скажите нам, что вы ели? — спросил Дан.

— Витта взял из Испании сушеного на солнце мяса, сушеной рыбы, молотых бобов,

кроме того, засахаренных мягких плодов, которые так любят мавры; вкусом они похожи на мякоть винных ягод, но в каждом из них по тонкой длинной косточке. Ага, это были финики, я вспомнил!

Корабль нагрузили. «Теперь, — сказал Витта, — советую вам, чужестранцы, помолиться вашим богам, потому что с этой минуты мы двинемся туда, где еще не бывали люди».

Он и его люди принесли в жертву своим богам черного козла; желтый человек откуда-то достал маленького, улыбающегося идола из темно-зеленого камня и зажег перед ним благовония. Мы с Хью поручили себя Господу Богу, святому Варнаве и Богоматери из церкви Вознесения, которой особенно часто молилась моя супруга. Мы уже не были молоды, но мне кажется, не стыдно сказать, что, когда мы вышли на заре из маленькой тайной гавани и двинулись по тихому морю, нам с Хью стало весело и мы запели, как певали старые рыцари, следуя за нашим великим герцогом в Англию. Между тем нашим вождем был языческий пират; весь наш горделивый флот составляла одна опасно перегруженная галера; предводителем войск был языческий колдун, и стремились мы к гавани за пределами мира. Витта сказал нам, что его отец, Гутрум, однажды прошел на веслах вдоль берегов Африки и приплыл к земле, в которой обнаженные люди давали золото в обмен на железо

и бусы; в этой стране он накупил много золота, немало также и слоновьих клыков. Туда-то с помощью мудрого железа теперь направлялся Витта. Этот человек не боялся ничего, кроме бедности.

«Мой отец говорил мне, — обратился к нам Витта, — что от того берега тянется огромная отмель, простираясь на три дня пути; южнее стоит лес, растущий прямо в море. Южнее и восточнее этого леса мой отец видел место, где люди прятали золото в свои волосы. Но, по его словам, эту страну населяли дьяволы, живущие на деревьях, и они убивали людей, отрывая им руки и ноги. Ну, что вы на это скажете?»

«Золото там или не золото, — ответил Хью, поглаживая свой меч, — нас ждет веселый подвиг. Поехали к твоим дьяволам, Витта!»

«Подвиг! — с горечью пробормотал Витта. — Ведь я всего-навсего бедный пират! Я вверяю мою жизнь плавучей доске не ради удовольствия или подвигов. Если только мне удастся вернуться в Ставангер и почувствовать, как руки моей жены обвиваются вокруг моей шеи, я не буду стремиться к новым подвигам. Судно требует больших забот, чем жена или домашний скот».

Он соскочил с палубы к скамейкам гребцов и стал упрекать их, говоря, что сил у них мало, а желудки огромные. В бою Витта был волк, а по хитрости напоминал лисицу.

Буря прогнала нас на юг; три дня и три ночи наш вождь держал в руках кормовое весло и ловко вел по морю свой длинный корабль. Когда галера начала качаться сверх меры, Витта разбил над морем бочку с китовым жиром, и вода успокоилась; в этой масляной полосе он повернул галеру носом к ветру и выбросил за борт привязанные к концу веревки весла; таким образом, по его словам, он устроил особенный якорь, на котором мы, правда, страшно качались, но нас не заливало. Отец Витты, Гутрум, научил его этой штуке. Он знал также лекарскую книгу Больда, умного врача; знал также корабельную книгу, написанную некоей женщиной по имени Хлаф. Он знал все, что касается корабля.

После бури мы увидели гору со снежной вершиной, которая поднималась выше облаков. Под горой растет трава; сваренная, она служит отличным средством против боли в деснах и опухоли на щиколотках. Близ горы мы пробыли восемь дней; потом прибежали люди, одетые в шкуры, и стали бросать в нас камни. Мы ушли; скоро стало очень жарко, и Витта натянул на согнутые палки над гребцами полотно; приходилось идти на веслах, потому что между островом с горой и африканским берегом ветра не было. Берег покрыт песком, и мы плыли на расстоянии трех полетов стрелы от него.

Мы видели китов, рыб в каких-то щитах и длиннее, чем наша галера. Некоторые из них спали; некоторые разевали на нас рты, некоторые прыгали по горячим волнам. Опустив руку в воду, мы чувствовали ее теплоту; небо затягивал теплый серый туман, и по утрам из него сыпалась мелкая пыль, от которой белели наши волосы и бороды. В этом же месте мы видели рыб, взлетающих на воздух, как птицы. Они падали на колени гребцов; выйдя на берег, мы изжарили и съели их.

Рыцарь посмотрел на детей, уж не сомневаются ли они в его словах, но Дан и Юна только кивнули головками и сказали: «Рассказывайте».

— С левой стороны от нас виднелась желтая суша; с правой — серое море. Несмотря на мое рыцарское достоинство, я вместе с гребцами работал веслом; в то же время ловил морские водоросли, сушил их и засовывал между горшочками с бусами, чтобы они не разбивались. Видите ли, рыцарство хорошо для земли; на море же человек все равно что всадник без шпор, сидящий на лошади без узды. Я научился завязывать на канатах крепкие узлы... да, да, и соединять два конца каната таким образом, что даже Витта с трудом разбирал, в каком месте они сращены. А все-таки в морском деле Хью был в десять раз искуснее меня. Витта поручил ему командовать всеми гребцами с левой стороны. Торкильд из Боркума,

человек со сломанным носом, носивший норманнский стальной шлем, смотрел за правыми гребцами; те и другие старались превзойти друг друга и громко пели. Они видели, что на галере никто не ленился. Поистине, как говорил Хью, вызывая смех Витты, корабль требует больше забот, чем замок.

Почему? А вот почему. Нужно было приносить с берега воду, если мы находили ее, а также дикie плоды, сочную траву и песок, которым мы терли палубы и скамьи, чтобы они оставались гладки и опрятны. Иногда мы вытаскивали галеру из воды на низкие острова, вынимали из нее все, даже железные бруски, тростниковыми факелами сжигали траву, которая выросла на ней, курили под палубами тростником, намоченным в соленой воде, как предписывала Хлаф, та женщина, в своей корабельной книге. Раз, когда мы, раздетые, работали таким образом и наша галера лежала, опираясь на свой киль, птица закричала: «Мечи наголо!», точно видя врага. Витта сказал, что он свернет ей шею.

— Бедный попка! Неужели он это сделал? — спросила Юна.

— Нет. Это ведь была корабельная птица, которая знала имена всех гребцов... Это были хорошие дни для человека, потерявшего жену; хорошо жилось мне с Виттой и его язычниками, где-то там, на краю света. Прошло много недель; наконец, мы подошли к большой

отмели, которая, как говорил отец Витты, тянулась далеко в море. Мы двинулись по ее краю, и скоро головы у нас закружились и в ушах у нас зазвенело: столько отмелей явилось перед нами, и так громко разбивались о них волны. Когда мы снова подошли к земле, то увидели в лесу обнаженных черных людей. За один брус железа они нагружали наше судно фруктами, травами и яйцами. Витта смотрел на них и почесывал себе голову, показывая этим, что ему хотелось бы купить у них золота. Золота у чернокожих не оказалось, но они поняли знак Витты (все продавцы золота прячут этот товар в своих черных волосах) и стали указывать дальше вдоль берега. Они также колотили себя в грудь сжатыми кулаками, и это был дурной знак, но мы его тогда не понимали.

— Что же он значил? — спросил Дан.

— Терпение! Сейчас услышите. Мы шли к востоку шестнадцать дней (считая время по зарубкам, которые мечом делали на рулевых перилах) и вот увидели лес в море. Деревья росли прямо из ила, поднимаясь, как на арках, на тонких и высоких корнях; в темноте под ними извивалось много илистых водяных дорог. В этом месте для нас исчезло солнце. Мы двинулись по извилистым каналам между деревьями и там, где не могли грести, хватались за корни и таким образом двигали наше судно.

но. Вода была гнилая, и большие блестящие мухи терзали нас. Утром и вечером над илом поднимался синий туман, который приносил лихорадку. Четверо из наших гребцов заболели, их пришлось привязать к скамьям, не то они прыгнули бы через борт галеры, и чудовища ила пожрали бы их. Желтый человек лежал больной подле мудрого железа; он переворачивал голову с одной стороны на другую и бормотал что-то на своем родном языке. Хорошо себя чувствовала только птица. Она сидела на плече Витты и громко вскрикивала среди этой молчаливой, но полной странных звуков темноты. Знаете ли, мне кажется, мы больше всего боялись молчания.

Рыцарь замолчал, прислушиваясь к приятному, спокойному, родному говору ручья.

— Мы потеряли счет времени, двигаясь по этим темным коридорам и плесам, и вот однажды услышали очень отдаленный бой барабана; после этого мы скоро попали в широкую темную реку; в этом месте стояли хижины, а вокруг них было расчищенное место, занятое полями тыков. Мы возблагодарили Бога, увидев наконец солнце. Народ, живший в дикой деревне, радостно приветствовал нас. Глядя на чернокожих, Витта почесал себе голову (прося золота) и показал им железо и бусы. Они прибежали на берег, — мы не сходили с корабля, — стали указывать на наши мечи и луки,

потому что, подходя к берегу, мы всегда вооружались. Скоро они принесли много золота в слитках, а также золотого песка и несколько огромных потемневших слоновых бивней. Все эти вещи они сложили на берегу, точно соблазняя нас, потом стали как бы наносить удары в битве, указывая нам на вершины деревьев и на темневший позади хижин лес. Их предводитель или главный колдун начал колотить себя кулаками по груди и заскрипел зубами.

Тогда Торкильд из Боркума сказал:

— Не хотят ли они заставить нас сражаться с ними за это золото и слоновую кость? — И он наполовину обнажил свой меч.

— Нет, — ответил Хью. — Я думаю, они просят нас вместе с ними идти против каких-то врагов.

— Ну, это мне не нравится, — произнес Витта. — Скорее на середину реки.

Мы так и сделали и сидели неподвижно, наблюдая за тем, как чернокожие люди складывали на берегу золото. До нас снова донесся барабанный бой; все черное население кинулось в свои хижины, оставив золото без присмотра.

Сидевший на носу Хью безмолвно протянул руку, и мы увидели, как из лесу вышел огромный дьявол. Он прикрывал свой лоб рукою и облизывал губы розовым языком, вот так.

— Дьявол! — с ужасом и восторгом повторил Дан.

— Да. Он был больше рослого человека и покрыт рыжеватой шерстью. Посмотрев на наш корабль, дьявол принялся колотить себя в грудь кулаками, так что она зазвучала, как барабан; потом подошел к краю берега и, глядя на нас, заскрипел зубами. Хью пустил в него стрелу; она пронзила горло дьявола, и он с ревом повалился на землю; из леса выбежали еще трое дьяволов; они тотчас оттащили раненого на высокое дерево и скрылись. Через несколько минут на землю упала окровавленная стрела, и в листве раздался стон и вой. Витта видел все это, видел он и золото, и ему очень не хотелось оставлять его.

— Господа, — сказал он (до этого мгновения никто не произнес ни слова), — вон лежит то, зачем мы приплыли издалека и с таким трудом; золото у нас под рукой. Приблизимся же к берегу, пока дьяволы воют и жалуются, и постараемся унести столько золота, сколько будет возможно.

Да, смел, как волк, и хитер, как лисица, был Витта! Он поставил на переднюю палубу четырех лучников, поручив им стрелять в дьяволов, если те соскочат с дерева, которое росло близ берега. С каждой стороны он посадил по десять гребцов и велел им смотреть на его руку, наблюдая, гребет ли она вперед или назад; таким образом, он подвел галеру к берегу.

Но никто не хотел высадиться на берег, хотя золото лежало всего в десяти шагах от реки.

Никто не торопился идти навстречу смерти. Гребцы повизгивали над своими веслами, точно побитые собаки, а Витта от ярости кусал себе пальцы.

Вдруг Хью сказал: «Слушайте!»

Сначала нам показалось, что над водой жужжат блестящие мухи, но звук становился все громче и ожесточеннее, теперь его слышали решительно все.

— Что это было? — в один голос спросили Дан и Юна.

— Меч. — Сэр Ричард погладил гладкий эфес. — Он пел, как датчанин поет перед битвой.

«Я иду», — сказал Хью, прыгнул через борт и оказался среди золота. Мне было страшно до мозга костей, но от стыда я кинулся за ним; за мной бросился и Торкильд. Больше не пошел никто.

«Не осуждайте меня! — крикнул Витта с галеры. — Я должен остаться на моем корабле». — Но у нас троих не было времени порицать его или хвалить. Мы наклонились над золотом и перекидывали его на галеру; каждый из нас работал одной рукой, а другой держался за эфес, и все мы поглядывали на дерево, которое нависло над нами.

Я, право, не знаю, как и когда дьяволы соскочили на землю и как начался бой. Я услышал восклицание Хью: «Мечи наголо, наголо!» — точно он опять сражался при Гастингсе. В ту же секунду огромная волосатая рука сбила с го-

ловы Торкильда его стальной шлем, а мимо моего уха просвистела стрела, пущенная с галеры. Говорят, пока Витта не пригрозил гребцам мечом, он не мог заставить их пристать к берегу; потом каждый из четырех лучников сказал мне, что именно Витта пронзил стрелой дьявола, который дрался со мной. Я не знаю. Я бился в кольчуге, и она защищала мою кожу. Длинным мечом и кинжалом я сражался не на жизнь, а на смерть с дьяволом, ноги которого походили на руки. Он кружил меня и толкал то вперед, то назад, точно сухую ветку. Вот он схватил меня поперек туловища и прижал мои руки к бокам, в это мгновение стрела с корабля пронзила его между лопатками, и его огромные руки разжались. Я дважды проткнул его мечом, и он скорчился, наклонив голову между своими длинными руками, закашлялся и застонал. После этого я увидел Торкильда; он, простоволосый, улыбаясь, прыгал перед дьяволом, который тоже кидался из стороны в сторону и скрипел зубами. Хью левой рукой рубанул этого волосатого колдуна, и в моем мозгу мелькнул вопрос — почему я не замечал раньше, что Хью левша. Больше я ничего не видел, пока не почувствовал на своем лице брызги. Я открыл глаза. Светило солнце, мы были в открытом море. Я очнулся через двадцать дней после боя с дьяволами.

— А что произошло во время этой борьбы? Хью умер?

— Никогда крещенные люди не вели такого боя, — ответил сэр Ричард. — Стрела с галеры спасла меня от дьявола; Торкильд из Боркума отступил от своего волосатого врага и подвел его так близко к берегу, что лучники могли стрелять в злое существо. Бившийся с Хью дьявол был хитер: он спрятался за деревьями, и ни одна стрела не могла его поразить. Там, один на один, действуя мечом и руками, Хью убил его, но, умирая, страшное создание сжало зубами меч моего друга. Посудите сами, что это были за зубы.

Сэр Ричард опять повернул меч, чтобы дети могли видеть две большие впадины по обеим сторонам лезвия.

— Те же самые зубы сомкнулись на правой руке Хью и укусили его за бок, — продолжал сэр Ричард. — Что случилось со мной? О, у меня была только сломана нога, и я заболел лихорадкой. Дьявол откусил ухо Торкильду; рука и бок Хью совсем высохли. Я смотрел, как он лежал и сосал сочный плод, держа его левой рукой. Он исхудал до костей; в его волосах появились белые пряди; по кисти его руки бежали голубые вены, точно у женщины. Однажды он обнял меня за шею левой рукой и прошептал: «Возьми мой меч. Он твой со времени битвы при Гастингсе, мой брат; теперь я уже не смогу держать его в руках».

Мы с ним лежали на высокой палубе и разговаривали о Сент-Леке и, кажется, о каждом дне, прошедшем с тех пор; наконец, оба заплакали. Я страшно ослабел, а он превратился чуть ли не в тень.

«Полно, полно, — сказал нам Витта, стоявший у руля. — Золото отлично заменит правую руку. Полюбуйтесь им!»

И он велел Торкильдугу показать нам золото и слоновые бивни, точно мы были детьми. Витта увез все золото, которое было сложено на берегу, и еще вдвое больше; его щедро наградили черные люди за то, что мы перебили так много дьяволов. Они поклонялись нам, как божествам, и Торкильд рассказал мне, что одна из старух заживила бедную руку Хью.

— А сколько золота вы получили? — спросил Дан.

— Могу ли я это сказать? Мы приплыли к стране дьяволов и под ногами наших гребцов лежало железо; вернулись же мы с золотом, спрятанным под досками. С нами также был золотой песок в тюках; мы прятали их в том месте, где спали, держали вдоль бортов, а под скамьями привязали потемневшие слоновые бивни.

«Но все-таки я охотнее сохранил бы правую руку», — осмотрев все, заметил Хью.

«А ведь беда случилась по моей вине, — сказал Витта. — Мне следовало взять с вас

выкуп и посадить вас во Франции, когда десять месяцев тому назад вы попали на мою галеру».

«Теперь немного поздно сожалеть об этом», — со смехом произнес Хью.

Витта подвергал свою длинную косу.

«Но подумайте, — продолжал он. — Если бы я отпустил вас, — чего, клянусь, я ни за что не сделал бы, так как люблю вас больше, чем родных братьев, — так вот, если бы я отпустил вас, вы, может быть, давно уже умерли бы страшной смертью от руки какого-нибудь мавра, сражаясь с бургундским герцогом; вас зарезали бы мавры или вы погибли бы от чумы в жалкой гостинице. Думай об этом, Хью, и не слишком упрекай меня. Смотри. Я возьму только половину золота».

«Да я совсем не упрекаю тебя, Витта, — ответил ему Хью. — Это был занимательный подвиг, и мы, тридцать пять человек, сделали то, чего еще никогда не совершали люди. Если я доберусь живым до Англии, я выстрою укрепление над Даллингтоном, потратив на это мою часть денег».

«А я куплю скот, янтарь и теплое красное сукно для моей жены, — сказал Витта, — и мне будет принадлежать вся земля над фиордом Ставангер. Теперь многие захотят сражаться на моей стороне. Однако прежде всего нам нужно повернуть на север, и я горячо желаю,

чтобы мы не повстречали пиратов; ведь мы везем честно приобретенное сокровище».

И мы действительно были осторожны, боясь потерять хоть одну крупицу золота, за которое сражались с дьяволами.

«Где же колдун? — спросил я однажды, видя, что Витта сам смотрит на мудрое железо, а желтого человека нигде нет».

«Он отправился к себе на родину, — ответил Витта, — в ту ночь, когда мы выходили из леса, он внезапно поднялся и сказал, что за деревьями видит свою страну, прыгнул в илистую воду и, когда мы позвали его, не ответил нам. Ну и мы перестали его звать. Он оставил мудрое железо, а только оно-то мне и нужно; и, видишь, дух по-прежнему указывает на юг».

Мы опасались, что мудрое железо обманет нас, так как желтый человек ушел; когда же заметили, что дух продолжает нам служить, стали бояться слишком сильных ветров, мелей, беспечно прыгающих рыб и всех людей на всех берегах, к которым мы приставали.

— Почему же? — спросил Дан.

— Да потому, что у нас было золото, наше золото. Золото совершенно меняет людей. Прежним остался только Торкильд из Боркума. Он смеялся над Виттой и его опасениями; смеялся над нами, когда мы советовали Витте убирать паруса, хотя галера почти не качалась.

«Право, лучше утонуть свободным, — говорил Торкильд, — чем чувствовать себя привязанным к тюкам с золотым песком».

Он не имел земли и в прежнее время был рабом какого-то восточного властителя. Ему хотелось выковать из золота толстые обручи и обить ими весла и корму.

Несмотря на то что Витта тревожился из-за золота, он, как сиделка, ухаживал за Хью, когда галера качалась, поддерживал его плечом и натянул от одного борта к другому веревки, чтобы Хью мог держаться за них. По его словам, да и по словам его воинов, без Хью они никогда не добыли бы золота. Я помню, что Витта сделал тонкое золотое колечко, и с этих пор наша птица часто качалась на нем.

Три месяца мы то гребли, то шли на парусах, то высаживались на берег, чтобы добыть плодов или вычистить наш корабль. Когда мы увидели диких всадников, гарцевавших между песчаными дюнами, потрясая копьями, мы поняли, что достигли мавританского берега и находимся на севере Испании. Сильный юго-западный ветер в десять дней принес нас к берегу, покрытому высокими красными скалами; мы услышали пронесшийся над золотистым дроком звук охотничьего рога и поняли, что это Англия.

«Теперь сами добирайтесь до вашего Певенси, — сказал нам Витта, — я не люблю узких, наполненных кораблями морей».

Он прикрепил посоленную и высушенную голову дьявола, которого убил Хью, высоко над нашей палубой, и при виде ее все суда отплывали от нас. И все-таки, постоянно думая о нашем золоте, мы боялись их больше, чем они нас. Ночью мы ползали по берегу, пока не увидели меловых утесов восточнее Певенси. Витта не захотел высадиться вместе с нами, хотя Хью обещал ему в Даллингтоне столько вина, что он мог бы в нем плавать. Нет, Витта стремился поскорее увидеться со своей женой; он после заката ввел галеру в устье реки и простился с нами, оставив нам нашу часть золота; с отливом он ушел. Витта не дал нам никаких обещаний, не произнес клятвы, не ждал от нас благодарности, но Хью, человеку без руки, и мне, старому калеке, которого он без труда мог бросить в море, язычник честно подавал слиток за слитком, тюк за тюком золота и золотого песка и прекратил это занятие, только когда мы сказали ему, что нам достаточно золота. Витта наклонился над перилами, чтобы проститься с нами, снял браслеты со своей правой руки, надел их на левую руку Хью и поцеловал его в щеку. Помнится, тогда мы чуть не заплакали. Правда, Витта был язычник и пират, правда, в течение многих месяцев он силой держал нас на своем судне, но я любил этого кривоногого, синеглазого человека за его великую отвагу, за его хитрость, ловкость, главное же — за простоту.

— А он благополучно добрался к себе? — спросил Дан.

— Я так и не узнал этого. Мы видели, как в серебристой лунной дорожке он поднял парус и двинулся прочь, и я горячо помолился, чтобы наш Витта увидел своих детей и жену.

— А что сделали вы?

— Мы до утра пробыли на берегу. Потом я остался с золотом, завернутым в старый парус, а Хью пошел в Певенси. Де Аквила прислал нам лошадей.

Сэр Ричард скрестил руки на эфесе своего меча и устремил взгляд на тихую реку, прикрытую мягкими вечерними тенями.

— Золотой груз, — сказала Юна, глядя на свою маленькую лодочку. — Но я рада, что не видела дьяволов.

— Я не верю, что это были дьяволы, — шепнул ей Дан.

— А? — произнес сэр Ричард. — Отец Витты говорил ему, что это были несомненно дьяволы. Следует верить своему отцу, а не чьим-либо детям. Кто же, по-твоему, это был?

Дан залился румянцем.

— Я... я только думал... — забормотал он. — У меня есть книга, которая называется «Охотники за гориллами»... это продолжение «Кораллового острова», сэр... И в ней говорится, что гориллы (это такие большие обезьяны, сэр) всегда перекусывали железо.

— Нет, не всегда, — поправила брата Юна, — только два раза. — Дети читали «Охотников за гориллами» в саду.

— Ну, все равно, во всяком случае, гориллы колотили себя по груди, как показывал сэр Ричард, а потом уж бросались на людей... И они строят дома на деревьях.

— Да ну? — произнес сэр Ричард и широко открыл глаза. — Наши дьяволы устраивали дома вроде плоских гнезд, и там лежали их чертенята и смотрели на нас. Я не видал их (ведь я заболел после боя), но об этом мне говорил Витта... Но оказывается, вы знаете и это? Изумительно! Неужели же наши дьяволы были просто обезьяны, строящие себе гнезда? Неужели в мире больше не осталось волшебства?

— Я, право, не знаю, — сконфуженно ответил Дан. — Я видел, как один человек вынимал кроликов из своей шляпы, и он сказал нам, что, если мы будем смотреть хорошенько, мы разглядим, как он это делает. И мы смотрели...

— Но ничего не разглядели, — со вздохом сказала Юна. — А вот и Пак.

Коричневый человечек с улыбающимся лицом выглянул между двух стволов ясеня, кивнул головой и скользнул с берега в темную прохладу.

— Говорите, не осталось волшебства, сэр Ричард? — со смехом сказал он и дунул на головку сорванного им одуванчика.

— Дети объяснили мне, что мудрое железо Витты — игрушка. Мальчик носит в кармане точно такое же. Они уверяют, что наши дьяволы были совсем не дьяволы, а обезьяны гориллы, — с негодованием произнес сэр Ричард.

— Это волшебство книг, — сказал Пак. — Я же тебя предупреждал, что они умные дети. Все могут стать мудрыми, читая книги.

— А разве книги всегда правдивы? — спросил сэр Ричард и нахмурился. — Я недолюбливаю чтение и письмо.

— Да-а, — сказал Пак, держа в руке облысевшую головку одуванчика. — Но, если бы мы повесили всех, кто пишет неправду, то следовало бы начать с Жильбера, писца, служившего у де Аквила? Тот был достаточно лжив.

— Бедный лживый Жильбер! А все-таки по своему он был смел, — возразил сэр Ричард.

— Что он делал? — спросил Дан.

— Он писал, — ответил сэр Ричард.

— Как ты думаешь, этот рассказ годится для детей? — обратился Пак к рыцарю.

— Расскажите, расскажите! — в один голос попросили его Юна и Дан.

ПЕСНЯ ТОРКИЛЬДА

Здесь ветра нет — так навались!
Сильнее, весла вверх и вниз!
Вперед, на веслах в Ставангер!
Разбудим и поднимем бриз!
Идем мы в Ставангер!
Нажмем на весла, в Ставангер!
Скрипят скамейки, в мачтах — дрожь;
Корабль наш носом чует дождь.
Он чует север, чует снег
И только рад ускорить бег
Он чует изморозь зимы
И черноту ночей, как мы.
Он к берегу причалить рад,
А мы домой хотим стократ.
Взываем мы ко всем богам:

Пошлите снова ветер нам!
Пусть в мачтах бьется ветра стон,
Пусть паруса наполнит он!
Но ветра нет — так навались!
Нажмем на весла — в Ставангер!
Разбудим и поднимем бриз!
Вперед, на веслах в Ставангер!

СТАРИКИ В ЗАМКЕ ТИВЕИСИ

80

СТАРИКИ В ЗАМКЕ ПЕВЕНСИ

— В этой истории речь не коснется ни обещаний, ни дьяволов, — понизив голос, продолжал сэр Ричард. — Я расскажу вам о Жильбере Орлином, о рыцаре, отважнее, искуснее или смелее которого никогда не бывало на свете. И запомните, в те времена он был уже стар, очень стар.

— Когда именно? — спросил Дан.

— Когда мы вернулись после плавания с Виттой.

— А что вы сделали с вашим золотом? — заинтересовался Дан.

— погоди. Кольчуга делается кольцо за кольцом. В свое время расскажу обо всем. Золото мы отвезли в Певенси на лошадях. Три раза возвращались мы за ним; потом спрятали его в северную комнату над большим залом

Певенсийского замка, туда, где зимой ночевал де Аквила. Он сидел на своей постели, точно маленький белый сокол, и, пока мы рассказывали ему о наших приключениях, быстро поворачивал свою голову то в одну, то в другую сторону. Джехан Краб, старый суровый воин, охранял лестницу, но де Аквила приказал ему уйти, ждать подле нижней ступени, и опустил над дверью обе кожаные занавеси. Именно Джехана де Аквила прислал к нам с лошадьми, и Джехан один навьючивал на них золото. Когда мы окончили наш рассказ, де Аквила поведал нам о том, что совершилось в Англии; ведь мы точно проснулись после годичного сна. Красный Король умер; вы помните? Его убили в тот день, когда мы отплыли, и Генрих, его младший брат, взошел на английский престол, устранив Роберта Нормандского. Точно так же поступил с ним и Красный Король после смерти нашего великого Завоевателя. По словам Орлиного, Роберт обезумел при мысли, что он дважды утратил королевский сан, и выслал против Англии армию; около Портсмута его воинов оттеснили обратно к их кораблям. Случись это немного раньше, галера Витта попала бы в бой.

«Теперь, — сказал де Аквила, — добрая половина северных и западных крупных баронов против короля; их войска рассыпаны меж

ду Солсбери и Шрусбери; другая половина ждет, как повернется дело. Многие говорят, что Генрих им по душе, потому что он женился на англичанке, и она уговорила его вернуть нашим саксонцам старинные законы. (Лучше ехать на лошади со знакомыми удилами, считаю я.) Однако это только плащ, прикрывающий их обман».

Де Аквила пощелкал суставами пальцев над столом, где было разлито вино, и продолжал:

«Завоеватель одарил нас, баронов-норманнов, прекрасной английской землей. Я тоже получил свою долю, — прибавил он, ударив Хью по плечу. — Что же вышло? Теперь они сущие принцы и в Англии, и в Нормандии, псы, которые ставят лапу в одно корыто и обоими глазами смотрят на другое. Роберт Нормандский послал им сказать, что, если они не будут сражаться за него в Англии, он разграбит их земли в Нормандии и лишит их владений в этой стране. Поэтому восстал Клэр, восстал Фиц Осборн, восстал Монтгомери, которого наш Завоеватель сделал английским графом. Даже д'Арси вышел на поле брани со своими людьми, а ведь его отца я помню маленьким, придорожным воробьем подле Казна. Если победит Генрих, бароны могут бежать в Нормандию; там Роберт примет их. Если Генрих проиграет борьбу, Роберт подарит им большие земли в Англии. О, пади чума на

Нормандию, она будет много-много лет проклятием для нашей Англии».

«Аминь, — произнес Хью. — Но как вы думаете, война захватит и наши области?»

«С севера она не придет к нам, — ответил де Аквила. — Но море всегда открыто. Если бароны одержат верх, Роберт, наверное, пришлет в Англию другую армию, и тогда, я думаю, он высадится в том же месте, где высадился его отец, Завоеватель. На славный рынок пригнали вы ваших свиней! Половина Англии охвачена пожаром и везде достаточно золота, — сказал он и толкнул ногой золотые брусья, лежавшие под столом. — Благодаря ему можно собрать вокруг себя все мечи крещеного мира».

«Что же делать? — спросил Хью. — У меня нет хранилища в Даллингтоне, а, если мы его зароем, кому доверить?»

«Мне, — сказал де Аквила. — Стены Певенси крепки. Никто, кроме Джехана — а он мой преданный пес, — не знает, что спрятано в замке». — Он отодвинул занавеску на стрельчатом окне и показал навес над колодцем, устроенном в толще стены.

«Я устроил этот колодец для питьевой воды, — сказал де Аквила, — но вода оказалась соленой, и ее уровень понижается и повышается вместе с отливом или приливом. Слушайте!.. — Мы услышали, как вода шипела и свистела на дне. — Подходит?» — спросил он.

«Должно подойти, — ответил Хью. — Наши жизни в твоих руках».

— Итак, мы опустили в колодец все золото, оставили только небольшой ящик возле постели де Аквила, как для того, чтобы Орлиный мог наслаждаться весом и цветом золота, так и для расплаты за разные вещи, которые могли нам понадобиться.

Утром, раньше, чем мы с Хью направились каждый к своему замку, де Аквила сказал нам: «Я не прощаюсь с вами, потому что вы вернетесь сюда и останетесь здесь. Не из любви ко мне, не от печали, а просто вы пожелаете быть с вашим золотом. Берегитесь, — смеясь, прибавил он, — пожалуй, я с его помощью сделаюсь папой римским. Не доверяйте мне... Лучше вернитесь».

Сэр Ричард замолчал и грустно улыбнулся.

— Через неделю мы уехали из наших замков, из замков, которые «были нашими».

— Надеюсь, ваши дети были здоровы? — спросила Юна.

— Мои сыновья были молоды. Земли и власть по праву принадлежат молодым. — Сэр Ричард рассуждал сам с собой. — Если бы мы отобрали у них замки, их сердца разбились бы. Молодые люди радостно встретили нас, но мы видели, мы с Хью видели, что наше время прошло. Я сделался калекой, он потерял руку. Так-то!.. — рыцарь покачал головой. — Вот, — он повысил голос, — мы и уехали в Певенси.

— Как жаль, — сказала Юна; ей казалось, что рыцарь сильно опечален.

— Маленькая леди, все это давно прошло. Они были молоды, мы стары. Мы предоставили им управлять замками. «Ага, — крикнул де Аквила из своего стрельчатого окна, когда мы соскочили с седел. — Назад вернулись, старые лисицы?» Но, когда мы вошли в его комнату над залом, он обнял нас и сказал: «Добро пожаловать, пришельцы; добро пожаловать, бедные пришельцы». Итак, мы стали невероятно богаты и совершенно одиноки. Да, совсем одиноки.

— Что же вы делали? — спросил Дан.

— Мы ждали Роберта Нормандского, — сказал рыцарь. — Де Аквила походил на Витту. Он не терпел праздности. В хорошую погоду мы ездили охотиться между Бекслеем и Кекмиром, иногда с соколами, иногда с собаками; прекрасные зайцы водятся в низинах, но мы всегда поглядывали на море в ожидании нормандского флота. В плохую погоду де Аквила расхаживал по вышке своей башни, хмурился на дождь, указывал то туда, то сюда. Он досадовал на то, что корабль Витты пришел и ушел так, что он не знал об этом. Когда ветер стихал и корабли бросали якоря возле пристани, он отправлялся в гавань, опираясь на свой меч и, стоя подле груды дурно пахнущей рыбы, спрашивал у моряков, не слышно ли чего-нибудь из Франции. Значит,

одним глазом он наблюдал за морем, другим — за сушей, ожидая сведений о войне Генриха с баронами.

Жонглеры, арфисты, разносчики, продавцы вина, священники и другие бродячие люди приносили ему известия, и, хотя де Аквила был довольно скрытен в мелочах, он, если их вести ему не нравились, не обращая внимания ни на время, ни на место, ни на окружающих, ругал нашего короля, называл его безумцем или глупым ребенком. Нередко я слышал, как, стоя подле рыбацких лодок, он громко говорил: «Будь я королем Англии, я сделал бы то-то и то-то». Когда я выходил из замка, чтобы посмотреть, сложены ли сторожевые костры и содержатся ли они в сухости, он кричал мне из своего высокого окошка: «Смотри, Ричард, не поступай так, как наш слепой король; удостоверься собственными глазами, ощупай все собственными руками!..» Право, мне кажется, он не знал никакого страха. Так мы жили в Певенси в маленькой комнате второго этажа.

Раз в бурную ночь нам доложили, что внизу ждет королевский гонец. Мы только что вернулись домой после долгой поездки в сторону Бекслея, туда, где так удобно приставать кораблям, и сильно продрогли. Де Аквила велел ответить, что гонец может или поехать вместе с нами, или дожждаться, пока мы закусим. Тогда Джехан, стоявший около лестницы,

крикнул нам, что гонец уже велел подать себе лошадь и уехал.

«Порази его чума! — сказал де Аквила. — У меня есть дело поважнее, чем спускаться в большой зал и дрожать там, разговаривая с каждым дураком, которого вздумается прислать королю. А он ничего не велел мне передать?»

«Ничего, — ответил Джехан, — только сказал (Джехан был с Жильбером Орлиным при Гастингсе), только сказал, что, раз старый пес не сумел научиться новым штукам, придется снести его собачью будку».

«Ого! — протянул де Аквила, потирая себе нос. — А кому он это сказал?»

«Главным образом своей бороде и, отчасти, бокам лошади, пока подтягивал подпруги. Я проводил его», — прибавил Джехан Краб.

«А что было у него на щите?»

«Золотые подковы по черному полю», — ответил Краб.

«Это один из людей Фулка», — заметил де Аквила.

Тут повествование рыцаря прервал Пак, сказав:

— Золотые подковы на черном поле — герб не Фулка. У рода Фулка в гербе...

Рыцарь остановил его движением руки.

— Ты знаешь настоящее имя этого дурного человека, — сказал он. — Но я называю его Фулком, потому что обещал не рассказывать

о его злых делах. Я изменил все имена. Ведь, может быть, дети его детей еще живы.

— Правда, правда, — с мягкой улыбкой согласился Пак. — Ты поступаешь по-рыцарски, не нарушая слова даже через тысячу лет.

Сэр Ричард слегка поклонился и продолжал:

«Золотые подковы на черном поле? — повторял де Аквила. — Я слышал, что Фулк стал на сторону баронов; если это так, вероятно, наш король одержал верх. Но все равно; все Фулки — изменники. А все-таки жаль, что я отослал его голодным».

«Он поел, — вставил свое слово Джехан. — Жильбер-писец принес ему мяса и вина. Гонец угощался, сидя за столом Жильбера».

Этот Жильбер был писцом из аббатства Бетль и вел все счета Певенсийского замка. Он был высок ростом, с бледным лицом и носил только что появившиеся новые четки для отсчитывания молитв. Они состояли из крупных коричневых орехов или семян и висели у него на поясе вместе с футляром для перьев и рожком для чернил; когда он ходил, эти вещи постукивали. Писец всегда сидел в зале, в нише огромного камина. Там стоял его стол; там же он спал по ночам. Жильбер-писец очень боялся собак, которые приходили в зал в поисках костей или спать на горячей золе, и замахивался на них своими четками... совсем как женщина. Когда де Аквила усаживался в зале,

чтобы чинить суд, взимать штрафы или раздавать земли, Жильбер записывал все на свиток Певенси. Но в его обязанность не входило угощать наших гостей; не смел он также отпускать их без нашего ведома.

Джехан сошел с лестницы, тогда де Аквила спросил: «Хью, говорил ли ты моему Жильберу, что можешь читать латинские рукописи?»

«Нет, — ответил Хью, — он не дружен со мной, не дружен он и с Одо, моей собакой».

«Это хорошо, — сказал де Аквила. — Он не должен знать, что ты умеешь отличать одну латинскую букву от другой. — Тут Орлиный каждого из нас толкнул под ребра своим мечом в ножнах, прибавив: — Наблюдайте за ним, вы, оба. Конечно, может быть, в Африке и водятся дьяволы, как я слышал, но, клянусь всеми святыми, еще худшие бесы обитают здесь, в Певенси». — Больше он ничего не сказал.

Вскоре один из воинов-норманнов задумал жениться на саксонке, служанке замка, и Жильбер-писец (с того времени, как де Аквила поговорил с нами, мы за ним наблюдали) не мог решить, свободные ли люди ее родители или рабы. Свободной де Аквила дал бы хорошее поле. Дело разбиралось в большом зале при де Аквила. Сперва высказался отец невесты, потом ее мать, потом заговорили все вместе, да так громко, что стены зала зазвез-

нели и собаки залаяли. Де Аквила поднял руки.

«Запиши ее как свободную! — крикнул он Жильберу, сидевшему подле камина. — Во имя Господа, запиши ее свободной раньше, чем я из-за нее оглохну. Да, да, — обратился он к девушке, упавшей перед ним на колени, — ты сестра Цердика, ты двоюродная сестра Мерсии, если только замолчишь. Через пятнадцать лет у нас не останется ни норманнов, ни саксонцев, будут только англичане, — продолжал он. — А вот эти люди делают за нас дело». — Орлиный ударил по плечу воина, племянника Джехана, поцеловал девушку и стал шевелить ногами тростник, устилавший пол, желая показать, что дело окончено. (В большом зале всегда было очень холодно.) Я стоял рядом с де Аквила; Хью расположился позади Жильбера в нише камина, играя со своим умным, сердитым Одо. Он сделал знак де Аквила, который приказал Жильберу отмерить для новой четы хорошее поле. Потом писец проскользнул между воином и девушкой, и его четки застучали; зал опустел; мы трое сели подле огня.

Хью наклонился к камину и сказал:

«Когда Одо стал нюхать вот этот камень, я заметил, что он шевелится под ногой Жильбера. Смотрите-ка».

Де Аквила порылся в золе своим мечом; камень зашатался; он поднял его; под ним лежал

сложенный пергамент, и на нем стояло заглавие: «Слова против нашего короля, произнесенные лордом Певенси. Часть вторая».

Хью шепотом прочитал нам рукопись; на пергаменте были записаны все брошенные нам лордом Певнсея шутки по поводу короля; все, что он кричал мне из своего высокого окна каждый раз, когда я отправлялся осматривать маяки; каждое слово нашего старого друга о том, как поступил бы он, будучи королем Англии. Да, день изо дня все беспечные разговоры де Аквила заносились на пергамент лживым, хитрым Жильбером, и всему был придан особый смысл, изменявший их истинное значение; это было сделано крайне хитро; никто не мог бы отрицать, что де Аквила произносил занесенные на пергамент слова. Вы понимаете?

Дан и Юна кивнули головками.

— Да, — серьезно сказала Юна. — Не так важно «что» говоришь, гораздо важнее «как» говоришь. Например, если в шутку назовешь Дана животным, ему нечего обижаться. А вот взрослые не всегда это понимают.

Сэр Ричард продолжил рассказ:

«Неужели он записывал это день за днем?» — спросил де Аквила.

«Нет, час за часом, — поправил его Хью. — Когда ты, де Аквила, говорил в зале о норманнах и саксонцах, Жильбер писал на пергаменте, который лежал у него подле обычного свит

ка, а я читал написанное им; на листе стояло, будто лорд Певенси сказал, что, если его воины будут действовать как следует, здесь скоро не останется норманнов».

«Святые мощи! — произнес де Аквила. — Но что могут сделать честь и меч против пера? А куда Жильбер спрятал этот пергамент? Съел, что ли?»

«Он носит у себя на груди, — пояснил Хью. — Вот потому-то я и постарался отыскать другие листы. Когда Одо поцарапал вот эту плиту, Жильбер прямо в лице изменился, и у меня не осталось больше сомнений».

«Он смел, — заметил де Аквила. — Отдадим ему справедливость: по-своему, мой Жильбер смел».

«Слишком смел, — сказал Хью. — Слушайте. — И он прочитал: “В день праздника Святой Агаты наш лорд Певенси, лежа в своей комнате, одетый в меховое платье, подбитое мехом кролика...”».

«Пади на него чума... он же не моя нянька!» — перебил Хью де Аквила, и мы засмеялись.

«...подбитое мехом кролика, разбудил сэра Ричарда Даллингриджа, своего пьяного собутельника (тут оба посмеялись надо мной), и сказал: “Выгляни, старая лисица, из норы, потому что Бог на стороне герцога Нормандии”».

«Верно, я и сам подошел к окну. Стоял густой туман. Роберт мог без нашего ведома высадить десять тысяч человек! А он рассказывает, как мы целый день скакали по болотам и как я чуть было не погиб в зыбучем песке и потом десять дней кашлял, точно больная овца?» — спросил де Аквила.

«Нет, — ответил Хью. — Но на пергаменте имеется просьба Жильбера-писца, обращенная к его господину, Фулку».

«Ага, — произнес де Аквила. — Я так и знал, что это Фулк. Какая цена назначена за мою жизнь?»

«Жильбер просит, чтобы после того, как лорд Певенси будет лишен своих земель и владений, благодаря показаниям, которые Жильбер собрал своим трудом и подвергаясь риску...»

«Риск и труд, правдивые слова, — заметил де Аквила и втянул внутрь свои щеки. — Но какое превосходное оружие перо! Мне нужно поучиться владеть им».

«Так вот, когда лорд Певенси будет лишен своих земель, Жильбер просит, чтобы Фулк дал ему почетное и давно обещанное место. Но, чтобы Фулк не забыл, что именно он обещал, Жильбер приписал внизу: “Желаю сделаться ризничим аббатства Бетль”».

Де Аквила присвистнул: «Человек, который может составлять заговоры против одного господина, способен изменить и другому. Когда

меня лишат моих земель, Фулк сорвет с плеч моего Жильбера его глупую голову. А все-таки Бетль действительно нуждается в новом ризнице. Говорят, аббат Генри держит монастырь в беспорядке».

«Оставим аббата, — заметил Хью. — Наши головы и наши земли в опасности; это гораздо важнее. Спрятанный здесь пергамент — это вторая часть. Первая отправилась к Фулку и, значит, к королю, который будет считать нас изменниками».

«Без сомнения, — согласился с ним де Аквила. — Гонец Фулка увез первую часть вечером, когда Жильбер его угощал; наш король так занят своим братом и его баронами (да и немудрено), что обезумел от недоверия. Фулк нашептывает ему и в его уши вливает яд. Король скоро отдаст ему мою землю, да и ваши тоже. Старая история!..» — И де Аквила откинулся к стене и зевнул.

«И ты, лорд, отдашь Певенси, не сказав ни слова, не нанеся ни одного удара? — спросил его Хью. — В таком случае мы, саксонцы, будем сражаться с вашим королем. Я поеду предупредить моего племянника в Даллингтоне. Дай мне лошадь».

«Не хочешь ли лучше игрушку и погремушку? — ответил де Аквила. — Положи-ка назад пергамент и завали его золой. Если Фулк получит мой Певенси, который служит воротами в Англию, что он станет с ним делать?»

В глубине сердца он норманн, и его сердце в Нормандии, где он может, когда вздумается, убивать своих крестьян. Он откроет двери Англии нашему сонному Роберту, как это старались сделать Одо и Мартен. Произойдет новая высадка, и будет вторая битва при Гастингсе. Следовательно, я не могу отдать мой Певенси.

«Отлично», — сказали мы.

«Ах, погодите. Если, благодаря доносам Жильбера, мой король перестанет доверять мне, он выйдет против меня своих людей, и, пока мы будем сражаться, ворота Англии останутся без охраны. Кто же тогда первый войдет в них? Конечно, Роберт Нормандский. Следовательно, я не могу сражаться с моим королем». — И он погладил свой меч, вот так.

«Ты говоришь и тут же берешь свои обратно, как сущий норманн, — заметил Хью. — Ну а наши замки?»

«Я думаю не о себе, — ответил де Аквила, — не о нашем короле, не о наших землях. Я думаю об Англии, о которой не думают ни король, ни бароны. Я не норманн, сэр Ричард, я не саксонец, сэр Хью. Я — англичанин!»

«Саксонец ты, норманн или англичанин, — проговорил Хью, — что бы ни случилось, наши жизни — твои. Когда мы повесим Жильбера?»

«Никогда, — ответил де Аквила. — Он все-таки может сделаться ризничим Бетля, потому что, отдавая ему справедливость, скажу, что

он хорошо пишет. Мертвые — немые свидетели. Подождем».

«Но король может отдать Фулку Певенси. И в придачу наши замки, — заметил я. — Предупредить наших сыновей?»

«Нет. Король не разбудит осиное гнездо на юге, пока на севере не выкурит пчел. Он может считать меня изменником, но видит, что я, по крайней мере, не сражаюсь с ним, а каждый день, проведенный в мире со мной, помогает ему в его борьбе с баронами. Если бы он был мудр, он до окончания войны с ними не стал бы наживать себе новых врагов. Однако, полагаю, Фулк примется подговаривать его послать за мной, и, если я не послушаюсь, Генрих усмотрит в моем неповиновении доказательство измены. Впрочем, в наше время пустые речи, которые передает ему Жильбер, не улики. Мы, бароны, последователи церкви и, подобно Ансельму, говорим все, что нам вздумается. Займемся же нашими обычными делами и не будем ничего говорить Жильберу».

«Значит, мы ничего не сделаем? — спросил Хью».

«Будем ждать, — ответил де Аквила. — Я стар, а все же считаю, что нет ничего неприятнее ожидания».

Мы держались того же мнения, но в конце концов оказалось, что де Аквила был прав.

Немного позже, в этом же году, через холм переехали вооруженные люди; за королевским

знаменем блистали золотые подковы. Де Аквила, сидя подле окна нашей комнаты, сказал: «Что я говорил вам? Вот и сам Фулк приехал осматривать земли, которые король обещал дать ему, если он привезет доказательства моего предательства».

«Откуда ты знаешь?» — спросил Хью.

«Потому что на месте Фулка именно так поступил бы я сам; только я-то привел бы с собой больше воинов. Ставлю моего чалого против твоих старых башмаков, — сказал де Аквила, — что Фулк везет мне королевский приказ покинуть Певенси и присоединиться к воюющим».

Де Аквила втянул внутрь свои щеки и побарабанил пальцами по краю колодца, в котором глухо булькала вода.

«И мы отправимся?» — спросил я.

«В такое время? Да это же безумие! — произнес он. — Заставьте меня ездить между елями в лесу, и через три дня кили судов Роберта увязнут в иле Певенсийских отмелей, на берег выйдет десять тысяч человек. Кто же остановит их? Фулк, что ли?»

Подле замка затрубили рога, и вот перед главным входом Фулк прокричал приказ короля, гласивший, что Жильберу Орлиному велено явиться со всеми своими людьми и лошадьми в королевский лагерь близ Солсбери.

«Что я говорил вам? — опять сказал де Аквила. — Двадцать баронов между нашим зам-

ком и Солсбери могли бы оказать королю большую помощь, но Фулк плетет интриги, когда враги готовятся вломиться к нам! Поместите воинов Фулка в большой южный сарай, — прибавил он. — Напоите их, и, когда Фулк перекусит, мы с ним выпьем в моей комнате. Старым костям слишком холодно в большом зале».

Как только Фулк сошел с лошади, он вместе с Жильбером-писцом отправился в часовню, чтобы поблагодарить Господа за свое благополучное прибытие, а поесть (он был толст и жадно поглядывал на наше вкусное суссекское жаркое) прошел вместе с нами в маленькую верхнюю комнату, куда уже явился писец Жильбер со своими бумагами. Я помню, как Фулк услышал свист и удары прибывающей воды в стенном колодце и отскочил; его длинные, отвернутые вниз сапоги для верховой езды запутались в тростнике, устилавшем пол, и он пошатнулся; поэтому Джехану, стоявшему позади него, было легко ударить головой о стену нашего незваного гостя.

— А вы знали, что так случится? — спросил Дан.

— Конечно, — с милой улыбкой ответил ему сэр Ричард. — Я наступил ногой на меч Фулка и взял его кинжал; некоторое время он ничего не сознавал, не понимал даже, день был или наступила ночь. Он лежал, вращая глазами, бормотал что-то, и Джехан скрутил

его веревкой, как теленка. Он весь был запря-
тан в новомодную кольчугу, которую мы на-
зывали броней ящерицы. Она состояла не из
колец, как вот эта моя, — сэр Ричард ударил
себя в грудь, — а делалась из маленьких кусоч-
ков непроницаемой для кинжала стали, при-
крепленных к толстой коже. Мы сняли ее.
(Зачем портить хорошую вещь?) На шее Фул-
ка де Аквила нашел тот самый пергамент, ко-
торый мы недавно положили под каминный ка-
мень.

Жильбер-писец попытался бежать, но я опу-
стил руку на его плечо. Этого оказалось дос-
таточно. Он задрожал и, перебирая четки, стал
читать молитвы.

«Жильбер; — сказал де Аквила, — тебе при-
дется записать еще более замечательные слова
и поступки лорда Певенси. Возьми свою чер-
нильницу и перо. Не все мы можем быть риз-
ничими Бетля».

В это время лежавший на полу Фулк ска-
зал: «Вы связали королевского гонца. За это
Певенси сгорит».

«Может быть, — ответил де Аквила. — Я уже
видел, как его осаждали. Но слушай, Фулк, обе-
щаю тебе, что в конце осады моего замка ты
будешь повешен, даже если мне придется по-
делить с тобою последний кусок хлеба; а это-
го не сделал даже Одо, когда мы голодом вы-
гнали его и Моргена».

Тут Фулк сел на пол и посмотрел на де Аквила долгим, хитрым взглядом.

«Святители, — произнес он. — Почему с самого начала ты не сказал, что стоишь на стороне герцога?»

«А я на его стороне?» — спросил де Аквила.

Фулк засмеялся и сказал: «Никто, служащий королю Генриху, не осмелится так поступать с его посланцем. Когда же перешел ты на сторону герцога? Отпусти меня, и мы уладим дело».

Он стал улыбаться, подмигивать и качать головой.

«Хорошо, мы уладим дело», — сказал де Аквила, кивнув головой мне и Джехану; я поднял Фулка (тяжел был этот человек), и мы на веревке опустили его в колодец не настолько, чтобы его ноги коснулись нашего золота, а так, чтобы он качался в пространстве и его плечи немного выступали из-за краев колодезного отверстия. Вода доходила ему до колен. Он не обмолвился ни словом, но дрожал

Потом Джехан внезапно ударил своим кинжалом в ножнах по кисти руки Жильбера. Рука опустилась.

«Стой! — крикнул Краб. — Он глотает свои четки!»

«Вероятно, там яд, — заметил де Аквила. — Это недурная вещь для людей, знающих

слишком многое. Тридцать лет я носил с собой отраву. Дай мне четки».

Жильбер заплакал и завывал. Де Аквила ощупал каждое звено бус пальцами. Последнее из них (я говорил вам, что это были крупные орехи) он разделил булавкой на две половины; внутри бусины лежал кусочек сложенного пергамента. На нем было написано: «Старый пес едет в Солсбери и будет побит. Его будка в моих руках. Приезжайте скорее».

«Это хуже яда», — очень тихо произнес де Аквила и втянул внутрь щеки. Тогда Жильбер зашевелился на тростнике и сказал нам все, что знал. Как мы уже догадались, это было письмо Фулка к герцогу (и не первое); Фулк отдал его Жильберу в часовне, и Жильбер думал утром отнести его на один рыбачий барк, который ходил между Певенси и французским берегом. Фальшивый, скверный человек был писец Жильбер. А все же, запинаясь и вздрагивая, он поклялся, что владелец барка ничего не знал об этом деле.

«Он обзывал меня бритоголовым, — сказал Жильбер, — и бросал в меня всякую дрянь, а все-таки он не предатель».

«Я не желаю, чтобы с моим писцом обращались дурно или ругали его, — сказал де Аквила. — Этот рыбак будет избит подле своей жемачты. Прежде всего напиши мне письмо и завтра же утром ты отнесешь на барк приказ бичевать виновного».

Услышав слова своего господина, Жильбер готов был поцеловать его руку. Он не надеялся дожить до утра. Когда дрожь писца немного унялась, он написал письмо от имени Фулка герцогу, говоря в нем, что «собачья будка» (иначе говоря, Певенси) закрыта и что старый пес (значит, де Аквила) сидит подле нее; больше того: все стало известно.

«Пиши всем, что дело открылось, — сказал де Аквила, — тогда даже сам Папа лишится спокойного сна. Эй, Джехан, что бы ты сделал, если бы тебе сказали, что изменники раскрыли твой заговор?»

«Я убежал бы», — ответил Джехан.

«Хорошо сказано, — произнес де Аквила. — Напиши, Жильбер, что Монтгомери заключил мир с королем и что маленький д'Арси, которого я ненавижу, повешен за ноги. Мы сообщим Роберту достаточно новостей, которые он долго будет пережевывать. Напиши также, что сам Фулк умирает от водянки».

«Ну нет, — крикнул Фулк, висевший в колоде. — Чем насмехаться, лучше утопите меня сейчас же, что за глупые шутки!»

«Я не шучу, — ответил де Аквила. — Я только сражаюсь пером за собственную жизнь и за мои владения; ты сам научил меня этому, Фулк».

Фулк застонал; несчастный весь заледенел.

«Я во всем сознаюсь», — сказал он.

«Вот это по-соседски, — протянул де Аквила, перегибаясь через борт колодца. — Ты

прочитал о моих словах и поступках, по крайней мере, первую часть записанного, и должен расплатиться за это, рассказав о своих собственных делах и словах. Жильбер, возьми пенал и чернильницу. Тебе предстоит привычное дело».

«Отпустите моих людей, не причинив им вреда, — сказал Фулк, — и я сознаюсь перед вами в измене королю».

«Почему это он стал так нежен к своим воинам?» — шепнул мне Хью. (Фулк не славился мягким обращением со своими подчиненными. Он позволял им грабить, но милосердия к ним у него не было.)

«Те-те-те! — произнес де Аквила. — Жильбер уже давно доказал, что ты изменник. Сказанного им было бы достаточно, чтобы повесить самого Монтгомери».

«Только пощади моих людей», — повторил Фулк, и мы услышали, как он заплескался в воде, точно рыба: ведь был прилив.

«Все в свое время, — сказал де Аквила. Ночь еще молода, вино старо, и нам хочется послушать веселый рассказ. Начинай же историю своей жизни с того времени, как ты был мальчиком в Туре. Рассказывай хорошенько».

«От твоих слов мне стыдно до глубины души».

«Значит, я совершил то, чего не удавалось сделать ни королю, ни герцогу».

«Отошли прочь своего слугу», — попросил Фулк.

«Хорошо, — согласился де Аквила. — Только помни, я, как датский король, не могу отвлечься от прилива».

«Сколько времени вода будет подниматься?» — спросил Фулк и снова начал плескаться.

«Три часа. Этого времени хватит на повесть о всех твоих хороших делах. Начинай, а ты, Жильбер, — я слышал, что ты иногда довольно небрежен, — не извращай его слов».

Итак, спасаясь от смерти, надвигавшейся на него из тьмы, Фулк заговорил, и Жильбер, не знавший, какая судьба ждала его, записывал дословно рассказ изменника. Я слыхивал много историй, но ни одна из них не могла сравниться с повествованием о черной жизни Фулка, которое все мы слушали из уст его самого, висевшего в колодце.

— Неужели он так скверно прожил жизнь? — спросил испуганный Дан.

— На редкость скверно, — ответил сэръ Ричард. — Однако в рассказе встречалось кое-что, смешившее даже писца Жильбера. Мы же трое хохотали прямо до боли в боках. Раз зубы Фулка так защелкали, что мы не могли хорошенько расслышать его слов и подали ему кубок вина. Он согрелся и правдиво раскрыл нам все свои дела; все хитрости, все измены; описал свою невероятную отвагу (он был отчаянно храбр);

свои отступления, свои хитрости (он был не менее хитер, чем смел), поведал и о потере своих богатств и чести; о сжигавшем его в связи с этим отчаянии; о попытках поправить свои дела. Да, перед нами развевались грязные лохмотья его жизни, и он горделиво показывал их нам, точно какое-то знамя. Когда Фулк замолчал, мы при свете факелов увидели, что уровень воды дошел до уголков его рта, и что он с трудом дышит через нос.

Мы вытащили его из колодца, растерли, завернули в плащ, дали ему вина и, наклонясь над ним, смотрели, как он пьет. Он дрожал, но не стыдился.

Внезапно мы услышали сердитый голос Джехана. Мимо него пробрался мальчик и остановился перед нами; в волосах этого юнца торчали обломки тростника, устилавшего зал, и его лицо распухло от сна.

«Отец, отец! Мне приснилось, что нас предали», — закричал он и забормотал еще что-то.

«Никакого предательства нет, — ответил Фулк, — уходи», — и мальчик повернулся к двери, все еще не вполне очнувшись от сна. Джехан за руку отвел его в большой зал.

«Твой единственный сын? — сказал де Аквила. — Зачем ты взял с собой ребенка?»

«Он мой наследник. Я побоялся доверить его брату», — ответил Фулк, и в эту минуту ему стало стыдно. Де Аквила ничего не сказал. Он

сидел и обеими руками как бы взвешивал винный кубок: вот так. Через несколько секунд Фулк тронул его за колено.

«Устрой так, чтобы мальчик мог бежать в Нормандию, — попросил он, — а со мной поступи, как тебе угодно. Да, повесь меня завтра, прикрепив мое письмо к моей шее, только отпусти мальчишку».

«Молчи, — проговорил де Аквила. — Я думаю об Англии».

Мы безмолвно ждали решения лорда Певенси; по лбу Фулка струился пот».

Наконец де Аквила сказал: «Я слишком стар, чтобы судить кого-нибудь или доверять кому-нибудь. Я не желаю захватить твои земли, как ты желал завладеть моими, и лучше ли ты или хуже, чем другой вор, пусть решит твой король. Поэтому возвращайся к своему королю, Фулк».

«И ты не расскажешь ему о том, что произошло?» — спросил Фулк.

«Ну зачем стал бы я об этом рассказывать? Твой сын останется со мною. Если король опять прикажет мне покинуть Певенси, который я должен охранять от врагов Англии, если король выйдет против меня своих воинов, как против изменника, или если я узнаю, что король, лежа в своей постели, задумывает зло против меня или моих двух рыцарей, твой сын будет повешен вот на этом окне, Фулк».

— Но ведь мальчик не виноват, — возразила пораженная Юна.

— Разве мы могли повесить Фулка? — сказал сэр Ричард. — Он был нам нужен для примирения с королем. Ради мальчика он предал бы половину Англии. В этом мы были уверены.

— Я не понимаю, — сказала Юна. — Но я нахожу, что это было просто ужасно.

— Фулк этого не находил. Он обрадовался.

— Как? Доволен, что его сына убьют?

— Нет; де Аквила показал ему, каким путем он может спасти жизнь мальчика и сохранить свои собственные владения и почести. «Я сделаю это, — сказал он. — Клянусь, сделаю. Я скажу королю, что ты не изменник, напротив, что ты лучше, храбрее, совершеннее всех нас. Да, я тебя спасу».

Де Аквила все еще смотрел в свой кубок, наклоняя его то в одну, то в другую сторону.

«Я думаю, — сказал он, — если бы у меня был сын, я спас бы его. Только, пожалуйста, не рассказывай мне, как ты собираешься действовать».

«Хорошо, хорошо, — ответил Фулк, мудро покачивая своей лысой головой. — Это моя тайна. Но будь спокоен, де Аквила, ни один волос не упадет с твоей головы, ни одна былинка на твоей земле не пострадает». — И он улыбнулся, точно человек, задумавший великое, хорошее дело.

«С этих пор, — произнес де Аквила, — советую тебе служить одному господину, а не двоим».

«Как? — возразил Фулк. — Неужели я не могу служить честным посредником между двумя сторонами в наши смутные времена?»

«Служи или Роберту, или королю: Англии или Нормандии, — продолжал де Аквила. — Мне все равно, что ты выберешь, но теперь здесь же прими решение».

«В таком случае, я выбираю короля, — сказал Фулк, — я вижу, ему служат лучше, чем Роберту. Я должен поклясться?»

«В этом нет необходимости, — ответил де Аквила и положил руку на исписанный Жильбером пергамент. — Часть наказания моего Жильбера будет состоять в обязанности начисто переписать интересную историю твоей жизни — десять, двадцать, может быть, сто раз. Как ты думаешь, сколько голов скота дал бы за этот рассказ турецкий епископ? А твой брат? А монахи Блуа? Менестрели превратят рассказ в песни, и твои собственные саксонские рабы станут распевать их, склоняясь над плугами, а вместе с ними и воины, проезжая через твои нормандские города. Отсюда и до Рима, Фулк, люди будут хохотать над этой историей и над тем, как ты рассказывал ее, вися в колодце, точно утопленный щенок. Так я накажу тебя, если узнаю, что ты ведешь двойную игру, обманывая своего короля. До поры до времени

пергаменты останутся вместе с твоим сыном в Певенси. Сына я верну тебе, когда ты примиришь меня с королем. Пергаменты же никогда не попадут в твои руки».

Фулк закрыл лицо и застонал.

«Святители! — со смехом заметил де Аквила. — Жестоко ранит перо. Своим мечом я никогда не заставил бы тебя стонать».

«Но пока я не разгневаю тебя, моя история останется тайной?» — спросил Фулк.

«Именно. А это тебя утешает, Фулк?» — проговорил де Аквила.

«Разве ж вы оставили мне какое-нибудь еще утешение?» — спросил он и вдруг заплакал безнадежно, как ребенок, прижав лицо к своим коленям.

— Бедный Фулк! — сказала Юна.

— Я тоже пожалел его, — сказал сэр Ричард.

«Вот тебе в утешение!» — сказал де Аквила и бросил Фулку три слитка золота, которые он вынул из нашего маленького ящика подле кровати.

«Знай я о золоте раньше, — произнес Фулк, задыхаясь, — я ни за что не поднял бы руки на Певенси. Только недостаток этого желтого металла заставил меня действовать так неудачно».

Светало. В большом зале, внизу, зашевелились люди. Мы отправили вниз кольчугу Фулка, велев ее вычистить, и, когда он в полдень

уезжал под своими собственными знаменами и под знаменем короля, этот рыцарь казался великолепным и величавым. Он пригладил свою длинную бороду, подозвал своего сына и поцеловал его. Де Аквила проводил Фулка верхом до новой мельницы. Прошедшая ночь казалась нам сном.

— А он объяснил все королю? — спросил Дан. — Я имею ввиду, сказал, что вы не изменники?

Сэр Ричард улыбнулся.

— Король не прислал новых приказов в Певенси, — сказал он, — не спросил он также, почему де Аквила не послушался его первого гонца. Да, это было делом рук Фулка. Я не знаю, как он действовал; во всяком случае, наш недавний враг хорошо и быстро исполнил свое обещание.

— Значит, вы ничего не сделали его сыну? — спросила Юна.

— Мальчишке? О, это был сущий бесенок. Он прогонял от дверей наших сторожей; пел скверные песни, которым научился в лагерях баронов, этакий дурачок; стравливал собак в зале, поджигал там тростник, чтобы, по его словам, выгнать оттуда блох; раз чуть не ударил кинжалом Джехана, который за это сбросил его с лестницы. Верхом на лошади он ездил по полям спелого хлеба или по пастбищам, распугивая овец. Но когда мы поколотили его и раза два взяли на охоту, он стал бегать за

нами, как молодая, преданная собака, и звал нас «дядюшками». В конце лета за ним приехал его отец, но мальчику не хотелось расставаться с Певенси; он ждал предстоящей охоты на выдр и пробыл у нас до времени травли лисиц. Я подарил ему коготь болотной выпи на счастье в охоте... Ах, какой это был бесенок!

— А что стало с Жильбером? — спросил Дан.

— Ничего. Его даже не побили. Де Аквила сказал, что он охотнее согласится держать умного, хотя бы и коварного писца, чем верного дурака, которого пришлось бы заново учить его собственному делу. Кроме того, с той памятной ночи, мне кажется, Жильбер стал так же сильно любить, как и бояться, лорда Певенси. Как бы то ни было, он не захотел расстаться с нами, даже когда Вильям, слуга короля, предложил ему стать ризничим аббатства Бетль. Хитрый малый, но, по-своему, отважный.

— А все-таки Роберт высадил свои войска близ Певенси? — снова спросил Дан.

— Пока король Генрих сражался со своими баронами, мы хорошо охраняли берег; через три-четыре года, когда в Англии воцарился мир, король отправился в Нормандию и так побил своего брата, что излечил его от желания сражаться. Многие отправились на эту войну, сев на суда близ Певенси. Помню, что приехал Фулк, и мы все четверо опять в маленькой комнате вместе пили вино. Де Аквила

говорил правду: нельзя судить или осуждать людей. Фулк был весел. Да, он много смеялся.

— А что вы делали потом? — спросила Юна.

— Вспоминали прошедшие времена. Это могут делать все люди, когда они состарятся, маленькая леди.

Через луг донесся слабый звон колокола, который звал детей к чаю. Дан лежал в лодке «Золотой хвост». Юна сидела на корме; на ее коленях была раскрытая книга, и она читала стихотворение под заглавием «Греза раба». Первые строки гласили:

И снова в тумане и тенях сновидений,
Он увидел родную землю.

— А я и не заметил, как ты начала читать, — сонно сказал Дан.

На средней скамье лодки, рядом со шляпой Юны, лежали лист Дуба, лист Ясеня и лист Терновника; вероятно, они упали с деревьев, но ручей почему-то смеялся, точно был свидетелем какой-то забавной шутки.

РУНЫ НА МЕЧЕ ВИЛАНДА

Сковал меня кузнец,
Чтоб предал я бойца
В первом же бою.
Чтоб золото собрать
С того конца земли,
Я послан в мир.
И золото мое
В Англию придет
Из бездны вод.
И сверкающей рыбой
Опустится оно
В бездну вод.
Его не дают
В обмен на товар,
А лишь за дело.
Золота этого
Жаждет король
Для дурных дел.
И золото это
Я поднимаю
Из бездны вод.
И сверкающей рыбой
Опустится оно
В бездну вод.
Его не дают
В обмен на товар,
А лишь за дело.

ЦЕНТУРИОН
ТРИДЦАТОГО

80

ЧТО ЦАРСТВА, ТРОНЫ, СТОЛИЦЫ...

Что царства, троны, столицы
У Времени в глазах?
Расцвет их не больше длится,
Чем цветенье в пышных садах.
Но набухнут новые почки
Взор новых людей ласкать,
Но на старой усталой почве
Встают города опять.

Недолговечен нарцисс,
И ему невдомек,
Что зимние вьюги и холод
Придут в назначенный срок.
По незнанию впадает в беспечность,
Гордясь красотой своей,
Упоенно считает за вечность
Свои семь дней.

И Время, живого во имя
Доброе ко всему,
Делает нас слепыми,
Подобно ему.
На самом пороге смерти
Тени теням шепнут
Упоенно и дерзко: «Верьте,
Вечен наш труд!»

ЦЕНТУРИОН ТРИЦАТОГО

На уроке латинского языка Дана постигла неудача, и его оставили в классе после занятий. Поэтому Юна отправилась в Дальний лес одна. Там, на западной опушке, в дупле старой обломанной березы была спрятана большая рогатка Дана и пульки, отлитые Хобденом специально для него. Дети дали этому месту название «Волатерра», позаимствовав его из «Песенок Древнего Рима»:

Вздымает башни Волатерра,
Как часовой среди полей,
Воздвигли город великаны
Для боголиких королей.

«Боголикими королями» Дан и Юна посчитали самих себя, а когда старик Хобден сложил у могучих деревянных колен березы изящную вязанку валежника, они назвали его «руки великанов».

Юна проскользнула через их персональную щель в изгороди и на несколько мгновений замерла, как часовой, серьезно и величественно всматриваясь и вслушиваясь. Дело в том, что Волатеррэ — очень важная сторожевая башня, расположенная на продолжении Дальнего леса, который сам являлся продолжением холма. С того места, где она сейчас стояла, был виден и холм Пука, и все изгибы ручейка, который вытекал из Виллингфордского леса и петлял по полям, где рос хмель, к дому Хобдена у кузницы. С голого гребня холма, где стояла ветряная мельница Черри Клэка, дул юго-западный ветер (у Волатерры всегда дул какой-нибудь ветер).

Когда ветер, крадучись, пробирается по лесу, шелест листьев будто предвещает удивительные события; вот почему в ветреные дни хочется залезать на Волатерру и оттуда выкрикивать ему навстречу строчки из «Песенок», созвучные его шуму.

Юна достала из тайника рогатку и приготовилась встречать армию Ларса Порсены*, пробирающуюся меж отбеленных ветром стволов осин у ручья. Вот на долину налетел очередной порыв ветра, и Юна с печалью в голове нараспев продекламировала:

Окрест веселой Остии
Земля лежит гола.
Астур пришел в Яникул,
Погибшим несть числа.

Однако ветер, не решившись напасть прямо на лес, свернул в сторону и обрушился на одиноко стоящий дуб на пастбище Глейсона. Здесь он ослаб и разлегся на траве, шевеля сверхушки, как кот шевелит кончиком хвоста перед тем, как прыгнуть.

— Привет тебе, наш Секст, — пела Юна, вкладывая в рогатку пульку, —

Вот к дому поворот,
Что ж ты стоишь и вдаль глядишь?
Дорога в Рим ведет!

И чтобы как-то растормошить трусливый ветер, она выстрелила прямо ему в лицо. Тут же из-за куста терновника на пастбище раздалось какое-то бормотание.

— Вот незадача! — воскликнула она. Это выражение она подцепила у Дана. — Наверно, я задела корову Глейсона.

— Ах ты, размалеванная бестия! — раздался незнакомый голос. — Я сейчас тебе покажу, как стрелять в своих хозяев!

С величайшей осторожностью Юна заглянула вниз и увидела юношу в пузатых медных доспехах, сверкающих среди больших стеблей ракитника. Но больше всего Юну восхитил

громадный медный шлем с красным конским хвостом, который развевался по ветру. Было даже слышно, как его длинный волос скребет на плечах по блестящим пластинам доспехов.

— Что, интересно, имел в виду Фавн*, — сквозь зубы, точно сам себе, бормотал незнакомец, — когда утверждал, что Раскрашенный Народец изменился? — Тут он заметил русую головку Юны и спросил: — Ты здесь не видела такого маленького раскрашенного человечка, который выстрелил пулькой?

— Нет, — ответила Юна, растягивая слова, — но если вы видели эту пульку...

— Видел? — воскликнул юноша. — Да она просвистела у самого моего уха!

— Это я выстрелила, — ответила Юна. — Очень прошу меня извинить.

— А разве Фавн не предупредил тебя о моем приходе? — Юноша улыбнулся.

— Ты имеешь в виду Пака? Он ничего не говорил. Я думала, ты — корова Глейсона. Я... я не знала, что ты... А кстати, ты кто?

Юноша широко улыбнулся, показав ряд белоснежных зубов. У него было смуглое лицо и темные глаза, а густые черные брови сливались в одну линию над орлиным носом.

— Меня называют Парнезием. Я центурион* Седьмой когорты Тридцатого легиона — Ульпия Виктрис. Так это ты выстрелила пулькой?

— Я. Вот из этой рогатки Дана.

— А ну покажи! — попросил он. — Кому как не мне разбираться в метательных снарядах!

Он перепрыгнул через неровную изгородь, так что кляцнули, ударившись друг о друга, его доспехи, щит и копье, и быстро, как тень, забрался на Волатерру.

— Так, понятно. Тесьма на раздвоенной на конце палке. — Он натянул резинку. — Но что за чудо-животное дает такую растягивающуюся кожу?

— Это резинка. Резина. Ты кладешь пульку там, где она делает петлю, и с силой тянешь на себя.

Юноша оттянул резинку и отпустил, больно попав себе по ногтю большого пальца.

— Каждый привыкает к своему оружию, — мрачно заметил он, возвращая рогатку. — С большими машинами, юная леди, у меня получается лучше. Но и это забавная игрушка. Правда, против волка она ничто. Разве вы здесь не боитесь волков?

— А их здесь нет, — ответила Юна.

— Не верь этому! Никогда! Волк подобен Крылатым Шлемам — появляется тогда, когда его совсем не ждут. Разве ваши мужчины не охотятся на волков?

— Нет, мы совсем не охотимся, — объяснила Юна, припомнив, что она слышала от взрослых. — Мы разводим фазанов. Ты знаешь, какие они?

— Еще бы! — Юноша снова улыбнулся и крикнул, как кричат самцы фазана, да настолько точно, что из леса ему ответила другая птица. — Большие, расфуфыренные и глупые. Совсем как некоторые римляне.

— Но ты ведь и сам римлянин, правда? — спросила Юна.

— И да и нет. Я один из тех многих тысяч римлян, кто видел Рим только на картинках. Мои деды и прадеды жили на Вектисе. Вектис. Этот остров, вон там, на западе, в хорошую погоду виден и отсюда.

— Ты говоришь об острове Уайт? Это его очертания проступают перед дождем. И это его видно из района Даунс.

— Вполне возможно. Наша вилла находилась на южном конце острова, недалеко от Расколотой скалы. Самому дому было уже триста лет, а самые старые постройки, в которых жил наш первый предок, поселившийся на острове, были еще на сто лет старше. Да, что-то около того, ведь он получил земли от Агриколы* при освоении страны. Для своего размера местечко очень недурное. Весной фиалки подступали к самому пляжу. Сколько раз я с нашей старой няней собирал фиалки для мамы и морские водоросли для себя!

— А эта ваша няня — она тоже была римлянкой?

— Нет, нумидийкой*. Да смилостивятся над ней боги! Славное создание — толстое,

темнокожее, с языком точно коровий колокольчик. Она была свободной женщиной. А ксти, леди, ты сама-то свободна?

— Да, вполне, — ответила Юна. — По крайней мере, до полдника. К тому же летом нагувернантка почти не ругается, даже если опаздываем.

Юноша снова рассмеялся, на этот раз по-настоящему.

— Все ясно, — сказал он. — Теперь понятно, почему ты очутилась в лесу. Мы так притались среди скал.

— Так выходит, у вас тоже была гувернантка?

— А то нет! Гречанка. Она так поддеггала платье, когда выслеживала нас по зарослутесника, что просто смех. А потом грозила отдать нас выпороть. Но так, правда, ни рани не отдала, да хранит ее Бог. И несмотря на всю свою ученость, Аглая была отличной спортсменкой.

— А какие предметы ты учил, когда... когда был маленьким?

— Древнюю историю, латынь, греческую литературу, арифметику и тому подобное. В отношении наук мы с сестрой были немного безтолковые, но моим двум братьям (я из них средний) учиться нравилось. Да и мама умом не уступала в семье никому. Ростом она была почти с меня, и выглядела точной копией тогдашней статуи на западной дороге, Деметры*

корзиной, вы ее знаете. И веселая же она была! Великий Рим! И как всегда умела нас рассмешить!

— Чем же?

— Разными шуточками да прибауточками, что есть в каждой семье. Ты разве не знаешь?

— Я знаю, они есть у нас в семье, но не знала, что у других есть тоже, — ответила Юна. — Расскажи, пожалуйста, обо всей своей семье.

— Все хорошие семьи очень похожи. По вечерам мама вязала, Аглая читала где-нибудь в углу, отец проверял счета, а мы носились по комнатам. Когда шум, который мы поднимали, становился слишком сильным, отец обычно говорил: «Угмонитесь! Угмонитесь! Вы забыли, что отец имеет право сделать со своими детьми? Он может убить их! — да-да, мои дорогие! — забить их насмерть, и боги только одобряют такой его поступок». Тут мама отрывалась от прялки, поджимала губы и говорила: «Можешь-то ты можешь, только, боюсь, ты не очень похож на такого римлянина-отца». После этого отец сворачивал бумаги и со словами «Ну я вам сейчас покажу!» поднимал такой шум, что нам и не снилось!

— Да уж, отцы это умеют, когда захотят, — сказала Юна. В ее глазах плясали веселые огоньки.

— А разве я тебе не говорил, что все хорошие семьи очень похожи?

— А что вы делали летом? — продолжала расспрашивать Юна. — Играли, как и мы?

— Конечно, и еще ходили в гости к друзьям. На Вектисе нет волков. Друзей у нас было много, а пони — вообще сколько нам хотелось.

— Представляю, как было здорово! — воскликнула Юна. — И, надеюсь, так продолжалось вечно.

— Увы, юная леди, не совсем. Когда мне исполнилось шестнадцать или семнадцать, у отца началась подагра, и мы поехали на воды.

— Какие воды?

— В Аквы Сулиевы. Туда ездят все. Вам обязательно надо уговорить отца как-нибудь вас туда свозить.

— Но я не знаю, где это.

На лице юноши появилось выражение растерянности.

— Аквы Сулиевы, — повторил он. — Лучшие бани в Британии*. Говорят, ничуть не хуже римских. Толстые старики сидят там в горячей воде, толкуют о политике и сплетничают. По улицам города ходят генералы с охраной и проплывают кресла магистратов с шествующими позади стройными охранниками; на каждом шагу встречаются предсказатели будущего и ювелиры, купцы, философы и торговцы перьями, проримски настроенные британцы и пробритански настроенные римляне, послушные варвары, разыгрывающие из себя цивилизованных людей, и еврейские проповед-

ники, и... В общем, интересен каждый встречный. Политикой мы, подростки, нисколько не интересовались, а подагры у нас не было. Зато там было много наших ровесников, и жизнь не казалась нам скучной.

И пока мы так бездумно наслаждались жизнью, моя сестра встретила сына магистрата с запада, и год спустя они поженились. Мой младший брат, всегда интересовавшийся растениями да кореньями, встретил первого врача легиона, из Города Легионов*, и решил стать военным врачом. По-моему, это не очень подходящая профессия для юноши благородного происхождения, — ну что ж, каждый выбирает сам. Он отправился в Рим изучать медицину, и сейчас он — Первый Врач легиона где-то в Египте, кажется, в Антиное. Правда, я уже давненько о нем не слышал.

Мой старший брат встретился с философом из Греции и сообщил отцу, что собирается поселиться на нашей ферме и заняться сельским трудом и философией. Дело в том, — юноша подмигнул, — что эта его философия была с длинными кудрями.

— А я-то считала, что все философы лысые, — заметила Юна.

— Не все. Она была красивой. Я не виню его. Меня очень даже устраивало, что мой старший брат избрал такой путь, поскольку сам-то я хотел только одного — служить в армии. И боялся, как бы мне не пришлось остаться

дома и смотреть за фермой, если он решит идти служить.

Парнезий постучал по своему большому блестящему щиту, который, казалось, ни при каких обстоятельствах ему не мешал.

— Так, довольные и радостные, мы, молодежь, медленно возвращались назад по Лесной дороге на Клаузентум. А дома, как только нас увидела Аглая, наша гувернантка, она сразу поняла, что с нами произошло. Помню, она стояла на пороге, высоко подняв над головой фонарь, и наблюдала, как, сойдя на берег, мы карабкались меж скал вверх по тропинке. «Ах! Ах! — причитала она. — Дети вы уехали. Мужчинами и женщиной вы вернулись». Она поцеловала маму, и мама расплакалась. Так, юная леди, пребывание на водах предопределило судьбу каждого из нас.

Парнезий встал и прислушался, опираясь о край щита.

— Наверно, это идет Дан, мой брат, — сказала Юна.

— Да, и Фавн с ним, — добавил Парнезий, пока Дан и Пак, спотыкаясь, продирались сквозь кустарник.

— Мы уже давно бы к вам присоединились, — начал Пак, — если бы этот юный гражданин не столь сильно увлекся красотами твоего, Парнезий, родного языка.

Парнезий выглядел совершенно сбитым с толку, даже когда Юна объяснила ему, что произошло:

— Дан утверждал, что множественное число от «dominus» будет «domino», а когда мисс Блейк сказала, что это неверно, он заявил, что тогда вероятно это будет триктрак*. За эту дерзость его оставили два раза переписывать урок.

Дан вскарабкался на Волатерру, он покраснел и тяжело дышал.

— Я почти всю дорогу бежал, — произнес он, с трудом переводя дух, — а затем меня встретил Пак. Здравствуйте, сэр, как поживаете?

— В добром здравии, — ответил Парнезий. — Смотри! Я попытался согнуть этот лук Улисса* ... — И он поднял большой палец.

— Мне очень жаль, — сказал Дан. — Ты, наверно, отпустил резинку слишком рано. Пак говорит, что ты начал Юне что-то рассказывать.

— Продолжай, Парнезий, — молвил Пак, усевшись верхом на сухую ветку у всех над головами. — А я буду Хором*. Много он задал тебе загадок, Юна?

— Ни одной! — ответила Юна. — Кроме, пожалуй... Где находится Ак... Ак... как там дальше?

— А, Аквы Сулиевы! Это же Бат, откуда пошли булочки «Бат Оливье». Но пусть герой продолжает свой рассказ.

Парнезий сделал вид, что бьет копьём по ногам Пака, но тот нагнулся, поймал конский хвост и стащил с головы Парнезия высокий шлем.

— Спасибо, шут, — сказал Парнезий, встряхивая курчавыми черными волосами. — Так попохладней. Можешь пока его повесить. Я объяснял твоей сестре, как попал в армию, — обратился он уже к Дану.

— Тебе пришлось сдавать экзамен? — с интересом спросил мальчик.

— Нет. Я пришел к отцу и сказал, что хотел бы служить в кавалерии даков* (я видел их отряд в Аквы Сулиевы), но он заявил, что мне лучше начать службу в регулярном римском легионе. Я же, как и многие мои товарищи, не очень-то любил все римское. Рожденные в самом Риме офицеры и магистраты с презрением относились к нам, рожденным в Британии, считая нас варварами. Так я отцу и ответил.

«Ты прав, я знаю, — согласился отец. — Но помни, что наш род — из старой военной гвардии, и наш долг — служить империи».

«Империи? Какой? — спросил я. — Ведь Орла* поделили еще до моего рождения».

«Что это за воровской жаргон?» — воскликнул отец. Он терпеть не мог сленг.

«Можно и иначе, сэр, — сказал я. — Один император есть у нас в Риме, и уж не знаю, сколько сейчас провозглашено императоров в восставших провинциях. Кому же из них мне служить?»

«Грациану*, — сказал отец, — По крайней мере, он любит спорт».

«Это точно, — согласился я, — но разве он не уподобился своим скифам, что едят сырое мясо?»

«Где ты такого наслушался?» — удивился отец.

«В Аквах Сулиевых», — ответил я. И это была истинная правда. Наш драгоценный император Грациан имел личную охрану из скифов, одетых в звериные шкуры, и он настолько к ним привязался, что даже стал одеваться, как они*. И это римский император! Это было настолько ужасно, как если бы мой отец раскрашил себя в синий цвет!

«Одежда — не главное, — сказал отец. — Это лишь следствие, причина же бед — в другом. Все началось задолго до твоего и моего рождения. Рим отвернулся от своих богов, и теперь его ждет расплата. Война с Раскрашенным Народом* началась в тот самый год, когда храмы наших богов были разрушены. А победили мы их лишь в тот год, когда отстроили храмы. Если же вспомнить более далекую историю...» Он дошел до времени Диоклетиана*. Если слушать его, то выходило, что сам Вечный Рим находится на грани падения лишь потому, что какие-то несколько человек стали смотреть на мир достаточно широко.

Я ничего об этом не знал. Истории нашей родной страны Аглая нас никогда не учила. Она вся витала в своей Древней Греции.

«Риму спасения нет, — наконец подытожил отец, — ибо он отвернулся от своих богов. Но если боги простят Британию, мы можем попытаться спасти ее. А для этого необходимо сдерживать Раскрашенный Народ. Поэтому, Парнезий, я говорю тебе как отец: если твое сердце лежит к военной службе — то твое место среди солдат на Стене, а не среди женщин в городах».

— На какой Стене? — разом спросили Дан и Юна.

— Отец имел в виду Стену Адриана*. Я расскажу вам о ней позже. Ее построили очень давно через всю северную Британию, чтобы отгородиться от Раскрашенного Народа, по-вашему — пиктов. Мой отец воевал в Великой Пиктской войне, которая длилась больше двадцати лет, и знает, что такое сражения. Еще до моего рождения наш великий генерал Феодосий отогнал этих маленьких разбойников далеко на север, так что у себя на Вектисе мы их ничуть не опасались. Но когда мой отец произнес последнее слово, я поцеловал его руку и стал ждать приказаний. Мы, римляне, рожденные в Британии, знаем, чем мы обязаны своим родителям.

— Если бы я поцеловал руку отца, он бы рассмеялся, — сказал Дан.

— Обычай меняются; но если ты ослушаешься отца, то можешь не сомневаться: боги тебе это припомнят.

После нашего разговора, видя, что намерения у меня самые серьезные, отец послал меня пройти строевую подготовку в Клаузентум, в гарнизон вспомогательных войск, набранных из разных провинций. Нет, никогда еще не носило доспехов такое немытое и небритое скопище разноплеменных варваров! Не ткнув жезлом в живот одного и не пихнув щитом другого, невозможно было сбить их в какое-то подобие отряда. Выучившись, я получил от инструктора под командование небольшой отряд галлов и иберийцев* — не отряд, а одно наказание! — чтобы подготовить их к отправке в приграничные северные гарнизоны. Я возился с ними, как только мог. Как-то ночью на окраине города загорелась вилла, и мой отряд первым прибыл на тушение пожара. На лужайке возле дома я заметил какого-то человека, он спокойно стоял, опершись о жезл, и наблюдал, как мы по цепочке передаем ведра с водой из пруда. Через некоторое время он обратился ко мне: «Кто ты?»

«Готовлюсь стать офицером, жду приказа», — ответил я. С кем говорю, я даже не догадывался.

«Ты родился в Британии?» — спросил он.

«Да. А ты, похоже, в Испании». Дело в том, что он тянул слова, как иберийский мул.

«А как, интересно, тебя зовут дома?» — спросил он, смеясь.

«По-разному, — ответил я. — Иногда так, иногда — этак. Извини, но сейчас я занят».

Тогда он не сказал больше ни слова, но после того, как мы спасли семейных богов, — а с божества весьма почитаемые! — он процед сквозь зубы, стоя за кустом лавра:

«Послушай, юноша, которого зовут то т то этак. В будущем называй себя центурион Седьмой когорты Тридцатого легиона, Улы Виктрис. Так мне будет легче тебя запомни Твой отец и другие люди зовут меня Максимом*».

Он бросил мне отполированный жезл, который опирался, и пошел прочь. В тот момент меня, наверно, можно было сбить с палкой!

— А кто это был? — спросил Дан.

— Сам Максим, наш великий генерал! Генерал Британии, правая рука Феодосия в Пиктской войне! Мало того, что он дал мне жезл центуриона, но и продвинул сразу на три ступени вперед в хорошем легионе! Обычно офицер-новичок начинает с Десятой когорты своего легиона и потом продвигается до Первой.

— Ты был счастлив? — спросила Юна.

— Еще бы. Я думал, что Максим отличает меня за молодцеватый вид да за умение хорошо маршировать, но когда я вернулся домой, отец признался, что воевал вместе с Максимом в Великой Пиктской войне и сейчас похлопал за меня перед ним.

— Ну и ребенок же ты был! — усмехнулся сверху Пак.

— Был, — согласился Парнезий. — Но не стоит мне завидовать, Фавн. Да будут боги свидетели: вскоре я покончил с играми навсегда!

Пак кивнул. Он сидел, опустив коричневую голову на коричневую руку, и неподвижно смотрел в одну точку.

— В ночь перед отплытием мы принесли жертву нашим предкам — небольшую домашнюю жертву, как тогда было принято. Никогда еще не молился я Добрым Теням так горячо, как в ту ночь! Наутро мы с отцом переплыли на лодке в Регнум, а потом по меловым холмам отправились на восток, в Андериду.

— Регнум? Андериды? — Дан и Юна вопросительно обернулись к Паку.

— Регнум это Чичестер, — объяснил Пак, указывая в сторону мельницы Черри Клэка, — а Андериды, — он показал за спину, на юг, — это Певенси.

— Снова Певенси! — воскликнул Дан. — Там, где высадился Виланд?

— И Виланд, и многие другие; — ответил Пак. — Это место древнее, даже для меня.

— Штаб Тридцатого легиона летом размещался в Андериде, но моя когорта, Седьмая, несла службу на севере, на Стене. Максим инспектировал тогда в Андериде Вспомогательные войска — ливийцев, я полагаю, — и поскольку они с отцом были старинными друзьями, мы остановились там. Однако уже через десять

дней я получил приказ проследовать с отрядом в тридцать человек к своей когорте. — Парнезий весело рассмеялся. — Свой первый марш помнят все. Я чувствовал себя счастливее любого императора, когда впереди своего отряда выходил из Северных ворот лагеря и отдавал салют часовым и алтарю Победы.

— А как ты его отдавал? — в один голос спросили Дан с Юной.

— Вот так! — ответил Парнезий и медленно проделал все красивые движения римского салюта, который завершается глухим ударом, с которым щит опускается на свое место на спине.

— Да-а, — тихо проговорил Пак, — это ли не пища для размышлений!

— Мы выступили в полном вооружении, — продолжал Парнезий, присаживаясь, — но лишь только дорога вошла в Великий лес, солдаты захотели погрузить щиты на выючных лошадей.

«Нет, — сказал я. — Здесь вам не Андерида, где вы могли наряжаться, словно женщины. Пока вы под моей командой, свое оружие и доспехи будете нести сами».

«Но ведь сейчас жара, — не унимался один солдат, — а врача с нами нет. Вдруг нас хватит солнечный удар? Или свалит лихорадка?»

«Умрете, и все дела! — ответил я. — Невелика потеря для Рима. Выше копья! Подтянуть ремни!»

«Не строй из себя императора Британии», — крикнул солдат.

Я сбил его с ног тупым концом копья и объяснил этим рожденным в Риме римлянам, что еще слово — и нас станет на одного меньше. И, клянусь Светом Солнца, я бы сдержал свое слово! Даже мои варвары-галлы в Клаузендуме никогда не позволяли себе такого.

Затем медленно, словно облако, из папоротников на дорогу выехал Максим и остановился на ее середине. Следом — мой отец. На Максиме была пурпурная мантия, какую носят императоры, на ногах — белые с золотом поножи из оленьей кожи.

Мои солдаты застыли, как... как куропатки.

Некоторое время он стоял молча и только смотрел, прищурив глаза. Затем поднял крючок указательного пальца, и солдаты отошли — вернее, отползли — на одну сторону.

«Станьте-ка на солнце, детки», — наконец произнес он, и они выстроились в шеренгу на голой дороге.

«Что бы ты сделал, — обратился он ко мне, — если бы меня тут не было?»

«Убил бы того солдата», — ответил я.

«Убей же его сейчас. Он и пальцем не пошевелинет».

«Нет, — сказал я. — С твоим появлением я перестал быть им командиром. Убей я его сейчас, я бы оказался просто палачом, исполняющим

твои приказы». Тебе понятно, что я хотел сказать? — спросил Парнезий Дана.

— Да, — ответил мальчик. — В этом было что-то нечестное.

— Именно так я и думал. Но Максим не хмурился.

«Нет, не бывать тебе императором, — говорил он. — Даже генералом тебе не бывать никогда».

Я молчал, но мой отец был доволен.

«Я пришел поглядеть на тебя напоследок», — объяснил он мне.

«Ну вот и поглядел, — сказал Максим. Твой сын мне больше не понадобится. Он будет служить и умрет офицером легиона, а мы бы стать префектом* одной из моих провинций. Пойдем, поешь и выпьешь с нами, — обратился он ко мне. — Солдаты подождут, пока ты закончишь трапезу».

Несчастливая тридцатка стояла как винные бочки, блестя на солнце раскаленными доспехами. Максим провел нас с отцом туда, где его слуги приготовили еду. Он сам смешивал вино.

«Через год, — говорил он мне, — ты будешь вспоминать, как сидел рядом с императором Британии и Галлии».

«Да, — согласился мой отец, — на двух малах, Британии и Галлии, ты сможешь усидеть».

«А через пять лет — вспоминать, как пил, — Максим передал мне чашу, в которой плавал

голубые цветки огуречника, — с императором Рима!»

«Нет, на трех мулах тебе не усидеть, — сказал отец. — Они разорвут тебя на части».

«И там, на своей Стене, ты будешь плакать, сожалея о том, что твое понятие о справедливости значило для тебя больше, чем расположение императора Рима!»

Я сидел молча. Генералу в пурпурной мантии не отвечают.

«Я на тебя не сержусь, — продолжал Максим. — Я в глубоком долгу перед твоим отцом».

«Ты должен мне только за совет, которым пренебрег», — перебил его отец.

«...И не могу совершить несправедливость по отношению к члену его семьи. Честное слово, из тебя мог бы выйти неплохой трибун*, но, насколько это зависит от меня, на Стене ты будешь служить, на Стене и умрешь».

«Возможно, вполне возможно, — сказал отец, — но еще задолго до этого сюда прорвутся пикты со своими друзьями. Если только для борьбы за императорскую корону ты заберешь из Британии все войска, Север не будет сидеть спокойно».

«Я буду следовать своей судьбе», — отозвался Максим.

«Следуй, следуй, — продолжал отец, вырывая из земли стебель папоротника, — и умри, как умер Феодосий».

«Э-э, нет, — сказал Максим, — моего бывшего генерала убили лишь потому, что он служил империи слишком хорошо. Убить могут и меня, но, — он улыбнулся, — уж никак не за это». От его улыбки — тонкой, холодной, бесцветной — у меня кровь застыла в жилах.

«Последую своей судьбе и я, — подал я голос, — и поведу отряд на Стену».

Максим исподлобья посмотрел на меня долгим взглядом, на испанский манер склонив голову набок, и произнес: «Что ж, юноша, следуй». Вот и все. Я был только рад возможности уйти, хотя и собирался передать домой множество посланий. Солдаты стояли так, как их поставили, не смея даже переступить ногами в пыли, и мы зашагали прочь, — а я еще долго чувствовал спиной эту ужасную тонкую улыбку, словно дующий в спину восточный ветер. Мы шли без остановки до самого заката, а потом, — Парнезий оглянулся и посмотрел на холм Пука, — я остановился вон там. — Он указал на разрытый, поросший папоротником бугор на Кузнечном холме, сразу за домом Хобдена.

— Там? — удивился Дан. — Но ведь там только старая кузня, где когда-то ковали железо.

— И, кстати сказать, очень неплохое, — невозмутимо продолжал Парнезий. — Мы починили там три плечевых ремня, а кузнец заклепал наконечник одного копья. Кузница при-

надлежала правительству, а арендовал ее од-ноглазый карфагенец. Помню, мы еще прозвали его циклопом. Я купил у него коврик из шкуры бобра, в подарок сестре.

— Нет, она наверняка была не здесь, — не унимался Дан.

— Здесь, здесь! От алтаря Победы до этой Первой кузницы в лесу двадцать семь миль семьсот шагов. Все расстояния занесены в Книгу дорог. Свой первый марш помнят все. Я, наверно, и сейчас могу назвать вам все стоянки отсюда и до...

Парнезий наклонился вперед, но тут ему на лицо упал луч заходящего солнца.

Оно опустилось до вершины холма Черри Клэка, и его лучи, пробиваясь сквозь стволы деревьев, проникали далеко в сердце Дальнего леса, высвечивая там красные, золотые и черные пятна. Доспехи на Парнезии сияли, словно охваченные пламенем.

— Стойте! — воскликнул он, поднимая руку, и солнце заплясало на его стеклянном браслете. — Стойте! Я молюсь Митре!*

Он выпрямился, протянул обе руки к западу и запел, мощно и красиво.

Песню подхватил Пак, звенящим, как церковные колокола, голосом, и пока пел, соскользнул с Волатерры на землю и знаками показал детям следовать за ним. Они сделали, как велено; казалось, их подталкивают сами

звуки голосов. Детям чудилось, будто они плывут посреди золотисто-бурого моря березовых листьев, а Пак, который шел между ними, напевал примерно следующее:

Cur mundus militat sub vana gloria
Sijus prosperitas est transitoria?
Tarn cito labitur ejus potentia
Quam vasa figuli quae sunt fragilia.

Они прошли лес и оказались у маленьких ворот в изгороди, которые были заперты.

Quo Caesar abiit celsus imperio?
Vel Dives splendidus totus in prandio?
Die ubi Tullius*...

Не прерывая песни, Пак взял Дана за руку и повернул его лицом к Юне, когда она прошла через ворота. Ворота сами за ней закрылись, и в ту же секунду Пак бросил над головами детей отнимающие память листья Дуба, Ясеня и Терновника.

— Что ж ты так припозднился? — спросила Юна. — Не мог выбраться пораньше?

— Я и выбрался пораньше, — ответил Дан. — Но кто бы мог подумать, что уже так поздно! А ты где была?

— В Волатерре — ждала тебя.

— Прости, — извинился Дан. — Это все проклятая латынь виновата.

БРИТАНСКО-РИМСКАЯ ПЕСНЬ

(406 г. до н.э.)

Его не видывал мой дед,
О нем мы только говорим,
Не увидеть мне тоже, нет,
Столицу — Рим.

Увенчан мощью всех времен,
Он богом выстроен самим
И человеком укреплен,
Наш древний Рим.

Мы ждем, чтоб вновь в поход пошли
С отвагой в сердце сыновья,
Чтоб мощь земли своей несли
Во все края.

Сердца с оружием тройным
Любой преодолеют страх.
Империя в крови их, Рим,
В твоих сынах!

И от Семи Холмов вдали,
Империя, к тебе наш взор.
Зажжем во всех концах земли
Тебе костер!

НА ВЕЛИКОЙ СТЕНЕ

80

НА ВЕЛИКОЙ СТЕНЕ

Ради Лалаги покинул я Рим
И ушел с легионом в Римини,
Просила считать ее сердце моим,
Со щитом нес его я в Римини
(Но улетели Орлы из Римини).
Из Британии в Галлию шли целый век,
На морском берегу, я видал, падал снег,
Белый, как шея Лалаги,
Холодный, как сердце Лалаги.
Потерял я Британию, Галлию тоже,

(поющий, казалось, очень этому радовался)

Потерял и Рим. А теперь, похоже,
Навсегда потерял я Лалагу.

Эту песню дети слышали у ворот, ведущих
к Дальнему лесу. Не говоря ни слова, они по-
спешили к своей персональной щели в изгороди

и, протиснувшись в нее, чуть не наступили на сойку, которую кормил с руки Пак.

— Осторожней, — попросил он. — Кого вы разыскиваете?

— Парнезия, кого ж еще! — ответил Дан. — Мы вспомнили о нем только вчера. Это нечестно.

Пак со смехом поднялся на ноги.

— Прошу прощения, но когда дети проводят полдня со мной и римским центурионом, никак не обойтись без небольшого успокаивающего волшебства, прежде чем они смогут пойти домой, пить чай с гувернанткой. Ау, Парнезий! — позвал Пак.

— Я здесь, Фавн, — раздался голос с Волатерры. На развилине березы сверкнули медные доспехи и дружески вспыхнул поднятый кверху громадный щит.

— Я изгнал отсюда бриттов. — Парнезий веселился, как мальчик. — Я занял их высокие укрепления. Но Рим милостив! Можете подниматься.

Пак и дети вскарабкались наверх.

— Что за песню ты только что пел? — спросила Юна, едва устроившись.

— Песню? А-а, про Римини. Это одна из тех песенок-однодневок, что постоянно рождаются то в одном, то в другом уголке империи. Она распространяется, как чума, и полгода, год звучит у всех на устах, под нее маршируют все

римские легионы, пока ее не вытеснит другая песенка, и тогда легионы будут маршировать уже под новую.

— Расскажи им о маршах, Парнезий, — попросил Пак. — В наши дни мало кто проходит страну из конца в конец пешком.

— Тем хуже для них. Лично я не знаю ничего лучше длинного марша, если, конечно, твои ноги достаточно огрубели. Ты выступаешь на рассвете, как только поднимется туман, а останавливаешься примерно через час после захода солнца.

— А что вы едите? — мгновенно спросил Дан.

— Жирную копченую свинину, бобы и хлеб, а пьем — вино, если оно оказывается в местах стоянки. Но солдаты — вечные ворчуны. В первый же день пути они принялись жаловаться на нашу британскую муку, смолотую на водяной мельнице. По их словам, она не такая питательная, как грубая мука с римских мельниц, которые вращают быки. Но все же им пришлось сходить за ней, а потом ее съесть.

— Сходить? Куда? — спросила Юна.

— На недавно изобретенную водяную мельницу, что стояла рядом с кузницей.

— Рядом с кузницей? Это что же — наша мельница? — Юна посмотрела на Пака.

— Да, ваша, — подтвердил тот. — А ты думаешь, сколько ей лет?

— Не знаю. Это ведь о ней толковал Ричард Даллингридж, да?

— О ней. Но и в его время мельница была уже старой, — ответил Пак. — Ей уже тогда было несколько сотен лет.

— В мое время ее только что построили, продолжал Парнезий. — Мои солдаты так смели на муку, насыпанную в их шлемы, будто видели перед собой гнездо гадюк. Нарочито чтобы проверить мое терпение. Но я... я сумел найти к ним подход, и мы стали друзьями. И правда сказать, именно они научили меня рискованному шагу. Понимаете, до этого я служил только во вспомогательных войсках, у них шаг быстрее. Шаг легионеров иной: длинный неторопливый, он неизменен с восхода до заката. Как говорит пословица, «Шаг Легиона шаг Рима». Скорость — двадцать четыре мили за восемь часов, ни больше, ни меньше. Голова поднята высоко, копье над головой, щит на спине, воротник кольчуги расстегнут на широкую ладони, — вот так мы несли Орлов по Британии.

— И с вами ни разу ничего не приключилось? — поинтересовался Дан.

— Какие могут быть приключения к югу от Стены! — воскликнул Парнезий. — Был, правда, один неприятный случай, когда мне пришлось предстать перед магистратом, там, на севере, где один бродячий философ принялся насмехаться над нашими Орлами. Я сумел д

казать, что этот старик преднамеренно мешал нашему продвижению, и магистрат, основываясь, я полагаю, на своде законов, рассудил, что всякий гражданин, каким бы богам он ни поклонялся, обязан оказывать Цезарю* должное уважение.

— И как ты поступил? — спросил Дан.

— Двинулся дальше. Какой мне смысл обращать внимание на подобные мелочи, когда моя цель — прибыть к своей когорте. Всего мы шли двадцать дней.

Чем дальше мы продвигались на север, тем пустыннее становились дороги. Вот позади остались леса, и мы за шагами по открытой, холмистой местности, где только волки рыскали среди руин бывших городов. Нет больше красивых девушек, нет жизнерадостных магистратов, которые с детства знают твоего отца и сейчас же приглашают остановиться у них; последних новостей не узнать ни в храмах, ни на стоянках, где пересказывают лишь страшные истории о диких зверях. Тут встречаются только охотники да ловцы зверей для императорских цирков, погоняющие скованных цепью медведей и волков в намордниках, при виде которых твой пони дрожит, а солдаты смеются.

Окруженные садами виллы сменяются на закрытые дома-крепости со сторожевыми башнями из серого камня и загонами для овец, которые обнесены высокими каменными заборами и

охраняются вооруженными бриттами с северного берега. Над открытыми холмами, где тени облаков проносятся как рвущаяся вперед кавалерия, в воздух поднимаются клубы черного дыма из шахт. А мощеная дорога идет все вперед и вперед — только ветер развеивает перья на шлеме — мимо алтарей забытых легионов и генералов, мимо разрушенных статуй богов и героев, мимо тысяч могил, из-за которых выглядывают горные лисы да зайцы. Обжигающая летним зноем и зимней стужей, такова она, эта бескрайняя земля красного вереска и каменных развалин.

И вот, когда ты думаешь, что уже достиг края света, ты замечаешь линию дымков, тянущихся с востока на запад насколько хватает глаз, а чуть ближе, от края и до края, тоже насколько охватывает глаз, ты видишь дома и храмы, лавки и театры, казармы и амбары, квадратиками рассыпанные с ближней — только ближней! — стороны одной длинной линии башен, которая то поднимается, то опускается, то исчезает в лощинах, то появляется снова. Это — Стена!

Дан и Юна ойкнули и затаили дыхание.

— Ваше изумление понятно, — продолжал Парнезий. — Старики-ветераны, с юношеских лет проводившие жизнь в походах, утверждают, что во всей империи нет ничего более впечатляющего, чем впервые открывающийся перед тобою вид Стены.

— Это обыкновенная стена? — спросил Дан. — Такая, как у нас вокруг огорода?

— Нет-нет, совсем другая. Это — Великая Стена. Через равные промежутки на ней возвышаются сторожевые башни, между ними находятся башенки поменьше. Даже по ее самому узкому участку от одной башни до другой могут пройти в ряд три солдата с поднятыми щитами. С северной стороны, обращенной к пиктам, на ней сооружена еще одна маленькая защитная стенка. Она доходит человеку примерно до шеи, так что издали над Стеной видны только шлемы часовых,двигающиеся взад-вперед, точно шарики. Высота Стены тридцать футов. На северной стороне Стены вырыт ров, утыканный забитыми в дерево клинками старых мечей и наконечниками копий и загороженный скованными цепями колесами повозок. Именно туда прокрадывались низкорослые пикты, чтобы украсть немного железа для своих стрел.

Но сама Стена не более интересна, чем город, протянувшийся за ней. Раньше с южной стороны Стены селиться никому не разрешалось, и там были лишь рвы да бастионы. Потом эти бастионы либо снесли, либо перестроили, и от одного края Стены до другого возник узкий город длиною в восемьдесят миль. Только представьте! Один ревущий, беснующийся город, с петушиными боями, травлей волков, лошадиными скачками, протянувшийся

от Итуны на западе до Сегедунума на холодном восточном побережье. С одной стороны Стены — вересковые пустоши, леса да развалины, в которых прячутся пикты, с другой — обширный город, длинный, как змея, и такой же, как она, порочный. Да, словно змея изогнулась у теплой стенки!

Я знал, что моя когорта расположилась в башне Гунно, сквозь арку в которой проходила через Стену и шла дальше в провинцию Валенсия Великая Северная дорога. — Парнезий презрительно хмыкнул. — Одно название, что провинция. В общем, мы пошли в направлении Гунно, и, дойдя до города, остановились, ошарашенные. Перед нами раскинулась ярмарка, где торговали люди со всех уголков империи. Одни наблюдали лошадиные скачки или травлю медведя собаками, другие сидели в харчевнях за стаканом вина, многие сгрудились вокруг траншеи, где шли петушинные бои. В городе ко мне подъехал на лошади юноша, примерно мой ровесник, тоже офицер, и спросил, что я ищу.

«Свою казарму», — ответил я и показал ему щит. — Парнезий поднял широкий щит с тремя цифрами XXX, которые очень походили на буквы на пивной бочке.

«Счастливый знак! — воскликнул подъехавший. — Ваша когорта стоит рядом с нашей. Но сейчас все солдаты ушли на петушинные бои. Место здесь благодатное. Пойдем, смочим

Орлов». — Этим он хотел сказать, что приглашает меня.

«Не раньше, чем я размещу солдат», — ответил я. Меня одновременно охватили и стыд, и гнев.

«Ничего, скоро ты излечишься от подобной дури, — сказал он, смеясь. — Но нет, быть могильщиком твоих надежд я не хочу. Ступай к статуе богини Рима. Ее не пропустишь! Главная дорога в Валенсию!» С этими словами отъехал.

Статуя виднелась не более чем в четверти мили, и я поехал в ее сторону. Одно время под ней проходила Великая Северная дорога, ведущая в Валенсию, а позднее, когда Валенсия была отвоевана пиктами, выход из арки был заложен кирпичом, на котором чья-то рука нацарапала слово «Конец!» Было похоже, что тыходишь в пещеру. Мы дружно, тридцать человек как один, ударили копьями о каменный пол, однако никто не появился. На одной из дверей был написан номер нашей когорты. Мы прошли в помещение казармы, там я обнаружил спящего повара и приказал ему накормить нас. Затем забрался наверх, на Стену, оглядел сторону пиктов и... задумался. Меня сильно потрясла эта заложенная кирпичом арка с нацарапанным на стенке словом «Конец!», ведь я был еще совсем ребенком.

— Мне так тебя жалко! — посочувствовала Юна. — Но потом-то ты был счастлив, когда

хорошенько... — Ее излияния остановил Дан, толкнув сестру локтем.

— Был ли я счастлив? — переспросил Парнезий. — Когда солдаты той когорты, которой я должен был командовать, вернулись в казарму с петушинных боев без шлемов, с петухами под мышкой, и спросили меня, кто я такой? Нет, я не был счастлив. Но и их жизнь я сделал несчастливой тоже... Маме я написал, что у меня все в полном порядке, но верьте, друзья мои, — Парнезий обнял руками голые колени, — я бы и худшему своему врагу не пожелал бы испытать те страдания, какие испытал я в первые месяцы пребывания на Стене. Знайте, что среди всех офицеров не было, наверно, ни одного, кроме меня (а про себя я думал, что навсегда потерял расположение своего генерала Максима), кто не совершил бы какого-нибудь преступления или проступка: один убил человека, другой украл деньги, третий оскорбил магистрата или насмеялся над богами, — и всех их услали на Стену, спрятав подальше от позора и наказания. Не лучше офицеров были и солдаты. Кроме того не забудьте, что на Стене собрались народности и племена со всей империи. Каждая башня говорила на своем языке и поклонялась своим богам. Только в одном мы все были равны: к какому бы оружию кто из нас ни привык раньше, на Стене мы все становились лучниками, как скифы. От стрелы пикту не

убежать, не спрятаться. Он это знает, ведь он и сам стрелок.

— Наверно, вы все время сражались с пиктами, — предположил Дан.

— Нет, пикты редко сражаются. Иногда я по полгода не видел пикта с оружием в руках. Смирные пикты объяснили нам, что все ушли на север.

— А кто такие смирные пикты? — спросил Дан.

— Это такие пикты (кстати, их было довольно много), которые знали несколько наших слов и постоянно ходили через Стену продавать нам пони и собак-волкодавов. Без коня; без собаки и — особенно! — без друга мужчина погибнет. Боги дали мне все три дара, но самый ценный из них — дружба. Помни, — Парнезий повернулся к Дану, — когда станешь взрослым: первый твой настоящий друг определит и твою судьбу.

— Он хочет сказать, — объяснил Пак, усмехаясь, — что если ты с детства будешь приличным парнем, то потом, когда вырастешь, у тебя будут приличные друзья. А прояви ты себя в детстве подлецом, у тебя потом и друзья будут такие же. Слушайте же благочестивого Парнезия, проповедующего дружбу!

— Нет, я не благочестивый, — ответил Парнезий, — но что такое дружба, я знаю. Мой друг был в тысячи раз лучше меня, хоть ему

и не на что было надеяться в жизни. И ты, Фавн, не смейся!

— Ох уж эта доверчивая юность, вечная история! — воскликнул Пак, раскачиваясь на ветке у них над головами. — Но расскажи, расскажи им про своего Пертинакса.

— Этим другом, ниспосланным мне богами, был тот юноша, который первый заговорил со мной, когда я въезжал в город. Чуть старше меня, он командовал когортой Августа Победителя, располагавшейся между нами и нумидийцами. Его многочисленные достоинства намного превосходили мои.

— Так почему же он оказался на Стене? — мгновенно спросила Юна. — Ты ж сам говорил, что все, кто там был, совершили какое-то преступление.

— Дело в том, что после смерти отца Пертинакса его дядя, богач из Галлии, стал притеснять его мать, а когда Пертинакс вырос и узнал об этом, дядя силой и хитростью отправил его подальше от дома, на Стену. Мы познакомились в нашем храме. На проводившейся в темноте церемонии Заклания Быка, — объяснил Парнезий Паку.

— А-а, все понятно, — отозвался тот и повернулся к детям. — А вот вам, боюсь, не понятно ничего. Он хочет сказать, что встретил Пертинакса в церкви.

— Да, впервые мы встретились в пещере, и нам одновременно присвоили степень Гри-

фона*. — Парнезий провел рукой по шее. — Пертинакс уже служил на Стене два года. Он-то впервые и научил меня охотиться с вереском.

— Как это? — спросил Дан.

— Это значит идти охотиться со смиренным пиктом на их территорию. Если ты на видном месте прикрепíš веточку вереска, то становишься их гостем и будешь в полной безопасности. Одного бы тебя наверняка убили, если бы еще раньше ты не успел сам утонуть в болоте. Только пикты знают проходы через свои коварные черные болота. Особенно мы подружились со стариком Эло, седым одноглазым пиктом, у которого покупали пони. Сначала мы с Пертинаксом уходили к пиктам, просто чтобы вырваться из ужасного города и поговорить о доме. Но затем Эло научил нас охотиться на волков и на огромных красных оленей с рогами, похожими на еврейские подсвечники. Из-за нашей дружбы с пиктами офицеры из Рима смотрели на нас с презрением, но мы все равно предпочитали охоту с вереском всем их развлечениям. Поверь, — Парнезий снова повернулся к Дану, — когда ты скачешь на лошади или гонишься за оленем, тебя минуют все соблазны, которые грозят любому мужчине. Ты помнишь ли, Фавн, — Парнезий повернулся к Паку, — тот маленький алтарь, что я соорудил Пану у сосновой рощи за ручьем?

— Который? Каменный, с выбитой на нем строкой из Ксенофонта*? — спросил Пак совершенно другим голосом.

— Нет. Что я знаю о Ксенофонте? Тот поставил Пертинакс, после того, как впервые подстрелил из лука горного зайца. Кстати, совершенно случайно! Свой алтарь я сложил из круглой гальки в память о своем первом медведе. Я строил его целый день. Счастливый то был день!

Парнезий быстро повернулся к детям.

— Вот так мы и прожили на Стене два года: изредка схватываясь с пиктами и часто охотясь с Эло на их территории. Иногда он называл нас своими детьми. Мы тоже любили Эло и его варварский народ, но ни разу не дали им раскрасить себя по их подобию. Ведь тот рисунок остается на теле до самой смерти.

— А как они его делают? — спросил Дан.

— Они прокалывают кожу, чтобы показалась кровь, и начинают втирать всякие цветные соки. Эло был разрисован со лба до лодыжек — синим, зеленым и красным цветом. По его словам, так предписывала его религия. Он изложил нам свою веру (Пертинакс всегда интересовался подобными вопросами), а когда мы познакомились поближе, стал рассказывать нам о событиях, происходивших у нас за спиной, в Британии. А происходило тогда многое. Клянусь Светом Солнца, этот народец был всеведущ! — с нескрываемым удивлением воскликнул Пар-

незий. — Эло сообщил мне, когда Максим провозгласил себя императором Британии и отправился завоевывать Галлию, сколько войск и какие именно он взял с собой из Британии. У нас на Стене мы получили известие об этом лишь через пятнадцать дней. Эло каждый месяц сообщал мне, какие новые отряды Максим забирает из страны для войны в Галлии, и каждый раз его цифры оказывались абсолютно правильными. Удивительно! Но еще более удивительной была другая история.

Парнезий обхватил руками колени и, откинувшись, положил голову на стоящий сзади щит.

— Ранней осенью, когда ударяют первые заморозки и пикты усыпляют своих пчел, мы трое, взяв новых собак, отправились охотиться на волков. Наш генерал Рутилиан дал нам десятидневный отпуск, и мы забрались далеко в глубь пиктской территории, за Вторую Стену, за пределы провинции Валенсия, в высокогорный район, где не было даже развалин римских строений. Еще до полудня мы убили волчицу и приготовились завтракать. Эло, который сдирал с волчицы шкуру, вдруг поднял голову и сказал мне: «Когда ты станешь Капитаном Стены, сын мой, ты больше не сможешь так вот охотиться!»

Я знал, что с таким же успехом мог рассчитывать на место префекта Нижней Галлии, поэтому только рассмеялся и ответил: «Что ж, подождем, пока я им стану».

«Не надо ждать, — продолжал Эло, — а послушайте лучше моего совета: отправляйтесь по домам — и один, и второй».

«Ни у меня, ни у него дома нет, — ответил ему Пертинакс, — и тебе об этом известно не хуже нашего. Мы люди конченные. Как император побежденному гладиатору, так и нам судьба показывает: “Смерть!” И вообще, только потерявшие всякую надежду люди могут рисковать свернуть шею на твоих пони».

Старик рассмеялся на манер всех пиктов: сдавленно и отрывисто, точно в морозную ночь протягивала лиса.

«Я люблю вас обоих, — сказал он. — К тому же именно я научил вас тому немногому, что вы знаете об охоте. Послушайте моего совета: отправляйтесь по домам».

«Но мы не можем, — возразил я. — Что касается меня, то я в немилости у своего генерала, а у Пертинакса дома дядя».

«Про дядю мне ничего не известно, — признался Эло, — но вот твое, Парнезий, несчастье в том, что у своего генерала ты на слишком хорошем счету».

«Великий Рим! — вскричал Пертинакс, вскакивая. — Откуда ты можешь знать, кто на каком счету у Максима, ты, лошадиный барышник?»

В этот момент прямо на нас совершенно неожиданно выскочил огромный волк (вы ведь знаете, как близко подбираются эти твари,

когда люди едят). Наши отдохнувшие псы сорвались за ним, мы — следом. Волк стрелой мчался до самого вечера, все время по прямой, все время на запад, уводя нас далеко за пределы известных нам мест. Наконец мы достигли изрезанного морского берега, где далеко в воду вдавались серые песчаные мысы, и увидели вытященные на сушу корабли. Мы насчитали их сорок семь: не римские галеры, а суда с парусами, похожими на крылья ворона, приплывшие с неподвластного Риму Севера. На судах сновали люди, и солнце играло на их шлемах — крылатых шлемах рыжеволосых северных воинов, не признающих власть Рима. Мы смотрели, считали и удивлялись, поскольку хотя до нас и доходили слухи об этих «Крылатых Шлемах», как называли их пикты, мы их ни разу еще не видели.

«Бежим! Скорей! — скомандовал Эло. — Здесь мой вереск вас не защитит. Нас всех убьют!»

У старика дрожали и голос, и ноги. Мы повернули назад и поскакали. Всю ночь напролет неслись мы по освещенному луной вереску и остановились лишь с наступлением рассвета, когда наши бедные кони начали спотыкаться на каких-то развалинах.

Когда мы проснулись утром, промерзшие и заоченевшие, Эло уже смешивал с водой какую-то еду. В стране пиктов нельзя разжигать костер за пределами деревни, поскольку они

дымом подают друг другу сигналы. На посторонний же дымок пикты слетаются, как растревоженные пчелы. А могут и ужалить!

«То, что мы видели вчера — стоянка купцов, — сказал нам Эло. — Всего-навсего стоянка купцов».

«Терпеть не могу вранья на голодный желудок, — усмехнулся Пертинакс. — Наверно, это (глаз у него был орлиный) тоже стоянка купцов?»

Он указал на поднимающиеся из-за холма далекие дымки, которые мы называли Письмами Пиктов. Одно облако дыма — пауза, два облака дыма — пауза и так далее. Это делалось с помощью мокрой шкуры, которую то держали над огнем, то убирали в сторону.

«Нет, — ответил Эло, засовывая деревянную тарелку обратно в мешок. — Это сигнал нам с вами. Ваша судьба решена. Идемте».

Мы пошли. Охотясь с вереском, вы обязаны подчиняться своему проводнику. Этот дымок, будь он неладен, поднимался где-то на восточном побережье, милях в двадцати, а утро было отнюдь не такое теплое, как римская баня.

«Что бы ни случилось, — молвил Эло, когда мы уже находились в пути, — я хочу, чтобы вы меня не забывали».

«Это я могу тебе обещать, — отозвался Пертинакс. — Ты обманом лишил меня завтрака».

«Что значит для римляна горсть перетертого овса? — спросил Эло, и на свой обычный манер усмехнулся тем самым смехом, который и смехом-то назвать нельзя. — А что бы ты делал, если бы ты сам был горстью овса, перетираемой между жерновами мельницы?»

«Я Пертинакс, а не отгадыватель загадок».

«Ты глупец, — сказал Эло. — И твоим, и моим богам угрожают чужие боги, а противопоставить их угрозам ты можешь только смех».

«Кому много угрожают — становится пуганым, а пуганые живут долго», — сказал я.

«Молю богов, чтоб так оно и было. Но еще раз прошу: не забывайте меня», — заключил разговор Эло.

Поднявшись на последний холм, мы увидели перед собой восточное море в трех-четыре милих от нас. У берега, свернув паруса и отбросив сходни, стояла на якоре небольшая парусная галера, какие строят в Северной Галлии, а у подножья холма, в небольшой ложбине, держа под уздцы пони, сидел Максим, император Британии. На нем был охотничий костюм, в руках стек. Я узнал его с первого взгляда, хоть он сидел ко мне спиной, и сказал Пертинаксу, кто это.

«Ты совсем обезумел! — воскликнул он. — Твои глаза ослепило солнце!»

Максим неподвижно ждал, пока мы подъедем, а затем оглядел меня с головы до ног.

«Опять голодный? — спросил он. — Похоже, моя судьба — кормить тебя при каждой встрече. Здесь у меня еда. Эло приготовит ее».

«Нет, — ответил старик. — Вождь на собственной земле не подает пищу по приказу странствующих императоров. Я накормлю своих детей, не спрашивая твоего разрешения».

И он принялся раздувать угли.

«Я ошибался, — признался Пертинакс. — Мы обезумели все. Говори же, о Безумец, зовущийся императором!»

Максим улыбнулся своей ужасной улыбкой (он улыбался, не разжимая губ), но я не испугался: человека, прослужившего на Стене два года, одной улыбкой уже не испугать.

«Я предрек тебе, Парнезий, до смерти служить на Стене центурионом, — начал Максим. — Но как видно вот из этого, — он ощупал свою грудь, что-то ища, — ты можешь не только рисовать, но и думать».

Он достал свиток моих писем, которые я отправил семье, с рисунками пиктов, медведей и солдат, которых я встречал на Стене. Маме и сестре всегда нравились мои рисунки. Он протянул мне один, подписанный «Солдаты Максима». Рисунок изображал ряд пузатых винных бурдюков, к содержимому которых принимался наш больничный врач. Дело в том, что каждый раз, когда Максим перебрасывал войска из Британии в Галлию, на войну с Грацианом, он всегда присылал в оставшиеся

гарнизоны вино, чтобы, как я полагаю, те успокоились. Мы на Стене всегда называли такие бурдюки «Максимами». Да, чуть не забыл, я изобразил бурдюки в императорских шлемах.

«Еще недавно, — продолжал Максим, — и за более мелкие шалости имена таких шутников сообщали Цезарю».

«Верно, Цезарь, — сказал Пертинакс, — все верно, однако не забывай, что так делалось еще до того, как я, друг твоего друга, научился хорошо владеть копьем».

И он не то, чтобы направил на Максима свое охотничье копье, а просто покачал его на ладони, — вот так.

«Я говорил о годах минувших, — произнес Максим, не поведя и бровью. — Сегодня мне только приятно, когда я узнаю, что есть юноши, которые умеют мыслить самостоятельно, и что у них есть, — он кивнул в сторону Пертинакса, — друзья. Письма мне одолжил твой, Парнезий, отец, так что с моей стороны тебе ничего не грозит».

«Попади они к тебе иным путем, ему бы и тогда ничего не грозило», — заметил Пертинакс, потирая о рукав наконечник копья.

«Я был вынужден, — продолжал Максим, — сократить число гарнизонов в Британии, поскольку мне нужны войска в Галлии. Сейчас я пришел забрать часть войск со Стены».

«Ты шутишь? — воскликнул Пертинакс. — Мы же последние отбросы империи. Люди,

утратившие все надежды. Я бы скорее доверился закоренелым преступникам».

«Правда? — серьезно спросил Максим. Но ведь это только временно, пока я не завою Галлию. Человек всегда должен рисковать ставить на кон либо жизнь, либо душу, либо свой покой, либо... еще какую-нибудь мелочь».

Эло обошел костер и подал шипящее мясо оленя. Нам с Пертинаксом он поднес угощение первым.

Максим хмыкнул, поджидая своей очереди.

«Похоже, — сказал он, — вы чувствуете себя здесь как дома. Что ж, ешьте первыми. Мы сообщили, Парнезий, что пикты тебя любят».

«Я часто с ними охочусь, — ответил я. — возможно, приобрел среди них несколько друзей».

«Он — единственный из всех твоих офицеров кто нас понимает», — вступился Эло и произнес длинную речь о наших добродетелях, о том, когда год назад мы спасли от волка его внука.

— А вы правда его спасли? — поинтересовалась Юна.

— Да, но это отдельная история. Размалванный старик ораторствовал, как... как Цицерон*. Из его слов выходило, что мы с Пертинаксом — само совершенство. И пока говорил, Максим не сводил глаз с наших лиц».

«Хватит, — оборвал он. — Я услышал, что Эло думает о вас. Теперь я хочу знать, что вы думаете о пиктах».

Я рассказал ему все что знаю, а Пертинакс меня дополнял. Пикт не станет с тобой враждовать, если ты всего лишь потрудишься понять его беды. Больше всего их сердило то, что мы выжигаем их вереск. Дважды в год весь гарнизон Стены выходил на территорию пиктов и торжественно выжигал вереск на глубину десяти миль. Наш генерал Рутилиан называл это расчисткой территории. Пикты, конечно, разбегались кто куда, и получалось, что летом мы просто уничтожали вересковый цвет — пищу пчел, а весной — корм для овец.

«Верно, все верно, — подтвердил Эло. — Как же нам варить наш божественный напиток, вересковый мед, если вы уничтожаете наши медоносные поля?»

Мы говорили долго. Максим задавал дельные вопросы, и это свидетельствовало о том, что он хорошо знает пиктов и много о них думает. Наконец он спросил меня:

«Если бы я отдал под твою власть старую провинцию Валенсия, ты бы смог удержать пиктов от выступления до окончания войны в Галлии? Встань так, чтобы не видеть лицо Эло, и говори, что думаешь».

«Нет, — ответил я. — Валенсию у пиктов не отвоевать. Они слишком долго жили свободными».

«Оставь им в деревнях их старейшин, и пусть они сами набирают солдат для службы, —

убеждал Максим. — Уверен, ты не будешь сильно натягивать вожжи».

«Все равно это невозможно, — сказал я. — По крайней мере, пока. Мы слишком сильно притесняли их в прошлом, и чтобы они начали хоть чуточку доверять римлянам, должны пройти годы и годы».

«Молодец, сынок», — прошептал за моей спиной старик Эло.

«Тогда что ты посоветуешь сделать, — спросил Максим, — чтобы сохранить мир на Севере, пока я буду завоевывать Галлию?»

«Оставить пиктов в покое, — ответил я. — Немедленно прекратить выжигание вереска и время от времени посылать им баржу-другую зерна. Они ведь, как зверьки, о завтрашнем дне не думают».

«И распределять зерно должны сами пикты, а не наши жуликоватые греки-интенданты», — добавил Пертинакс.

«Правильно. И надо разрешить им приходить в нашу больницу, когда они заболеют», — продолжал я.

«Да они скорее умрут, чем согласятся идти в больницу!» — воскликнул Максим.

«Вовсе нет, если ими займется Парнезий, — возразил Эло. — В пределах двадцати миль отсюда я могу показать двадцать человек, покусанных волком или помятых медведем. Но Парнезий должен оставаться с ними в больнице, иначе они обезумеют от страха».

«Понятно, — произнес Максим. — Так было и так будет везде: успех дела — заслуга одного человека. И по-моему, Парнезий, ты и есть этот человек».

«Мы с Пертинаксом — одно целое», — сказал я.

«Пусть так, лишь бы делу было на пользу. Послушай, Эло, ты знаешь, я не желаю твоему народу зла. Оставь нас одних поговорить», — попросил Максим.

«Зачем? — усмехнулся Эло. — Я — зерно меж двух жерновов, и я должен знать, что намерен делать один из них. Эти юноши сказали правду, но это только часть правды. Я же, вождь, скажу тебе остальную. Меня беспокоят пришельцы с Севера».

Эло весь сжался, как заяц в вереске, и начал озиаться по сторонам.

«Меня тоже, — сказал Максим. — Иначе бы я не был здесь».

«Слушай! — воскликнул Эло. — Много-много лет назад Крылатые Шлемы, — он имел в виду норманнов, — приплыли к нашим берегам со словами: “Рим на краю пропасти. Столкните же его!” Мы на вас напали. Вы прислали солдат. Мы были разбиты. После этого мы сказали Крылатым Шлемам: “Лжецы! Верните жизнь нашим мертвым, которых убил Рим, тогда мы вам поверим”. Они убрались, пристыженные. Сейчас, осмелев, они вернулись и снова завели старую песню, что Рим гибнет. И мы уже начинаем им верить».

«Дай мне три года мира на Стене! — крикнул Максим. — И я покажу тебе и этим воронам, как они ошибаются!»

«А-а, хорошо бы! Хорошо бы спасти то зерно, что еще не попало под жернова! Но вы стреляете в нас из лука, когда мы приходим одолжить немного железа из Железной канавы, сжигаете вереск, который нас кормит, пугаете из своих огромных катапульти. А затем скрываетесь за Стеной и бросаете в нас греческий огонь. Так как же мне запретить юношам моего племени слушать Крылатых Шлемов, особенно зимой, когда мы голодны? Юноши говорят одно и то же: “Рим не может ни сражаться, ни править. Он забирает солдат из Британии. Крылатые Шлемы помогут нам опрокинуть Стену. Надо показать им тайные тропы через болота”. Разве я этого хочу? Нет! — Эло сплюнул, как плюется змея. — Я бы не выдал секреты моего народа, пусть бы меня сжигали заживо. Двое моих детей сказали сейчас правду. Оставьте нас, пиктов, в покое. Ублажайте нас, лелейте и подкармливайте, — но не приближаясь близко и держа руку за спиной. Парнезий нас понимает. Пусть он командует Стеной, и тогда я сдержу своих юношей. — Эло что-то прикинул на пальцах. — Первый год это будет легко, второй год — не так легко, третий — постараюсь. Да, я даю тебе три года. Но знай: если и тогда ты не покажешь, что Рим силен и солдатами, и оружием,

Крылатые Шлемы бросятся на Стену с двух сторон — и соединятся посредине. Вам придет конец. Я не очень буду о вас жалеть, но я хорошо, ой как хорошо знаю одну истину: если какой-то народ призывает чужой народ себе в помощь, то плата за эту помощь может быть только одна. Нам, пиктам, тоже придет конец. Крылатые Шлемы сотрут нас вот в такую пыль!»

Он подбросил в воздух горсть сухой пыли.

«Великий Рим! — воскликнул Максим полупшепотом. — Так было и так будет: любой успех — работа одного человека».

«Да. Работа одного. И жизнь — одного, — сказал Эло. — Ты император, но не Бог. Ты можешь умереть.»

«Об этом я тоже подумал, — сказал Максим. — Хорошо.

Если не изменится ветер, к утру я буду на восточном конце Стены. Тогда завтра мы встретимся снова, когда я буду инспектировать войска, и я назначу вас для этой работы капитанами Стены».

«Секунду, Цезарь! — воскликнул Пертинакс. — Каждый человек имеет свою цену. А меня ты еще не купил».

«Уже начинаешь торговаться? — спросил Максим. — Ну?»

«Рассуди меня по справедливости с моим дядей Исенусом, дуумвиром* из города Дивии в Галлии», — попросил Пертинакс.

«Всего одна жизнь? Я думал, ты попросишь денег или должность. Он будет твой! Напиши его имя на красной стороне дощечки. Другая сторона — для живых».

И Максим протянул ему вощенные дощечки для письма.

«Какой мне прок от его смерти? Моя мать вдова, а я от нее далеко. Мне кажется, дядя задерживает выплату ее приданого», — объяснил Пертинакс.

«Мне все равно. Я до него доберусь. В свое время он представит нам все свои бумаги. А теперь прощайте до завтра, капитаны Стены!»

Он пошел к кораблю, и его фигура стала уменьшаться, постепенно сливаясь с цветом вереска. По обеим сторонам от него, за камнями, прятались десятки пиктов, но он ни разу не повернул голову ни вправо, ни влево. Он поплыл к югу, подставив вечернему ветру полные паруса, и мы не проронили ни слова, пока галера не скрылась из виду. Мы знали, что земля рождала мало людей, подобных ему.

Вскоре Эло подвел нам лошадей и помог сесть в седло, чего он раньше никогда не делал.

«Подожди», — попросил Пертинакс. Он вырезал несколько кусков земли и сложил из них небольшой алтарь, потом усыпал его сверху цветами вереска и положил сверху письмо от девушки из Галлии.

«Что ты делаешь, друг мой?» — спросил я.

«Приношу жертву своей погибшей юности», — ответил он. Когда письмо сторело, он втоптал пепел в землю. Потом мы поехали назад к Стене, где нам предстояло стать ее капитанами.

Парнезий замолчал. Дети сидели неподвижно, даже не спрашивая, кончилась ли на этом история или нет. Пак поманил детей и кивнул в сторону дома.

— Мне очень жаль, — прошептал он, — но сейчас вы должны уйти.

— Он на нас не сердится, нет? — заволновалась Юна. — Кажется, он думает о чем-то своем, очень далеко...

— Нет-нет, не беспокойся. Подождите до завтра. Это совсем недолго. И помните, что сегодня вы все это время играли, декламируя «Песенки Древнего Рима».

И действительно лишь только Дан и Юна протиснулись сквозь свою щель, возле которой росли Дуб, Терновник и Ясень, они больше ничего не помнили.

ПЕСНЬ МИТРЕ

Митра, бог Рассвета, над Стеной наших труб
торжество:

«Рим превыше всех наций, но Ты превыше
всего!»

Теперь позади перекличка, и наш Легион в
пути,

Митра, солдат, как и все мы, дай нам силы
все это снести.

Митра, бог Полудня, душит марево тут,

На головы давят шлемы, а сандалии ноги
жгут.

Теперь, в этот час звенящий, мы щуримся,
хочется спать.

Митра, солдат, как и все мы, помоги нам клят-
ву сдержать.

Митра, бог Заката, на запад спускаешься ты,

Уходишь от нас бессмертным, чтоб вновь вос-
стать с высоты.

Теперь, когда кончилась вахта, нет вина, по-
зади наш час, —

Митра, солдат, как и все мы, поддержи до
рассвета нас!

Митра, бог Полуночи, видишь — бык умира-
ет вновь?

Из тьмы на детей своих глянь ты, о, прими
нашей жертвы кровь!

Много дорог проложил ты, они к свету ведут
из ночи.

Митра, солдат, как и все мы, умирать в гроз-
ный час научи!

КРЫЛАТЫЕ ШЛЕМЫ

80

КРЫЛАТЫЕ ШЛЕМЫ

Назавтра выдался совершенно свободный день. Папа с мамой отправились отдавать визиты, мисс Блейк поехала кататься на велосипеде, и дети оказались предоставленными себе до восьми вечера.

Едва они с подобающей вежливостью проводили своих дорогих родителей и свою дорогую наставницу, как садовник принес им полный капустный лист малины, а служанка Эллен — чаю с пирогом. Малину, пока она не помялась, дети съели, а капустный лист решили поделить между тремя коровами, которые паслись около Театра. Но по пути туда они наткнулись на мертвого ежа, которого просто обвязаны были похоронить, и лист для этого подошел им как нельзя лучше.

© Перевод А. Слобожана.

Потом дети пошли к кузнице и застали там старика Хобдена с сыном — Пчелиным Мальчиком. У этого мальчика было не все в порядке с головой, но зато он мог голыми руками снимать пчелиные рои. Пчелиный Мальчик прочитал им стишок про слепозмейку:

Имей глаза я, чтобы видеть,
Никто б не смел меня обидеть!

Они все устроились пить чай неподалеку от пасеки, и Хобден очень похвалил пирог, испеченный Эллен, сказав, что он не хуже тех, которые пекла когда-то его жена. После чая он стал учить детей, как надо ставить силки на зайцев. Про силки для кроликов дети уже все знали.

Затем по Длинному рву они прошли в заболоченный конец Дальнего леса. Место это было печальнее и темнее, чем опушка, которую дети прозвали Волатерра. Особую мрачность ему придавали старая торфяная яма с черной водой и влажный мох, похожий на космы старух, который укутывал гнилые пни ивы и ольхи. Птицы, однако, любили прилетать в этот полумертвый лес, и Хобден рассказывал, что эта набравшаяся горечи от корней ив вода служит своеобразным лекарством для больных животных.

Дети сели на ствол поваленного дуба в тени раскинувшегося над ними бука, и из проволо-

ки, которую дал им Хобден, принялись делать петли для силков. И в этот момент увидели Парнезия.

— Как тихо ты подошел, — сказала Юна, подвигаясь и освобождая ему место. — А где же Пак?

— Мы с Фавном спорили, стоит ли мне рассказывать свою историю до конца, или оставить так, — объяснил Парнезий.

— Я лишь заметил, что если он расскажет все, как было, вы ничего не поймете. — С этими словами Пак с ловкостью белки выпрыгнул из-за бревна.

— Я и так не понимаю ничего, — сказала Юна, — но мне нравится слушать про этих маленьких пиктов.

— А я не могу понять одного, — сказал Дан. — Откуда Максим знал про пиктов абсолютно все, если он был в Галлии?

— Тот, кто провозглашает себя императором, должен знать все и про всех, — ответил Парнезий. — Именно эти слова услышали мы из уст самого Максима сразу после Игр*.

— Игр? Каких еще игр? — спросил Дан.

Парнезий решительно вытянул вперед сжатую в кулак руку, так что большой палец был направлен вниз.

— Гладиаторских! Вот каких! — ответил он. — Когда Максим неожиданно для всех посадился на восточном конце Стены в Сегедунуме, в его честь устроили двухдневные

гладиаторские игры. Да, уже через день после нашей с ним встречи проводились игры в его честь. Максим шел на отчаянный риск; мне кажется, что он подвергался еще большей опасности, чем те бедняги на песчаной арене. Это в прежние дни легионеры и пикнуть не смели в присутствии императора. Иное дело мы! Когда носилки с императором, мерно покачиваясь, двигались сквозь толпу, приветственные крики сливались в единый рев, который вместе с носилками катился с востока на запад. Солдаты вокруг шумели, дурачились, что-то просили и требовали: больше платить, перевести их в другой гарнизон, — словом, все, что только могло прийти в их сумасбродные головы. Носилки качались над толпой, как лодка на волнах; иногда они как бы проваливались и ныряли, и всем уже начинало казаться, что больше они не появятся, но каждый раз они поднимались снова.

Лицо Парнезия скривила судорога.

— Так они были им недовольны? — спросил Дан.

— Так же довольны, как волки в клетке, когда между ними прохаживается укротитель. Если бы он хоть на мгновение испугался, если бы хоть на мгновение отвел глаза, в тот же час на Стене был бы провозглашен другой император. Разве не так, Фавн?

— Да, именно так. И так будет всегда, — ответил Пак.

— Поздно вечером за нами пришел гонец Максима и пригласил нас с Пертинаксом проследовать в Храм Победы, где у генерала Стены Рутилиана остановился император. Раньше я генерала почти не видел, хотя всегда брал у него разрешение на охоту у пиктов. Он был страшный обжора, держал пять поваров из Азии и происходил из семьи, верившей в предсказания оракулов*. Войдя к нему, мы сразу почувствовали восхитительные запахи обеда, но столы были пусты. Генерал, похрапывая, мирно лежал на ложе, Максим сидел за столом среди вороха бумаг. Двери за нами закрылись.

«Вот эти люди», — сказал Максим генералу, которому долго пришлось тереть подагрическими пальцами уголки глаз, прежде чем они открылись. Он, словно рыба, тупо уставился на нас.

«Я их запомню, Цезарь», — сказал он.

«Прекрасно! — воскликнул Максим. — А теперь слушай! По собственной воле ты не будешь перемещать на Стене ни одного легионера, ни одного орудия. Без их разрешения ты можешь только есть, и больше ничего. Они будут головой и руками. Ты сам — только животом».

«Как угодно Цезарю, — проворчал старик. — Если мое жалованье и доходы не будут урезаны, ты можешь делать моим начальником хоть оракула моих предков! О бедный Рим! Несчастный Рим!»

Потом он повернулся на бок и заснул.

«С этим разобрались, — сказал Максим. — Перейдем теперь к тому, что нужно мне».

Он развернул полные списки, где были записаны все легионеры и учтены все припасы на Стене. Здесь значились абсолютно все, даже те, кто в этот день лежал в больнице в башне Гунно. О, сердце мое даже застонало, когда перо Максима отмечало для отправки один за другим наши лучшие, то есть наименее распущенные, отряды. Он забрал обе скифские* башни, две башни вспомогательных войск из Северной Британии, две нумидийские когорты, всех даков и половину белгов*. Это было похоже на то, как орел расклевывает мертвое тело.

«Так, а сколько у вас катапульт?» — Максим взялся за новый лист, но Пертинакс придавил его ладонью.

«Нет, Цезарь, — сказал он. — Не надо заходить слишком далеко, испытывая терпение богов. Бери либо людей, либо машины, но не то и другое вместе. Иначе мы отказываемся».

— Машины? Какие же у вас были машины? — спросила Юна.

— Катапульты — огромные машины вышиной сорок футов, которые метали глыбы камня или кованые стрелы. Ничто не могло устоять против них! В конце концов Максим оставил нам катапульты, но зато безо всякой жалости забрал половину всех солдат — поло-

вину Цезаря! Когда он свернул списки, от наших легионов осталась одна оболочка!

«Привет тебе, Цезарь! Мы, идущие на смерть, приветствуем тебя! — смеясь, проговорил Пертинакс. — Стоит сейчас врагу только облокотиться о Стену, и она закачается».

«Дайте мне те три года, о которых говорил Эло, — ответил Максим, — и в вашем распоряжении на Стене будет двадцать тысяч солдат на выбор. Но сейчас мы идем на риск — мы играем против Богов, — и в нашей игре на кон поставлены Британия, Галлия и, возможно, Рим. Согласны ли вы играть на моей стороне?»

«Мы будем играть, Цезарь!» — ответил я. Никогда еще не видел я такого человека!

«Хорошо, — сказал Максим. — Завтра перед войсками я провозглашу вас капитанами Стены».

И мы вышли в ночь, где при свете луны все приводилось в порядок после Игр. На верху Стены возвышалась статуя богини Рима. Мы видели, как ее шлем блистал от инея, а копье указывало на Полярную звезду. По мигающим кострам можно было определить ряд сторожевых башен, а темные громады катапульт выстраивались в линию, исчезающую где-то вдаль. И хотя все эти предметы были до боли знакомы, в ту ночь они казались нам какими-то необычными, — ведь мы знали, что утром должны стать их хозяевами.

Солдаты восприняли известие спокойно; но когда Максим увел половину легионов и нам пришлось раздвигаться и заполнять опустевшие башни, когда жители стали жаловаться на упадок торговли, да вдобавок задули осенние ветры, — вот тогда для нас двоих наступили черные дни. В такой ситуации Пертинакс был для меня больше, чем правой рукой. Рожденный и выросший в знатной галльской семье, он знал нужные слова, чтобы обращаться к разным людям — и к центуриону, родившемуся в Риме, и к этим псам из Третьего легиона — ливийцам*. И с каждым он говорил так, как говорят с равным себе по благородству. Я так ясно видел, сколько нам еще предстоит сделать, что забыл: все делается только руками людей. Это была моя ошибка.

Пикты меня не пугали, по крайней мере в тот год, но Алло предупредил меня, что Крылатые Шлемы скоро нападут с моря на нашу Стену, чтобы показать им, пиктам, насколько мы слабы. Я сразу же приказал передвинуть на концы Стены наши лучшие войска, а вдоль берега установить защищенные щитами катапульты. Приказания исполнялись быстро, и спешка была не лишней. Крылатые Шлемы обычно нападали до начала снежных бурь — силами от десяти до двадцати кораблей сразу — либо на Сегедунум, либо на Итуна, в зависимости от направления ветра.

Надо сказать, что Крылатые Шлемы, прежде чем высадить людей на берег, должны были убрать на корабле паруса, и если дожждаться, когда они начнут их сворачивать, и в этот момент метнуть из катапульты камни (кованные стрелы не годятся, они просто проходят сквозь ткань), то корабль переворачивается, и море снова становится чистым. Несколько человек, бывает, доплывут до берега, но буквально единицы... В общем, это несложно. Самым трудным для нас было часами стоять на песчаном берегу под пронизывающим ветром и снегом. Вот так мы и сражались с Крылатыми Шлемами в ту зиму.

Ранней весной, когда восточные ветры пронзают тебя словно ножом, Крылатые Шлемы снова собрали много кораблей напротив Сегедунума. Эло сказал мне, что они не успокоятся, пока в открытом бою не захватят хотя бы одной башни. Они всегда сражаются в открытую. Мы целый День методично забрасывали их камнями, а когда все было кончено, я увидел, что один человек спасся после гибели судна и плывет к берегу. Я подождал, пока волна выбросила его к моим ногам.

Наклонившись к нему, я увидел, что у незнакомца такая же медаль, как и у меня, — Парнезий показал рукой на грудь. — Поэтому, когда человек пришел в себя и смог говорить, я задал ему особый вопрос, на который можно

ответить лишь определенным образом. И ответил этим особым словом, что говорил том, что среди почитателей бога Митры принадлежал к разряду Грифонов. Я прикрыв его щитом, и он встал. Я и сам, как видите, маленького роста, но он был на целую голову выше меня.

«Что теперь?» — спросил он.

«Ты свободен, брат мой, — ответил я. Хочешь — оставайся, хочешь — уходи».

Он посмотрел на волнующееся море. Там виднелся только один уцелевший корабль, он был вне досягаемости наших катапулт. Я подал знак не стрелять, а он махнул рукой, подзывая корабль к себе. Как собака зов хозяина, двинулся к нему корабль. Когда до корабля оставалось шагов сто, он отступил назад, волосы и поплыл к нему навстречу. Его втащили на палубу, и корабль ушел. Я знал, что богу Митре поклоняются люди разных народов, и выбросил этот случай головы.

Месяц спустя я встретил Эло с его лошадьми и — клянусь храмом Пана, о Фавн! — протянул мне большое золотое ожерелье, украшенное кораллами.

Сначала я подумал, что это взятка от какого-нибудь купца из города, и что она предназначена для Рутилиана.

«Нет, — сказал Эло. — Это подарок тебе Амала, того Крылатого Шлема, которого

спас на берегу. Он говорит, что ты настоящий мужчина».

«Он тоже настоящий мужчина. Передай ему, что я буду носить его подарок», — ответил я.

«О, Амал еще молод и глуп. Но если рассуждать серьезно, ваш император так прославился своими подвигами в Галлии, что Крылатые Шлемы хотят быть с ним в дружбе. Или, вернее, в дружбе с его слугами. Они надеются, что вы с Пертинаксом могли бы повести их к победам».

Эло посмотрел на меня, как одноглазый ворон.

«Послушай, — сказал я, — ты — зерно между двух жерновов. Радуйся, если они вращаются равномерно, и не пытайся всунуть между ними руку».

«А разве я пытаюсь? Я одинаково ненавижу и римлян, и норманнов. Но если Крылатые Шлемы будут надеяться, что когда-нибудь вы с Пертинаксом выступите заодно с ними против Максима, они оставят вас в покое, чтобы дать время подумать. Нам всем нужно время — и вам, и мне, и Максиму. Позволь мне отнести Крылатым Шлемам какое-нибудь утешительное послание — что-нибудь, над чем они поломали бы себе головы. Мы, варвары, все одинаковы. Мы готовы сидеть ночь напролет и обсуждать любое слово, брошенное римлянином. Ну как, согласны?»

«У нас нет солдат. Мы должны сражаться с помощью слов, — сказал мне Пертинакс. — Предоставь это дело нам. Мы с Эло договоримся».

И вот Эло отправился обратно передать Крылатым Шлемам наше обещание не нападать на них, если они не будут нападать на нас, и поскольку им, похоже, надоело терять людей на море, они согласились на что-то вроде перемирия. И уж наверно Эло, который, как и всякий торговец лошадьми, любил немного приврать, шепнул им также, что когда-нибудь мы можем выступить против Максима, как тот в свое время выступил против римского императора.

И действительно, в ту зиму Крылатые Шлемы беспрепятственно пропустили на Север наши корабли с зерном, которое я посылал пиктам. Так что пикты были сыты, и поскольку они в какой-то степени были моими детьми, я был рад этому. У нас на Стене оставалось всего две тысячи солдат, и я неоднократно писал Максиму, просил его, умолял прислать мне хотя бы одну когорту из моих старых северобританских частей. Но он не мог этого сделать. Для новых побед в Галлии ему требовались все войска до последнего солдата.

Затем пришли вести, что Максим разбил войска императора Грациана и лишил его жизни. Я снова попросил подкрепления, заключив, что теперь-то Максиму бояться нечего. Он ответил:

«Узнай, что я наконец-то свел счеты с этим щенком Грацианом. Ему можно было бы оставить жизнь, но он слишком запутался и совсем потерял голову, а это самое плохое, что только может случиться с императором. Передай своему отцу, что я согласен ехать только на двух мулах, и если сын моего старого генерала не сочтет своим долгом меня уничтожить, я останусь императором Галлии и Британии, и тогда вы, дети мои, получите столько воинов, сколько вам нужно. Сейчас же я не могу прислать ни одного».

— А кого он называл «сыном своего генерала»? — спросил Дан.

— Он имел в виду римского императора Феодосия, сына генерала Феодосия, под чьим началом Максим сражался в прошлую Пиктскую войну. Два генерала всегда недолюбливали друг друга, и когда Грациан сделал Феодосия-младшего императором Восточной части империи (по крайней мере, так я слышал), Максим перенес вражду с отца на сына. Это была и его судьба, и его гибель. А император Феодосий, насколько я знаю, был хорошим человеком.

Парнезий на мгновение замолчал, потом продолжал:

— Я ответил Максиму, что хотя на Стене сейчас царит мир, я чувствовал бы себя спокойнее, имея побольше воинов и катапульт. На это он прислал такой ответ:

«Вы должны пожить еще немного в тени моих побед, пока я не увижу, что собирается делать молодой Феодосий. Он может приветствовать меня как брата-императора, но может и готовить против меня армию. В любом случае сейчас я не могу прислать ни одного человека».

— Он вечно повторял одно и то же! — воскликнула Юна.

— Но вообще-то он был прав, поэтому не стоит его осуждать. Как он и предсказывал, благодаря его победам у нас на Стене спокойствие царило еще очень долго. Пикты жирели не меньше, чем их овцы, пасущиеся на вереске, а мои солдаты все до одного научились отлично обращаться с оружием. Да, Стена выглядела мощной. Но я-то, я-то знал, насколько мы слабы. Я знал, что если даже ложный слух о поражении Максима доползет до Крылатых Шлемов, они могут взяться за нас всерьез, и тогда... тогда Стена должна пасть. О пиктах я не думал, но за эти годы я лучше узнал силу Крылатых Шлемов. Их число росло с каждым днем, а у меня солдат оставалось столько же, сколько и было. Из самой Британии Максим тоже увел все гарнизоны, так что я чувствовал себя человеком, который стоит перед разломанным забором и гнилой палкой должен отогнать мчащихся на него быков.

Вот так, друзья мои, мы и жили на Стене — в вечном ожидании помощи, которую Максим так и не прислал.

Вскоре он сообщил, что собирает армию против Феодосия. Помню, как мы получили послание и как Пертинакс читал письмо через мое плечо. Вот что писал Максим:

«Передай отцу, что мне выпала судьба ехать на трех мулах сразу, или же быть разорванным ими на куски. Я рассчитываю покончить с Феодосием, сыном Феодосия, за один год, раз и навсегда. Тогда ты, Парнезий, будешь править Британией, а Пертинакс, если пожелает, Галлией. Я бы очень хотел, чтобы вы сейчас были со мной и помогли бы формировать вспомогательные войска. И молю вас, не верьте ни единому слову о моей болезни. Хотя мое старое тело немного расклеилось, я вылечу его тем, что скоро въеду в Рим».

Пертинакс сказал:

«С Максимом покончено. Он пишет как человек, лишившийся всяких надежд. Я тоже человек без надежд, и ясно вижу это. А что там за приписка в конце письма?»

«Скажи Пертинаксу, что я повидал его дядю, дуумвира из Дивии, ныне умершего, и он надлежащим образом отчитался мне за все деньги матери Пертинакса. А ее я отправил с подобающим для матери героя эскортом в Ни-кею*, где климат мягче».

«Вот тебе доказательство, — воскликнул Пертинакс. — От Никеи по морю недалеко до Рима. В случае войны любая женщина может легко сесть там на корабль и бежать в Рим.

Максим предвидит свою смерть и спешит одно за другим исполнить все обещания. Но я рад, что он повидался с моим дядей».

«Ты думаешь, что все так плохо?» — спросил я.

«Я не думаю, а знаю. Богам надоела игра, которую мы ведем против них. Феодосий уничтожит Максима. С ним кончено!»

«Ты ему так и напишешь?» — спросил я.

«Сейчас сам увидишь, что я напишу», — ответил Пертинакс и написал Максиму письмо, веселое, как солнечный день, нежное, как письмо женщины, и вдобавок полное шуток. Читая это письмо у него через плечо, даже я было успокоился, но потом... потом я увидел его лицо!

«Теперь, — сказал он, запечатывая письмо, — мы с тобой, брат мой, просто двое мертвецов. Пойдем в храм».

Мы помолились богу Митре, как и много раз прежде. С этого мгновения и до следующей зимы мы жили в окружении дурных слухов, не затихавших ни на день.

Однажды утром мы поехали на восточный берег и нашли там полузамерзшего светловолосого мужчину, привязанного к выломанным из корабля доскам. Перевернув его на спину, мы по пряжке на ремне определили, что он был готом* из Восточного легиона. Внезапно незнакомец открыл глаза и воскликнул: «Он мертв! Я вез письма, но Крылатые Шлемы потопили

корабль». Произнеся это, он умер у нас на руках.

Кто мертв, мы не спрашивали. Мы знали! Несмотря на хлесткий ветер со снегом, мы со всех ног бросились к центральной башне Гунно, надеясь увидеть там Эло. Он ждал нас у конюшен, и по нашим лицам понял, что мы уже все знаем.

«Это произошло в палатке на берегу моря, — начал он, запинаясь. — Феодосий приказал обезглавить Максима. Максим послал вам письмо, написанное в ожидании смерти, но Крылатые Шлемы напали на корабль и захватили его. Новость распространяется по нашей стране, как огонь пожара по вереску. Не вините меня! Я больше не могу сдерживать своих юношей!»

«Было бы хорошо, если бы мы могли сказать то же самое про своих, — рассмеялся Пертинакс. — Но слава богу, убежать-то они не могут!»

«Что же вы будете делать? — спросил Эло. — Я принес приказание, вернее, послание от Крылатых Шлемов, чтобы вы со своими людьми присоединялись бы к ним и шли бы на юг грабить Британию».

«Мне очень жаль, — ответил Пертинакс, — но мы здесь стоим как раз для того, чтобы этого не допустить».

«Если я вернусь с таким ответом, они меня убьют, — сказал Эло. — Я всегда обещал

Крылатым Шлемам, что если Максим падет, вы выступите. Я... я не думал, что он может пасть».

«Увы тебе, мой бедный варвар, — сказал Пертинакс, продолжая смеяться. — Ты продал нам слишком много хороших лошадей, чтобы сейчас отправить тебя назад к твоим друзьям. Мы, пожалуй, возьмем тебя в плен, хотя ты и посол».

«Да, так будет лучше всего», — согласился Эло и протянул нам поводья. Мы связали его, но не сильно, ведь он был старик.

«Возможно, теперь Крылатые Шлемы придут тебя искать, и мы выгадаем еще немного времени. Смотри, как привычка тянуть время пристает к человеку!» — сказал Пертинакс, завязывая узел.

«Ты не прав, — отозвался я. — Время может помочь. Если Максим писал письмо, уже находясь под стражей, значит, корабль с письмом послал Феодосий. А если Феодосий послал корабль, он может послать и солдат».

«Но чем это поможет нам? — спросил Пертинакс. — Мы служим Максиму, а не Феодосию. Даже если боги явят чудо и Феодосий пришлет с юга войска, чтобы спасти Стену, мы с тобой можем рассчитывать лишь на ту же смерть, что досталась Максиму».

«Наше с тобой дело — защищать Стену при любом императоре, кто бы из них ни взял верх», — сказал я.

«Такое изречение подошло бы твоему брату-философу, — молвил Пертинакс. — Я же, человек без надежды, не буду говорить напыщенные и глупые фразы. Поднимай солдат!»

Мы подняли по тревоге все башни с одного конца Стены до другого и объявили офицерам, что до нас дошел слух о смерти Максима и что теперь могут нагрянуть Крылатые Шлемы; однако мы уверены, что даже если этот слух окажется верным, Феодосий ради Британии пошлет нам помощь. И поэтому мы должны стоять насмерть... Да, друзья мои, много неожиданного приходится видеть, когда наблюдаешь, как люди воспринимают дурные вести. Сильные часто размякают и превращаются в слабых, а слабые распрямляют грудь и словно черпают силы у богов. Так было и с нами. За прошедшие годы Пертинаксу все же удалось, где шуткой, где добрым словом, а где и требовательностью вложить мужество в сердца наших поредевших когорт и хорошо их обучить. Ему это удалось лучше, чем я считал вообще возможным. Даже когорта ливийцев — Третья — стояла в своих выпуклых кирасах и не роптала.

Через три дня пришли семеро вождей и старейшин Крылатых Шлемов. Среди них был и тот высокий юноша, Амал, которого я встретил на берегу; он улыбнулся, увидев на мне ожерелье. Мы приняли их (ведь они были послами), потом показали им Эло, живого, но связанного. Они считали, что мы его уже убили, и я

почувствовал, что, сделай мы так, Крылатые Шлемы не стали бы из-за этого расстраиваться. Эло тоже почувствовал это и разволновался. Затем в казарме башни Гунно мы приступили к переговорам.

Они говорили, что Рим гибнет, и поэтому мы должны присоединяться к ним. Мне они обещали отдать всю Южную Британию, собрав сначала с нее дань.

«Терпение, — ответил я. — Стена по кускам не продается. Представьте мне доказательство, что мой генерал мертв».

«Нет, — ответил один из старейшин, — это ты докажи, что он жив».

Другой тут же добавил с хитрой усмешкой: «А что ты нам дашь, если мы прочтем тебе его последние слова?»

«Не будем торговаться, как купцы на базаре! — воскликнул Амал. — Кроме того, этому человеку я обязан жизнью. Вот тебе доказательство!» И он бросил мне письмо с такой знакомой печатью Максима.

«Мы взяли его на корабле, который потопили, — продолжал он, — Прочесть я не могу, но тут есть по крайней мере один знак, который говорит сам за себя».

Он указал на темное пятно на внешнем свитке, и я с тяжелым сердцем понял, что это кровь доблестного Максима.

«Читай! — воскликнул Амал. — Читай, а потом скажи нам, чьи же вы слуги!»

Просмотрев письмо, Пертинакс тихо произнес: «Я прочту его все. Слушайте же, варвары!»

И он прочел письмо, которое я с тех пор ношу вот здесь, у сердца.

Парнезий вытащил из-за пазухи сложенный и покрытый пятнами кусок пергамента и глухим голосом начал:

«Парнезию и Пертинаксу, достойнейшим Капитанам Стены, шлет Максим, некогда император Галлии и Британии, ныне же узник, ждущий смерти в лагере Феодосия, свое предсмертное здравствуй и прощай!»

«Достаточно, — сказал молодой Амал. — Вот вам доказательство! Теперь вы должны идти с нами!»

Пертинакс молча бросил на него долгий взгляд, и тот вспыхнул, как девушка. А Пертинакс продолжал читать:

«Всю жизнь я с легким сердцем причинял зло людям, желавшим зла мне, но если я когда-нибудь причинил зло вам, то я раскаиваюсь и прошу вашего прощения. Три мула, на которых я пытался ехать, разорвали меня на части, как и предсказывал твой отец, Парнезий. За порогом палатки меня ждет обнаженный меч, чтобы предать меня той же смерти, какой я предал Грациана. Поэтому я, ваш Генерал и Император, посылаю вам почетную и добровольную отставку от службы мне, на которую вы поступили не ради денег или должности, а потому — и эта мысль

согревает мое сердце — потому что вы любили меня!»

«Клянусь светом солнца! — перебил Амал. — Вот это был человек! Мы, возможно, неправильно судили о его слухах!»

А Пертинакс продолжал:

«Вы дали мне те три года, о которых я вас просил. И если мне не удалось их использовать, не надо меня за это упрекать! Мы сыграли с Богами неплохую партию, и ставки были крупными, но они метали фальшивые кости*, и вот мне приходится расплачиваться. Помни же, Парнезий, что меня не будет, но Рим останется, и Рим будет вечно! Передай Пертинаксу, что его мать в безопасности в Никее, а за ее деньгами присматривает префект города Антополиса. Передавай привет своим отцу и матери, чья дружба была для меня ценным приобретением. А моим маленьким пиктам и Крылатым Шлемам передай такие послания, какие смогут понять их тупые головы. Если бы все шло хорошо, то в этот же день я послал бы вам три легиона. Не забывают меня. Мы боролись вместе. Прощайте! Прощайте! Прощайте!»

Вот таким было последнее письмо моего императора.

Дан и Юна слышали, как хрустел пергамент, когда Парнезий прятал его обратно за пазуху.

«Я ошибался, — сказал Амал. — Слуги такого человека ничего без боя не уступят. Я рад этому».

И он протянул мне руку.

«Но ведь Максим дал вам отставку, — сказал один из старейшин. — Вы вправе служить, кому хотите и править, кем хотите. Присоединяйтесь... не надо даже вливаться в наше войско — просто идем вместе!»

«Благодарим за приглашение, — ответил Пертинакс, — но Максим наказал нам передать вам такие послания, какие — простите, но я использую его собственные слова, — смогут понять ваши тупые головы».

И сквозь раскрытую дверь он указал на заряженную и взведенную катапульти.

«Мы поняли, — сказал старейшина. — Стена нам дорого обойдется, да?»

«Мне очень жаль, — смеясь, ответил Пертинакс, — но на другую цену я не согласен».

И он поднес им нашего лучшего южного вина.

Они молча выпили, вытерли рыжие бороды и встали, чтобы уйти.

Амал сказал, потягиваясь (ведь они же были варварами): «Приятная у нас компания. Интересно, кем из нас насытятся волки и акулы еще до того, как растает снег?»

«Подумай лучше о том, что может прислать Феодосий», — заявил я в ответ, и, хотя они

только рассмеялись, я заметил, что мои наугад брошенные слова обеспокоили их.

Старый Эло немного отстал от Крылатых Шлемов.

«Вы же видите, — сказал он, беспокожно моргая глазами, — для них я не больше, чем собака. Как только я покажу им наши тайные тропинки через болота, они отшвырнут меня, как негодного пса».

«Тогда на твоём месте я бы не спешил показывать им эти тропинки, — сказал Перти-накс, — пока не убедился бы, что Рим не может спасти Стену».

«Ты так думаешь? О горе мне! — застонал старик. — Я хотел только одного — мира для своего народа».

И он, спотыкаясь и проваливаясь в снег, побрел за рослыми Крылатыми Шлемами.

Вот так на Стену пришла война. Она надвигалась постепенно, день за днем, что очень плохо для нестойких духом войск. Сначала Крылатые Шлемы нападали только с моря, как делали это и раньше, а мы, как и раньше, встречали их с берега катапультами, — и этого оказывалось для них достаточно. Долгое время они не отваживались ступить на землю своими утиными ногами, и мне кажется, что когда дело дошло до показа троп через болота, пиктам было стыдно или страшно

раскрыть все тайны своего народа. Мне это рассказал один пленный пикт. Они были нашими шпионами в такой же степени, как и врагами, потому что Крылатые Шлемы притесняли их и отнимали летние запасы. О глупый народец!

Потом Крылатые Шлемы навалились на нас с двух концов Стены. Я послал пеших гонцов на юг узнать, нет ли каких вестей из Британии, но среди опустевших лагерей, где раньше стояли войска, этой зимой бегали лишь голодные волки, и ни один из гонцов не вернулся. Еще у нас не хватало корма для пони. Десятерых держал я, столько же Пертинакс. Мы ели и спали в седле, разъезжая с востока на запад, а потом съедали своих изможденных животных. Беспокойство вызывали и наши горожане, пока я не собрал их всех в одном месте позади башни Гунно. С обеих сторон от нее мы разрушили Стену, чтобы соорудить что-то вроде крепости-цитадели. Мы, римляне, лучше сражаемся бок о бок.

К концу второго месяца война захватила нас целиком, как захватывает человека сон или снежная буря. Мне кажется, мы и во сне сражались. Я, по крайней мере, помню только два момента: как я поднимался на Стену, и как потом спускался с нее, словно между этим ничего не было, хотя мой голос охрип от крика, а меч был в крови.

Крылатые Шлемы сражались по-волчьи: сразу всей стаей. Где им приходилось наиболее туго, туда они и бросались с особым остервенением. Для обороняющихся это было тяжело, но зато удерживало их от похода на Британию.

В те дни на штукатурке кирпичной арки над дорогой в Валенсию мы с Пертинаксом записывали, когда и какие башни мы теряли. Нам хотелось оставить хоть какую-то память.

А сражения? Самые жаркие схватки происходили в центре, справа и слева от огромной статуи богини Рима, рядом с домом Рутилиануса. Клянусь светом солнца, этот толстый старик, которого мы совсем не принимали в расчет, при звуках трубы просто помолодел! Помню, он называл свой меч оракулом. «Послушаем, что скажет нам оракул», — бывало, повторял он, прикладывая меч к уху и многозначительно кивая головой. — «Этот день Рутилиану еще позволено прожить», — заявлял он, засучивал рукава и, пыхтя и сопя, сражался до поздней ночи. И пусть нам не всегда хватало хлеба, зато его вдоволь заменяли веселые шутки.

Мы держались два месяца и семнадцать дней — зажатые с трех сторон на узком пространстве. Несколько раз Эло тайно передавал нам, что помощь близка. Мы этому не верили, но солдат это подбадривало.

Конец наступил неожиданно. Не было ни радостных криков, ничего. Мы как сражались во сне, так во сне и встретили освобождение. Крылатые Шлемы вдруг оставили нас в покое — сначала на одну ночь, потом еще на день, — а это уже очень много для измотанного человека. Сначала мы спали настороженно, готовые вскочить в любую секунду, затем — как бревна, каждый на том месте, где он упал. Не дай бог, чтоб вам когда-нибудь пришлось спать так! Проснувшись, я увидел, что башни полны незнакомых солдат, которые наблюдают, как мы храпим. Я растолкал Пертинакса, и мы оба вскочили, схватившись за оружие.

«Что такое? — воскликнул какой-то юноша в новеньких доспехах. — Вы сражаетесь с Феодосием? Посмотрите по сторонам!»

Мы посмотрели на север: на снегу алели пятна крови, но Крылатых Шлемов нигде не было. Мы посмотрели на юг, и увидели Орлов стоявших там лагерем двух крепких легионов. На востоке и западе полыхало пламя и шел бой, но у башни Гунно все было спокойно.

«Для вас война закончилась, — сказал этот юноша. — У Рима длинная рука. Где ваши капитаны Стены?»

Мы ответили, что это мы и есть.

«Но Максим говорил, что они почти мальчишки! — воскликнул юноша. — А вы — старики, седые старики!»

«Мы и были мальчиками несколько лет назад, — ответил Пертинакс. — Так какая же нас ждет судьба, о юное и упитанное создание?»

«Меня зовут Амброзий, я секретарь императора, — сказал юноша. — Покажите мне то письмо, что Максим написал в палатке в Аквиллии, тогда я, возможно, поверю».

Я достал письмо из-за пазухи. Прочитав его, Амброзий отдал нам салют.

«Ваша судьба в ваших руках, — сказал он. — Если вы захотите служить Феодосию, он даст вам легион. Если же вы предпочтете отправиться по домам, мы устроим вам триумф».

«Я бы предпочел ванну, вина, еды, бритву, мыло, духи и благовония», — ответил Пертинакс, смеясь.

«Да, теперь я вижу, что ты еще мальчик, — сказал Амброзий. — А ты?» — Он повернулся ко мне.

«Мы ничего не имеем против Феодосия, — начал я, — но на войне...».

«На войне все так же, как в любви, — перебил Пертинакс. — Хорош ли твой избранник, плох ли, лучшее, на что ты способен, ты можешь отдать лишь раз, лишь кому-то одному. А когда отдашь, в тебе не останется ничего такого, что бы стоило предлагать — и брать — кому-то другому».

«Это так, — согласился Амброзий. — Я был с Максимом перед самой его смертью. Он пре-

дупредил Феодосия, что вы ни за что не станете служить дальше, и, скажу откровенно, мне жаль своего императора».

«Ничего, Рим его утешит, — ответил Перти-накс. — Я прошу тебя разрешить нам отправиться по домам, чтобы никогда больше не вдыхать этот запах...»

Но триумф они устроили нам настоящий!

— Вы его честно заслужили, — сказал Пак, бросая несколько листьев в неподвижное зеркало ямы с водой. По ее темной поверхности быстро пробежали и затухли черные маслянистые круги, а дети все смотрели на них и смотрели.

— Но ты еще так много недосказал! — воскликнул Дан. — Что случилось со старым Эло? Вернулись ли Крылатые Шлемы? И что делал Амал?

— А что случилось со старым толстяком-генералом, у которого было пять поваров? — подхватила Юна. — И что сказала твоя мама, когда ты вернулся домой?..

— Ваша мама точно скажет, что вы уже порядком засиделись у этой старой ямы, — ответил им сзади голос старика Хобдена. — Тсс! — вдруг прошептал он и замер, потому что в двадцати шагах от себя увидел великолепную лисицу, которая сидела на задних лапах и смотрела на детей, как на своих старых знакомых.

— У-у, Рыжая Кумушка! — еле слышно прошептал Хобден. — Если бы я знал все, что хранится в твоей черепушке, много, много интересного я бы узнал. Мистер Дан и мисс Юна, пойдете со мной, вот я только закрою свой маленький курятник.

ПЕСНЯ ПИКТОВ

Шаг триумфа тяжел и жесток,
Упоен победами Рим,
На сердца наши ставит сапог
И не слышит, как мы кричим.
Легионам — шагать и шагать,
Ну, а нам — лишь таиться в ночи,
Как бы Стену отвоевать?
Ведь у нас — лишь слова, не мечи.

Да, мы маленький ловкий народ —
Нам ли злобствовать, нам ли любить?
Только мы вам предъявим счет,
Мы империю будем крушить!
Нас попробуй останови:
Мы — червяк под крепкой корой,
Лихорадка в бурной крови,
Мы — заноза в пятке босой!

Проедает букашка ствол,
Разгрызают крысы канат,
Моль насквозь дырявит камзол,
Губят черви цветущий сад.
Да, мы маленький верткий народ,
Весь наш труд — под покровом ночей.
Будет день, мы предъявим вам счет,
Мы пока — за работой своей.

Да, мы маленький слабый народ,
Но другие народы сильны,
Мы им тайный покажем ход —
Вас сметут в урагане войны.
И пускай мы рабы до сих пор,
Нынче держится мир на рабах.
Вас погубит вечный позор,
Мы попляшем на ваших гробах!

ХЭЛ-РИСОВАЛЬЩИК

ЭЭ

Пророкам — почет везде на Земле,
Но только не там, где они рождены,
Где знали мальчишками их в селе,
Там только презреньем окружены.

Юный пророк непослушен и лих,
А нелюбовь задевает жестоко
(Все мы читали жалобы их),
Но непризнание полезно пророку!

Ниневии вышел урок не впрок,
(Хоть киту и пришлось Иону глотать),
Хоть свою родню там оставил пророк,
На него родня хотела плевать.
Он может быть тем, а может — другим,
Лишь за то, что он есть, он презрен и любим.

ХЭЛ-РИСОВАЛЬЩИК

Днем шел дождик, а потому Дан и Юна решили играть в пиратов на старой маленькой мельнице. Если не обращать внимания на крыс, снующих по стропилам под крышей, и на попадающую в чулки овсяную мякину, чердак мельницы со своими лестницами — трапами, с рассказывающими о наводнениях надписями на балках, с вырезанными на стенах именами красавиц — прекрасное место. Освещен он окошком величиной в квадратный фут, которое смотрит на ферму «Липки». Дети поднялись по чердачной лестнице (изображая в лицах балладу об известном английском пирате сэре Эндрю Бартоне, они всегда называли ее бизань-мачтой). Выйдя из люка на чердак, Дан

и Юна остановились; близ окна склонившись над книгой в красном переплете, сидел незнакомый им странный человек в старинном камзоле цвета сливы и в таких же штанах в обтяжку.

— Садитесь, садитесь, — закричал Пак с верхней балки. — Сейчас вы узнаете, кто здесь настоящий красавец! Сэр Гарри Доу — прошу прощения — Хэл, — говорит, что моя голова годится для украшения конца желоба, по которому с крыши стекает дождевая вода. Кажется, это называется горгулья.

Человек в лиловом засмеялся и, взглянув на детей, снял с головы свою темную лиловую шапочку; они увидели его седые волосы, свисавшие бахромой. Ему было, по крайней мере, сорок лет, но глаза его смотрели молодо и их окружали смешные тонкие морщинки. На широком поясе незнакомца висел расшитый шелком кожаный мешочек; странный человек показался детям очень интересным.

— Можно посмотреть, что вы делаете? — подходя, спросила его Юна.

— Конечно. Ко-не-ечно, — сказал он и снова взялся за свою работу; дети увидели, что он рисует карандашом с серебряным кончиком. Пак сидел неподвижно, и на его широком лице застыла улыбка. Несколько мгновений дети молча смотрели, как быстрые ловкие пальцы набрасывали контур лица их друга. Вот человек вынул из сумки тростниковое перо, очинил его костяным ножичком в форме рыбы.

— О, какая прелесть, — произнес Дан.

— Осторожнее. Это лезвие очень острое. Я сам сделал его из лучшей стали, взятой мной из самострела народа, населяющего низины. И эту рыбку тоже сделал я. Когда спинной плавник отодвигается к ее хвосту, рыба проглатывает лезвие, совсем как кит проглотил Иону... Да, да, вот это моя чернильница. Я поместил на ней четырех серебряных святых. Нажмите на голову Варнавы. Она откроется и тогда... — Он опустил в чернильницу перо и осторожно, но уверенно набросал черты сморщенного лица Пака, которые были только слабо намечены серебряным кончиком его карандаша.

Дети в один голос ахнули: с белой бумаги на них, как живое, глянуло лицо Пака.

Работая и слушая звук дождя, струившегося по черепицам крыши, рисовальщик говорил; иногда его слова звучали отчетливо, иногда он бормотал что-то неразборчиво, иногда совсем замолкал и то хмурился, глядя на свою работу, то улыбался. Он сказал детям, что родился на ферме «Липки» и что отец часто бил его за то, что он рисовал, а не работал; наконец, старый священник, по имени отец Роджер, который расписывал красками и золотом большие буквы в книгах богачей, уговорил родителей рисовальщика отдать мальчика к нему в ученье.

После этого он вместе с отцом Роджером отправился в Оксфорд, где мыл посуду и по-

давал плащи и башмаки ученым в колледже Мертон.

— Разве вам это не было противно? — после многих других вопросов спросил его Дан.

— Я об этом не думал. Половина Оксфорда строила новые колледжи или украшала старые, и для этого были призваны художники и ремесленники со всего мира, короли своего дела и люди, почитаемые королями. Я был знаком с ними, я работал для них и считал, что этого для меня достаточно. Немудрено...

Он замолчал и засмеялся.

— Что ты сам сделался великим человеком, — сказал Пак.

— Так меня называли, Робин. Сам Браманте* сказал это.

— А почему? Что вы такого сделали? — спросил Дан.

Художник посмотрел на мальчика странным взглядом и ответил:

— Разные разности из камня по всей Англии. Значит, ты не слыхал о них? Даже здесь, близ нашего дома, я выстроил маленькую церковь святого Варнавы; впрочем, она доставила мне больше забот и печалей, чем все остальные. Но благодаря ей я получил полезный урок.

— Гм, — произнес Дан, — сегодня утром у нас тоже были уроки.

— Не хочу огорчать тебя невеселыми воспоминаниями, мальчик, — сказал Хэл, не обращая

внимания на громкий хохот Пака. — Только странно думать, что эта маленькая церковь была перестроена, покрыта новой крышей и стала нарядной благодаря нескольким благочестивым суссекским литейщикам, кузнецам, молодому моряку, горделивому ослу, называвшемуся Хэлом-рисовальщиком, потому что он постоянно рисовал и чертил и... — он замаялся, — и шотландскому пирату.

— Пирату? — повторил Дан и завертелся, как рыба на крючке.

— Да, да, церковь помог выстроить сэра Эндрю Бартон, тот самый пират, о котором вы пели на лестнице. — Он снова опустил перо в чернильницу и, затаив дыхание, нарисовал круг, словно позабыв обо всем остальном на свете.

— Но пираты ведь не строят церквей, правда? — спросил Дан. — Или все-таки строят?

— Иногда они оказывают большую помощь строителям, — со смехом проговорил Хэл. — Говорите, у вас сегодня были уроки?

— Но про пиратов мы не проходим, — сказала Юна. — А почему сэра Эндрю Бартон помог вам?

— Я не знаю хорошенько, знал ли он, — заметил Хэл, блестя глазами, — что помог мне. Робин, скажи, могу ли я рассказать этим невинным душам о том, что может явиться следствием греховной гордости?

— О, об этом мы знаем, — храбро сказала Юна. — «Если возгордишься, тебя непременно поставят на место».

Хэл молчал, Пак произнес несколько непонятных детям длинных слов.

— Ага, так было и со мной, — сказал Юне художник. — Я очень гордился такими своими творениями, как портики; например, галилейский портик в Линкольне; гордился, что сам Ториджиано положил руку на мое плечо; гордился полученным мной рыцарским званием после того, как я сделал позолоту для «Государыни», корабля нашего короля. Но сидевший в мертонской библиотеке отец Роджер не позабыл обо мне. Когда моя гордость расцвела буйным цветом после того, как я получил приказание выстроить портик в Линкольне, он сурово велел мне вернуться к моей суссекской глине и за собственный счет перестроить церковь, в которой было похоронено вот уже шесть поколений моих предков Доу. «Сын моего искусства, — сказал он. — Сражайся с дьяволом дома; это важнее, чем называться художником». — И я поехал... Ну, как тебе это нравится, Робин? — и он показал Паку законченный набросок.

— Вылитый я, — сказал Пак, поворачиваясь перед рисунком, точно перед зеркалом. — Ах, смотрите. Дождь-то ведь прошел. Я не люблю сидеть дома в хорошую погоду!

— Ура, устроим праздник! — крикнул Хэл и соскочил с места. — Кто идет ко мне в «Липки»? Там мы можем поговорить.

Все сбежали с лестницы, прошли под ивами, ронявшими дождевые капли, и повернули к залитой солнцем мельничной плотине.

— Ах ты, Боже мой, — сказал Хэл, глядя на плантацию зацветающего хмеля. — Что это за лозы? Нет, нет, это не виноград; их странные плети походят на бобовые. — Он начал рисовать в своем альбоме.

— Это хмель. В Англии он появился уже после тебя, — сказал Пак. — Он растение Марса, и его цветы придают остроту. Мы говорим:

Индюк и ересь, пиво и хмель
К нам вместе пришли из дальних земель.

— Что такое ересь — мне известно; теперь я видел хмель и его красоту. Но что такое индюки?

Дети засмеялись; они знали индюков фермы «Липки», и едва маленькое общество дошло до фермерского фруктового сада на холме, как на него набросилось целое стадо индюшек. Альбом снова появился в руках художника.

— Ого-го! — крикнул он. — Вот воплощенное тщеславие, одетое в лиловые перья. Вот гневное презрение и торжественность плоти. Как вы называете этих птиц?

— Это индюки и индюшки! — закричали дети; в это же время старый индюк с покрасневшим наростом стал бесноваться, нападая на лиловое одеяние Хэла.

— Прошу прощения, ваше великолепие, — сказал птице художник, — я сегодня зарисовал две хорошие новые вещи, — и он приподнял свою лиловую шапочку и поклонился кричавшей птице.

Потом все четверо прошли через травянистый луг к Бугорку, на котором стоят «Липки». При ярком вечернем солнце разрушенный ветрами и развалившийся старый дом окрасился в цвет кроваво-красного рубина. Голуби клевали известку возле развалившейся трубы; пчелы, которые жили под черепицей, наполнили своим жужжанием горячий августовский воздух; запах буков, прижавшихся к окну молочной фермы, смешивался с ароматом влажной земли, свежего хлеба и дыма.

Жена фермера подошла к двери; она держала на руках ребенка, прикрыв глаза рукой от солнца, женщина наклонилась, сорвала веточку розмарина и свернула в фруктовый сад. Старый сторожевой пес раза два таякнул из будки, заявляя, что он охраняет пустой дом. Пак задвинул засов калитки.

— Ну не странно ли, что я люблю все это? — шепотом спросил Хэл. — Что могут знать горожане о красоте природы и... этой земли?

Они все уселись рядом на старинной дубовой скамье в саду и смотрели через долину туда, где за домом плетельщика корзин и изгородей стояла старая кузница; Хобден рубил дрова в саду около своих ульев. Вот его топор упал; через секунду раздался стук.

— Да, — произнес Хэл. — Там, где стоит дом этого старика, был литейный завод мастера Джона Коллинза. Много ночей я просыпался от стука его огромного молота. Бум-бим!.. Когда ветер дул с востока, мне случалось слышать, как в Стокенсе завод мастера Тома Коллинза отвечал ему: бум-бом!.. В промежутках слышались удары молотков сэра Джона Пельгама, в Брайтлинге; они походили на голоса школьников, повторяющих латинские местоимения; тук-тук-тук — слышал я и засыпал под эти звуки. Да, в этой долине было столько же кузниц и заводов, сколько в мае бывает кукушек. А теперь все исчезли.

— А что они изготовляли? — спросил Дан.

— Орудия для королевских судов и для других кораблей. По большей части это были серпентины. Когда орудия бывали готовы, являлись королевские посланцы и на наших волах везли их к берегу. Посмотрите, вот это портрет одного из первых и лучших моряков.

Хэл перевернул одну страницу и показал детям выполненный карандашом портрет молодого человека с подписью: Себастьян.

— Он явился к Джону Коллинзу с приказом короля изготовить двести серпентин (это были злобные маленькие пушки) для снаряжения кораблей. Я зарисовал его, когда он сидел у нас подле камелька и рассказывал моей матушке о землях, которые собирался открыть на краю земли. И он отыскивал такие земли. Бывает чутье, ведущее человека по неведомым морям. Себастьян носил фамилию Кабо; он родился в Бристоле, но был наполовину иностранцем. Благодаря ему я получил много денег. Ведь он-то и помог мне выстроить церковь.

— А я думал, это сделал сэр Эндрю Бартон, — заметил Дан.

— Да, да, но фундамент кладут раньше, чем строят крышу, — ответил Хэл. — Первым толкнул меня на этот путь Себастьян. Я приехал сюда не для того, чтобы служить Господу, как подобало бы благочестивому художнику, а желая показать, какой я великий человек. Мои соотечественники не обращали на меня внимания, и поделом мне. «Зачем это он, — говорили они, — сует свой нос в здание старой церкви Святого Варнавы? Церковь наполовину разрушилась со времени “черной смерти” (так раньше называли чуму) и должна остаться в руинах. Пусть он лучше повесится на веревке на своих лесах». Все жители благородные и простые, великие и малые — Гайсы, Фоульсы, Феннерсы, Коллинзы — все, все были против меня. Только сэр Джон Пельгам поддержал

мое мужество и приказал продолжать постройку. Но мог ли я сделать это? Когда я просил Коллинза одолжить мне его волов, чтобы привезти стропила, оказывалось, что волов нет дома. Правда, он обещал мне набор железных скобок и прутьев для крыши, но они не попали ко мне в руки, а те, которые попали, были ржавыми и с трещинами. И так получалось со всеми. Никто мне не возражал, но ничего не делалось, если я не присутствовал при этом сам, да и тогда люди работали плохо. Мне казалось, что вся деревня заколдована.

— Конечно, она была заколдована, — сказал Пак, подтягивая колени к подбородку. — А ты никого не подозревал?

— Нет, пока Себастьян не явился за орудиями и Джон Коллинз не начал играть с ним таких же противных штук, как со мной. В течение нескольких недель он изготовил две-три серпентины, но такие, которые, по словам знающих, годились только на переплавку. Тогда Джон Коллинз стал качать головой и говорить, что он не решится послать королю такие несовершенные орудия. Святители, как бушевал Себастьян! Я хорошо помню это, потому что мы сидели как раз на этой же скамье и рассказывали друг другу о наших печальных.

Когда Себастьян пробесновался шесть недель, но получил только шесть серпентин, Дирк Брензетт прислал мне сказать, что запас кам

ня, который он вез из Франции, пришлось выбросить за борт для облегчения его корабля, который преследовал Эндрю Бартон вплоть до самого порта Рай.

— Ага, пират! — заметил Дан.

— Да. Я рвал на себе волосы; в это время приходит ко мне мой лучший каменщик, Билл, весь дрожит и уверяет, что сам дьявол, с огромными рогами, с хвостом и весь в цепях, убежал от него из церковной колокольни и что остальные рабочие отказываются строить церковь. Тогда я пошел с ними в харчевню «Колокол» и угостил каждого кружкой пива. Мне встретился мастер Джон Коллинз и сказал: «Делай, как знаешь, мальчик, но на твоём месте я послушался бы знамения и оставил в покое старую церковь».

Мои рабочие закивали своими грешными головами и согласились с ним. Но они меньше боялись дьявола, нежели меня; я это узнал позже.

С такими милыми вестями я прихожу в «Липки» и вижу, что Себастьян белит потолок кухни моей матушки. Он ее любил, как родной сын.

«Мужайся, голубчик, — сказал он. — Бог там, где он и был. Только мы с тобой сушие ослы. Нас провели, Хэл, и да будет стыдно мне, моряку, что я раньше не угадал этого. Ты должен бросить свою колокольню, потому что в ней дьявол; я не получаю серпентин, так как

Джон Коллинз не в состоянии хорошенько отлить их. Между тем Эндрю Бартон крадется сюда из порта Рай. Зачем? Чтобы получить те самые серпентины, которые уходят из рук бедного Кабо. Я готов заложить мою часть новых материков, что упомянутые серпентины спрятаны в колокольне церкви Святого Варнавы. Это ясно, как бывает ясно виден ирландский берег в светлый полдень».

«Они не осмелятся этого сделать, — возразил я. — Кроме того, продажа пушек врагам короля — измена, за которую грозит виселица».

«Их соблазняет большой барыш. Многие люди ради этого решаются рискнуть головой. Я сам торговал, — сказал Себастьян. — Но мы должны уличить их, уличить во имя чести Бристоля».

И тут же, сидя на ведре с известковыми белилами, Себастьян придумал план. Во вторник мы сделали вид, что уезжаем в Лондон, и простились со всеми нашими друзьями, особенно с мастером Коллинзом. Проехав же немного, вернулись через заливные луга, спрятали наших лошадей в ивовой роще, там, где начинается пашня, и ночью прокрались к старой церкви. Стоял густой туман, но лунный свет пробивался сквозь него.

Едва я закрыл за нами дверь колокольни, как Себастьян растянулся в темноте.

«Ох, — сказал он, — поднимай ноги выше и щупай руками пол, Хэл. Я натолкнулся на пушки».

Я послушался его совета и в черной тьме насчитал двадцать стволов серпентин, которые лежали в соломе. Их и не подумали спрятать.

«Вот здесь две маленькие пушки, — сказал Себастьян, постукивая рукой по металлу. — Они приготовлены для нижней палубы корабля Эндрю Бартона. Бедный честный Коллинз. Это его склад, его арсенал, его оружейная мастерская. Теперь ты видишь, почему твой шум, стук, твои работы вызвали дьявола в Суссексе? Ты много месяцев мешал Коллинзу честно торговать». — И Себастьян засмеялся.

Обмазанная свежей глиной башня — не самое теплое место в полночь, а потому мы поднялись на лестницу колокольни, и там Себастьян наступил на коровью шкуру с хвостом и рогами.

«Ага, — произнес он. — Твой дьявол забыл здесь свою одежду. Ну, идет ли мне этот плащ, Хэл?»

Он надел на себя коровью шкуру и остановился в полосе лунного света, который проникал через узкое окошко. По чести — суший дьявол. Потом Себастьян сел на ступеньку, стал колотить хвостом по доске, со спины он казался еще ужаснее, чем спереди. Сова влетела и поскреблась о его рога.

«Пословица говорит, что, если ты хочешь прогнать дьявола, запирай дверь, — прошептал Себастьян. — Но она лжет, как и другие поговорки, Хэл, потому что я слышу, как дверь в башню отворяется».

«Я запер ее. У кого же, чума его побери, может быть второй ключ?» — спросил я.

«Судя по звуку шагов, ключи имеются у всех прихожан, — ответил Себастьян, вглядываясь в темноту. — Молчи, молчи, Хэл. Слышишь, они стонут, охают. Я уверен, принесли еще несколько моих серпентин. Одна, другая, третья, четвертая. Все внесены. Поистине, Эндрю снаряжает свои корабли, точно адмирал. Всего двадцать четыре серпентины».

В эту минуту до нас долетел глухой голос Джона Коллинза, повторивший, как эхо: «Двадцать четыре серпентины и две малые пушки. Весь заказ сэра Эндрю Бартона».

«Как вежливо он величает пирата. Ну что?.. — прошептал Себастьян. — Не бросить ли в его голову мой кинжал, Хэл?»

«В среду орудия отправятся в порт Рай в специальных фурах под тюками шерсти, Дирк Брензетт опять встретит их в Удиморе», — продолжал Джон.

«Господи, что за странные приемы торговли! — произнес Себастьян. — Полагаю, мы с тобой единственные два младенца, не участвующие в барышах».

Действительно, внизу было человек двадцать, и все говорили громко, как на ярмарке. Мы сосчитали их по голосам.

Вот Джон Коллинз пропищал: «Орудия для Франции мы положим здесь же в следующем месяце. Скажи, Билл, когда твой молодой дурак (это, значит, я) вернется из Лондона?»

«Не знаю, — слышался ответ Билли. — Кладите их, куда вам угодно, мистер Коллинз. Мы все до того боимся дьявола, что не войдем в башню».

Этот мошенник засмеялся.

«А тебе, Билл, легко вызывать дьявола», — прозвучал другой голос, голос Ральфа Хобдена, который работал в кузнице.

«А-а-минь!» — прогремел Себастьян, и не успел я схватить его, как он спрыгнул с лестницы! — ну, сущий дьявол! — и страшно заревел. Он заработал кулаками; они убежали. Святители, как они улепетывали! Мы услышали, как они стучатся в дверь харчевни «Колокол»; тогда мы тоже пустились в путь.

«Что будем делать дальше? — спросил Себастьян, перепрыгивая через кустарник и поднимая при этом вверх свой коровий хвост. — Я разбил лицо честному Джону».

«Поедем к сэру Джону Пельгаму, — сказал я, — он единственный человек, который поддерживал меня».

Мы отправились в Брайтлинг; промчались мимо сторожек сэра Джона, из которых сторожа собирались осыпать нас пулями, приняв за браконьеров; разбудили сэра Джона Пельгама, усадили его в его судейское кресло и рассказали ему обо всем, показав при этом коровью шкуру, которая все еще болталась на Себастьяне; он хохотал до слез.

«Отлично, отлично, — сказал сэр Джон Пельгам. — Еще до рассвета дело будет решено. На что вы жалуетесь? Мастер Коллинз мой старый друг».

«Но не мой, — возразил я. — Когда я думаю, как он и ему подобные подставляли мне ножки и выживали меня из церкви...» — И я задохнулся.

«Ведь церковь была нужна им для другого дела», — мягко заметил сэр Джон.

«И они помешали мне получить мои серпентины, — с жаром произнес Себастьян. — Получи я мои орудия, я уже пересек бы половину Западного океана. Теперь же серпентины проданы шотландскому пирату».

«А где доказательство?» — поглаживая свою бороду, спросил сэр Джон.

«Час тому назад я чуть не переломал себе о них ноги и слышал, как Коллинз приказал переправить их Эндрю Бартону».

«Слова, одни слова, — протянул Пельгам. — Мастер Коллинз просто лгун».

Сэр Пельгам говорил так серьезно, что на одно мгновение в моей голове шевельнулась мысль о его участии в тайной торговле, и я заподозрил, что в Суссексе нет ни одного честного литейщика.

«Ответьте во имя рассудка, — заговорил Себастьян, стуча по столу своим коровьим хвостом, — чьи же эти орудия?»

«Очевидно, ваши, — ответил сэр Джон Пельгам. — Вы явились с королевским приказом изготовить их, и мастер Коллинз отлил их на своем заводе. Если ему было угодно перетащить их в церковную башню, орудия очутились только ближе к главной дороге, так что он облегчил вам их перевозку. Зачем видеть злой умысел в простом поступке доброго соседа, юноша?»

«Боюсь, что я не отплатил ему добром, — заметил Себастьян, поглядывая на свой кулак. — Как же поступить с маленькими пушками? Онигодились бы мне, но эти орудия не включены в королевский заказ».

«Опять мы сталкиваемся с добротой, добротой любящего человека, — продолжал сэр Джон. — Благодаря своему рвению услужить королю и любви к вам, мастер Коллинз, без сомнения, прибавил эти два орудия в качестве подарка. Ах вы, треска, разве это не ясно, как начинающийся теперь рассвет?»

«Да, ясно, — согласился Себастьян. — О, сэр Джон, почему вы никогда не служили на море?

На суше ваш талант пропадает даром», — и он с нежной любовью посмотрел на него.

«Я делаю все, что могу на своем месте, — ответил сэр Джон, снова погладил свою бороду и произнес громовым голосом, как всегда говорил во время суда: — Но слушайте меня, вы, юноши, в полночь вы выделявали штуки, которых я не одобряю, бегали около харчевни, застали мастера Коллинза за его (на минуту он задумался), за его добрыми деяниями, которые он желал до времени сохранить в тайне, и жестоко напугали его...»

«Верно, сэр Джон. Посмотрели бы вы, как он улепетывал», — заметил Себастьян.

«Позже вы примчались ко мне с историями о пиратах, о фурах и коровьих кожах, и ваши слова, правда, заставили меня хохотать, но возмутили мою совесть судьи. Поэтому я вернусь с вами к колокольне, захватив с собой нескольких моих собственных людей да три-четыре телеги, и, ручаюсь, мастер Коллинз добровольно отдаст вам, господин Себастьян, ваши серпентины и малые орудия. (Он снова заговорил обыкновенным голосом.) — Я давно предсказывал старому мошеннику и его соседям, что они попадут в беду из-за тайных продаж и темных делишек; но ведь нельзя же перевешать половину Суссекса за маленькую кражу пушек? Довольны вы, юноши?»

«За два орудия я совершил бы любую измену», — ответил Себастьян и потер руки.

«Вы только что видели, как человек совершил измену и мошенничество из-за того же, — заметил сэр Джон. — А теперь на лошадей, и марш получать орудия».

— Но ведь мастер Коллинз действительно хотел отдать пушки сэру Эндрю Бартону? Правда? — спросил Дан.

— Ну, конечно, — ответил Хэл. — Однако он потерял их. Когда разгорелась заря, мы нахлынули на деревню. Сэр Джон ехал впереди всех, и его знамя развевалось; за ним двигалось тридцать здоровых слуг, по пяти в ряд, дальше — четыре фуры, а вслед за ними — четверо трубачей, ради торжественности. Они играли: «Наш король поехал в Нормандию». Вот мы остановились и вытащили звенящие орудия из башни, эта сцена походила на картинку французской осады, которую брат Роджер нарисовал для молитвенника королевы.

— А что сделали мы... я хочу сказать, наша деревня? — опять спросил Дан.

— О, жители нашей деревни держались благородно, — заявил Хэл. — Хотя мои односельчане провели меня, я гордился ими. Они высыпали из своих домов, глядя на маленькую армию, точно на проезжающую почтовую карету, и молча разошлись по своим делам. Ни движения, ни слова. Они скорее погибли бы, чем позволили бы Брайтлингу восторжествовать. Даже этот негодный Билл, выйдя из «Колокола», где он пил утреннюю кружку пива,

чуть-чуть было не попал под ноги лошади сэра Пельгама.

«Берегись, сэр дьявол!» — крикнул ему сэр Пельгам и осадил лошадь.

«Разве сегодня рыночный день? — спросил Билл. — Почему это здесь все брайтлингские быки?»

Вот ведь бессовестный негодяй, я ему это потом припомнил.

Но лучше всех был Джон Коллинз. Он шел по улице (с подвязанной челюстью, здорово его угостил Себастьян) и видел, как мы вытаскивали первую пушку из дверей.

«Полагаю, она для вас тяжеловата», — сказал мастер-литейщик.

Тут я в первый раз увидел, как Себастьян попал в тупик. Он открыл и закрыл свой рот: ни дать ни взять — рыба.

«Не обижайтесь, — продолжал Коллинз. — Вы получили орудия за очень дешевую цену, и я думаю, вам нечего сердиться, если вы заплатите мне за помощь».

Ах, он был великолепен! Говорят, это утро обошлось ему в двести фунтов, но он и бровью не повел, даже когда увидел, что орудия повезли из деревни.

— Он так и не выдал себя — ни тогда, ни потом? — спросил Пак.

— Раз поморщился, а именно когда доставил церкви Святого Варнавы новый набор колоколов (в те времена Коллинзы, Гайсы, Фо

улины и Феннерсы были готовы сделать все для церкви. «Проси и получай» — только и распевали они). Мы повесили колокола; мастер Коллинз стоял в башне с Ником Фоулином, который поднес нам футляр для креста. Литейщик дергал за колокольную веревку одной рукой, а другой почесывал себе шею. «Пусть лучше она дергает колокол за язык, чем давит мне горло», — сказал он. И только. Таков Суссекс, вечный, неизменный Суссекс.

— А что было потом? — спросила Юна.

— Я вернулся обратно в Англию, — медленно произнес Хэл, — получив хороший урок за непомерную гордыню; но, говорят, что из церкви я сделал жемчужину, настоящую жемчужину. Так-то. И я сделал это для моих односельчан, работая рядом с ними, и (прав был отец Роджер) никогда позже я не пережил столько хлопот и не испытал такого торжества. Это в природе вещей. Милая, дорогая моя страна! — Его голова опустилась на грудь.

— Дети, вон ваш отец. О чем это он разговаривает со старым Хобденом? — заметил Пак, раскрывая кулак, в котором были зажаты три листка.

Дети посмотрели в сторону дома Хобдена.

— Знаю, — сказал Дан. — Он говорит о старом дубе, который лежит поперек ручья. Папа хочет, чтобы его вырыли.

В тихой долине звучал голос Хобдена.

— Делайте, как вам угодно, — говорил он. — Только корни старого дерева укрепляют берег. Если вы уберете дуб, берег обвалится, и во время следующего половодья ручей затопит луга. Впрочем, как угодно. Только вот вашей супруге очень нравятся папоротники, которые выросли на его коре.

— Ну, я подумаю, — сказал отец.

Юна засмеялась журчащим смехом.

— Что это за «дьявол» с колокольни? — лениво усмехаясь, спросил Хэл. — По голосу, похоже на Хобдена.

— Этот дуб — настоящий мост, он соединяет заросли с нашим лугом. Хобден говорит, что там лучше всего ставить силки. Он только что поймал двух кроликов, — ответила Юна. — Он не позволит вырвать дуб.

— О, Суссекс, узнаю тебя! — пробормотал Хэл.

В следующее мгновение до «Липок» донесся голос отца детей, а на колокольне часы пробили пять.

ПЕСНЯ КОНТРАБАНДИСТОВ

Коль проснешься в полночь ты
и копыт заслышишь стук, —
Сквозь ставню не подглядывай, затаись, мой друг!
Кто не станет спрашивать — не услышит лжи.
Едут джентльмены — затаись, лежи!

Двадцать восемь пони
Скачут через мрак.
Бренди для священника,
Клерку есть табак,
Кружева для леди,
Шпионам — воз бумаг...
Пусть они проедут — затаись, лежи.

Если ты в лесочке за замшелым пнем
Вдруг найдешь бочонки с бренди и вином,
Не сзывай мальчишек, вино — не для игры.
Ты прикрой их хворостом — исчезнут до поры.

Если дверь конюшни кто-то распахнул,
Если конь усталый в сене прикорнул,
Чинит мать и сушит мокрое белье, —
Промолчи: ведь это дело не твое.

Если в красно-синем встретишь ты солдат,
Смотри, не проболтайся, следи, что говорят.
Погладят по головке, похвалят — ты смотри,
Кто, куда зачем ходил, им не говори.

За окошком шорох, в темноте свистят —
Ты, смотри, не вскакивай, собаки ведь лежат.
Верный здесь, и Грозный здесь,
недвижны их хвосты.

Пусть едут джентльмены под покровом темноты.

Только старших слушайся и хорошей будь, —
Куколку из Франции получишь как-нибудь.
В кружевах испанских, в шляпке голубой:
Только джентльменам быть довольными тобой.

Двадцать восемь пони

Скачут через мрак.

Бренди для священника,

Клерку есть табак.

Кто не станет спрашивать — не услышит лжи.

Скачут джентльмены — затаись, лежи!

БЕГСТВО ИЗ ДИМЧЕРЧА

80

ПЕСНЯ МАЛЬЧИКА-ПАСЕЧНИКА

Слушайте пчел! Слушайте пчел!
Пусть каждый из вас бы молчать предпочел,
Но все вы расскажете пчелам своим, —
Иначе мы меду совсем не дадим!

Перед венцом девица
Вновь к пчелам прибежит
Секретами делиться, —
Весь улей зажужжит!
А не расскажут ничего, —
Увянут, тише станут...
Вы не обманывайте пчел,
Вас пчелы не обманут!

О смерти, о рождение,
О новостях страны,
О грусти, сожаленье, —
Все пчелы знать должны.
Все, что хотите рассказать,
Им интересно будет.
Ведь пчелы любопытные,
Такие же как люди.

Вы молнии не ждите
Среди осин сухих;
Вы пчел своих любите
И не гневите их.
Зажужжат и улетят,
Никто их не увидит...
Не обижайте пчел своих, —
Вас пчелы не обидят.

БЕГСТВО ИЗ ДИМЧЕРЧА

Лишь только на поле, где работали сборщики хмеля, опустились сумерки, начал моросить мелкий сентябрьский дождик. Матери поспешили убрать с поля подпрыгивающие коляски, корзины с хмелем были отнесены под навес, а в учетных книгах подведен итог работы за день. Молодые пары, спрятавшись под одним зонтиком, отправились по домам, за ними, посмеиваясь, потянулись одинокие. Дан и Юна, после занятий тоже пришедшие на уборку хмеля, поспешили к Хобдену полакомиться печеной картошкой. Уже около месяца Хобден со своей голубоглазой охотничьей собакой по кличке Бесс жил в доме, где была устроена хмелесушилка. Старик сушил хмель.

Как обычно, дети уселись на стоящую у печи раскладную кровать, поверх которой

лежал набитый соломой тюфяк, и как обычно, когда Хобден открыл дверцу печки, засмотрелся на гаснущие угли, от которых поднимались тоненькие струйки тепла и исчезали вверху, в темной пасти дымохода. Медленно, точными движениями загрубевших пальцев Хобден разломил еще несколько кусков угля и так разбросал их в топке, чтобы они дали больше жара, также неторопливо протянул назад сложенную ковшом ладонь, и когда Дан наложил в нее картофельных клубней, аккуратно расположил их вокруг углей. Затем старик выпрямился — а на фоне открытой топки его фигура казалась совершенно черной, — закрыл дверцу печки, отчего комната вдруг словно провалилась во тьму, хотя на улице было еще довольно светло, и зажег свечу в лампе. Ко всем этим приготовлениям дети уже привыкли и очень любили их.

В комнату тенью проскользнул сын Хобдена по прозвищу Пчелиный Мальчик, или Пчелка. У него было не все в порядке с головой, но зато его совершенно не трогали пчелы. Дан и Юна заметили его только тогда, когда Бесс приветливо завиляла обрубком хвоста.

И тут за окном раздался мощный голос:

Дженни лежала мертва целый год,
Стал хмель попевать — тут она и встает.

— Только один человек на свете способен так горланить, — воскликнул Хобден, оборачиваясь к двери.

Те парни, с кем гуляла я в далекие года,
Хмель убирали каждый раз, и с ними я всегда.

На пороге стоял мужчина.

— Привет! Привет! Говорят, на уборку хмеля и мертвые вылезают из гроба, чему сейчас я вполне готов поверить. Том — ты? Том Шусмит? — Хобден наклонил фонарь.

— Неужели требуется такая уйма времени, чтобы узнать меня, Ральф? — Незнакомец вошел в дом. Седовласый гигант со смуглым лицом и ясными голубыми глазами, он был на целых три дюйма выше Хобдена. Старики пожали друг другу руки, и дети слышали, как жесткие ладони ударились одна о другую.

— Хватка у тебя прежняя, — сказал Хобден. — Что-то я запамятовал, сколько лет назад — тридцать или сорок? — ты проломил мне голову на Пезмашской ярмарке?

— Тридцать и ни годом больше, да и к чему ворошить былое! Ты тогда тоже не остался в долгу, огрев меня столбом. И как только мы в тот вечер добрались до дому? Вплавь, что ли?

— А так же, как попадают в охотничью сумку фазаны — когда тебе улыбнется удача, а когда приходится и приворожить.

Хобден рассмеялся глубоким, грудным смехом.

— О, я вижу, ты еще не забыл дорогу в лес. Все промышляешь этим? — Незнакомец сделал вид, что целится из ружья.

— Нет, — ответил Хобден. — Мне осталось только вот это. — И он показал, как ставят силки на кроликов. — Время, знаешь ли, берет свое. А ты-то, ты-то где пропадал все эти тридцать лет?

Я в Плимуте, ребята, был, и Дувр видел я,
Объездил я весь белый свет, все дальние края, —

весело отвечал гость. — Пожалуй, я знаю о Старой Англии побольше других.

Он повернулся к детям и заговорщически им подмигнул.

— Представляю, сколько тебе о ней натрепали! — воскликнул Хобден. — И все — вранье! А вот я был раз на английской ярмарке, в Уилтшире. Покупал пару садовых перчаток. Так меня там надули вчистую!

— Ну, не обманешь — не продашь, так везде. А ты, я вижу, Ральф, так прирос к земле, что тебя и не отдерешь.

— Пересади старое дерево на новое место, и оно умрет, — усмехнулся Хобден. — А умирать я не собираюсь. Как и ты, похоже, не собираешься помочь мне сегодня управиться с хмелем.

Великан прислонился к кирпичной печке и широко развел руки в стороны.

— А ты найми меня в работники! — только и воскликнул он, и оба старика, смеясь и спотыкаясь, полезли наверх, где на натянутом над

печью холсте сушился желтый хмель. Вскоре дети услышали, как по холсту заскребли лопатки, это Хобден и Том стали переворачивать хмель, отчего весь дом наполнился приятным дурманящим запахом.

— Кто это? — шепотом спросила Юна у Пчелки.

— А вы его не узнали? Тогда и я не знаю, — ответил тот и улыбнулся.

Сверху из сушилки доносились голоса и смех, и тяжелые шаги ухали над головой то в одну сторону, то в другую. Вскоре в потолке, в отверстии для прессовочной машины, появился пустой мешок, куда старики стали ссыпать хмель, пока он не наполнился. «Шлеп!» — сработала машина, спрессовав рассыпчатый хмель в один жесткий брикет.

— Осторожней! — донесся сверху крик Хобдена. — Будешь так налегать, загубишь все, что здесь собрано. Ты неуклюж, точно бык. Ладно, пошли вниз. Теперь машина будет работать сама.

Старики спустились, и пока Хобден проверял, готова ли картошка, Том Шусмит сказал детям:

— Посыпьте-ка ее солью, да покруче. Тогда увидите, каков я.

Он снова им подмигнул. Пчелка опять рассмеялся, а Юна уставилась на Дана.

— Я и так знаю, каков ты, — проворчал в ответ Хобден, перекладывая картофелины ближе к углям.

— Знаешь? — продолжал Том, стоя спиной к Хобдену. — Некоторые из нас не выносят подков, или церковных колоколов, или текучих вод. А кстати, о текучих водах, — он обернулся к Хобдену, который уже отходил от печки, — ты помнишь тот страшный потоп в Робертсбридже, когда работник мельника утонул прямо на улице?

— Как сейчас, — Хобден присел на кучку угля возле печки. — В тот год я ухаживал за своей будущей женой, она жила на Болоте. Я тогда работал возчиком у мистера Плама и получал десять шиллингов в неделю. Она все-таки стала моей, эта девушка с Болота*.

— Удивительное, загадочное это место — Ромнейское болото. Я слышал, некоторые утверждают, будто мир делится на Европу, Азию, Африку, Австралию и Ромнейское болото.

— Да, живущие на Болоте в этом уверены. Чего только мне стоило уговорить жену переехать с Болота сюда.

— А откуда она родом? Я что-то запамятовал, Ральф?

— Из Димчерча за дамбой, — ответил Хобден, держа в руках печеную картофелину.

— Тогда она наверняка из рода или Петтов, или Уитгифтов*, да?

— Из Уитгифтов. — Хобден разломил картофелину и стал ее есть с необычайной акку-

ратностью, свойственной людям, привыкшим обедать под открытым небом и на ветру. — Пожив некоторое время со мной здесь, в Уильде, она стала вполне нормальной, но первые лет двадцать вела себя крайне странно. И еще — ее удивительно слушались пчелы.

Старик отрезал кусочек картофелины и бросил ее к дверям.

— Да-да, припоминаю, люди говорят, что Уитгифты могут видеть и слышать то, что от других людей скрыто, — сказал Том Шусмит. — А как она? Могла?

— Она была честной женщиной и никогда не зналась ни с какой ворожкой или колдовством, — отвечал Хобден. — Она только подмечала знаки: как летают птицы, как падают звезды, как роятся пчелы, — и толковала их. Ляжет, бывало, и лежит с открытыми глазами, ожидая Знака, как она говорила.

— Это ничего не доказывает, — заявил Том Шусмит. — Все живущие на Болоте с незапамятных времен были контрабандистами. Не спать ночью и прислушиваться стало у них просто привычкой.

— Эт-точно, — усмехнулся Хобден. — Помнится, одно время контрабандисты и у нас орудовали, прямо под носом у всех. Но мою жену тревожили не они. Она все повторяла набор каких-то бессмысленных фраз о... — он понизил голос, — о феечках.

— О ком? — удивленно воскликнула Юна. — А, понятно, о феях!

— О Жителях Холмов, — поправил ее Пчелка, бросая к дверям половину своей картофелины.

— Ну да! Точно! Моему мальчику, — Хобден указал на сына, — ему передались необычные способности матери видеть то, что скрыто от других. Именно так она их и называла.

— А сам-то ты что об этом думаешь?

— Я? Ну, знаешь ли, человек, который ходил ночью по лесам и оврагам столько, сколько я, не боится встретить там никого, кроме, конечно же, лесничего.

— Все так, но я говорю не об этом, — допытывался Том. — Ты вот только что бросил к дверям кусочек картошки. Съедобный кусочек. Выходит, ты веришь в них, веришь, да?

— Та часть картофелины была темная, вот я ее и выбросил, — сердито ответил Хобден.

— Да? А мне показалось, что она хорошая. Очень уж было похоже, что она кое для кого предназначалась. Для кого-нибудь из тех, кому она могла бы пригодиться. Выходит, ты веришь? Веришь, да?

— Я ничего не утверждаю, потому что сам я никого не видел и не слышал. Но если бы ты заявил, что с наступлением темноты в лесу кроме человека и обладателей когтей, перьев и хвостов, можно встретить кое-кого еще, — не знаю, наверно, у меня бы не повернулся язык

назвать тебя лжецом. А теперь ответь-ка ты сам, Том, ты-то как думаешь?

— А точно так же. Я ничего не утверждаю. Но я вот расскажу тебе одну историю, а там суди как знаешь.

— А-а, небось очередная бессмыслица, — проворчал Хобден, но набил трубку и приготовился слушать.

— На Болоте эту историю называют «Бегство из Димчерча», — медленно начал Том. — Ты ее слышал?

— А как же! Жена рассказывала ее мне десятки раз. Не знаю, под конец я, пожалуй, ей почти верил. Да, верил.

Разговаривая, Хобден потянулся к лампе, вынул из нее свечу, поднес огонь к трубке и принялся ее старательно посасывать, стараясь раскурить. Том, сидя на куче угля, оперся массивным локтем о массивное колено.

— А тебе доводилось бывать на Болоте? — спросил он Дана.

— Только в Рэе, да и то разок, — ответил мальчик.

— Ну, Рэй — это еще граница. То, что называется Болотом, начинается дальше. Там над церквами висят колокольни, а у порогов сидят мудрые старухи, там со стороны дамбы на землю наступает море, а в каналах плавают дикие утки. Можно слышать, как плещется и шумит, пробираясь сквозь них, приливная волна, как справа и слева ревет, кидаясь, на дамбу,

море. Знаете ли вы, что Болото — совершенно плоское? Кажется, нет ничего проще, чем пройти с одного его конца до другого. Ан нет! Не тут-то было! Дороги так извиваются, огибая все эти шлюзы и каналы, что просто ужас! Так что и днем, чтобы туда доехать, приходится изрядно поплутать.

— Это все потому, что Болото осушили и воду отвели во рвы, — вмешался Хобден. — А когда я ухаживал за своей будущей женой, кругом зеленел тростник! Да-да, настоящий тростник! Сейчас его уже нет. И сам Страж Болот разгуливал здесь, как хотел, вольный, как туман.

— А кто это? — спросил Дан.

— Да никто, так прозвали малярию, или болотную лихорадку. Раз-другой этот Страж и меня потрянул, так что я чуть было не слег. Но когда Болото осушили, с лихорадкой было покончено, так что люди придумали шутку: Страж Болот свернул себе шею во рву. А еще Болото — это наилучшее место для разведения пчел и уток.

— К тому же оно очень древнее, — продолжал Том. — Люди жили там с незапамятных времен и даже раньше. И когда никто посторонний их не слышит, они утверждают, будто с тех самых незапамятных времен феи предпочитают их Болото всем другим местам в Старой Англии. А вряд ли они ошибаются, им ли не знать! Ведь с тех пор, как на овцах растет

шерсть, все, кто живет на Болоте: и отцы, и сыновья, ходят ночью принимать или отправлять контрабанду. Вот они-то и говорят, что на Болоте всегда хватало фей, что их было даже больше чем надо. А уж какие они были нахальные, ну точно кролики. То ясным днем они плясали прямо на дорогах, то зажигали крошечные зеленые фонарики и сновали взад-вперед по рвам и каналам, словно честные контрабандисты, случалось, они даже запирали по воскресеньям церковные двери, чтобы ни священник, ни причетник не могли попасть внутрь.

— Это просто контрабандисты прятали там свой товар — кружева да виски, пока не могли вывезти их с Болота. Я так и объяснил жене, — сказал Хобден.

— Вряд ли она тебе поверила, если у нее в жилах текла кровь настоящих Уитгифтов. Да, замечательным местом для фей было Ромнейское болото, оно их всем устраивало, пока... пока не пришел король Генрих* со своей Реформацией.

— Она была проведена Актом Парламента? — спросил Хобден.

— Разумеется. В Старой Англии без актов, постановлений и ордеров нельзя было и шагу ступить. А Генрих провел свой Акт и... стыдно сказать, во что, по слухам, он превратил здешние церкви: он попросту выпотрошил их. Одни одобряли действия короля, другие —

нет, и в конце концов люди разделились на два лагеря и стали безжалостно резать друг друга, как только брали верх. Это ужасно напугало фей, потому что согласие между людьми для них так же необходимо, как еда и питье, а раздор хуже яда.

— То же и у пчел, — заметил Пчелка. — Они ни за что не останутся в доме, где поселилась ненависть.

— Точно, — подтвердил Том. — И эта Реформация напугала фей, ужасно напугала, как, наверно, пугаются кролики, когда жатка заходит на последнюю полоску неубранной пшеницы, где они притаились. Со всех концов страны феи собрались на Болото и решили: честным ли путем, нечестным ли, но они должны отсюда бежать, потому что Старой Англии пришел конец, и как не осталось в ней места для икон, так не осталось и для них.

— А что, остаться не захотел никто? — спросил Хобден.

— Остался один Робин, если это имя тебе что-нибудь говорит. Почему ты смеешься? — Том повернулся к Дану. — То, что взбудоражило фей, Робина не касалось, ведь он привык всегда быть с людьми, как бы сросся с ними. А поскольку он вообще не собирался никогда покидать Англию, то именно его и послали к людям за помощью. Но люди, вы ж знаете, вечно озабочены только собственными делами,

и Робин не смог их дозваться. Они решили, что слышат отзвук какого-то далекого прилива.

— И чего ты... вернее, чего феи хотели? — спросила Юна.

— Лодку, чего же еще. Хрупкие крылышки фей не могли перенести их через Пролив, как не могли бы перелететь через него усталые бабочки. Они хотели лодку с командой, которая перевезла бы их во Францию, где в то время люди еще не враждовали. Феи не могли слышать, как жестокие Кентерберийские колокола возвещали расправу над новыми и новыми несчастными мужчинами и женщинами, не могли видеть, как самодовольные посланцы короля разъезжали по деревням, раздавая направо — налево приказы срывать и уничтожать иконы. Феи не могли этого вынести. Но взять и уплыть на первой попавшейся лодке они тоже не могли. Чтобы уплыть, им надо было получить у Человека Разрешение, Разрешение и Пожелание Доброго Пути. А люди продолжали заниматься собственными делами, хотя все Болото пришло в волнение из-за собравшихся там со всей Англии фей. Они изо дня в день старались достучаться до сердца человека, чтобы поведать ему о своей великой беде. Интересно, знаете ли вы, что фей часто сравнивают с цыплятами?

— Моя жена часто их так называла, — ответил Хобден, складывая на груди смуглые руки.

— И так оно и есть. Когда заводят слишком много цыплят сразу, земля начинает изнывать, что ли, а затем раз! — все цыплята гибнут. То же и с феями, если собрать их в одном месте. Правда, они гибнут, но и люди, живущие там, тоже начинают чахнуть и чем-то томиться. У фей это получалось невольно, и хотя люди так ничего и не замечали, все обстояло, насколько я знаю, именно так. Дело в том, что феи, напуганные и взволнованные, из всех сил стараясь донести до людей свои мольбы, изменяли соотношение основных жидкостей — «соков»* — в организме человека, тем самым меняя и его внутреннее состояние. Казалось, над Болотом нависла гроза. Люди видели, как по ночам по окнам церквей пробегал холодный огонь, как стада коров носились с места на место, хотя их никто не гнал, как овцы сбивались в кучу, хотя их никто не скликал, как лошади покрывались пеной, хотя на них никто не скакал. Люди видели, как по склонам канав чаще обычного прыгали маленькие зеленые огоньки, слышали, как десятки крошечных ножек громче обычного топали где-то неподалеку, и день и ночь, и ночь и день людей не покидало чувство, будто кто-то к ним тихонько подкрадывался и подталкивал к чему-то, будто кто-то хотел о чем-то поведать, но не мог облечь свою беду в слова. Представляю, как их прошибал пот! Ни мужчины, ни женщины, ни взрослые, ни дети, никто — им мешала их че-

ловеческая природа, — никто не мог понять, что Болото просто кишело феями. Конечно, люди, живущие на Болоте, думали прежде всего о нем, и поэтому решили, что эти знамения предвещают для них беду. Что либо море поднимется, смоем дамбу Димчерча и потопит всех, как в старой Винчелси, либо к ним подступает чума. Люди искали разгадку в море и в облаках, где-то высоко и далеко, но им ни разу не пришло в голову поискать рядом, у себя под ногами, где ничего не было видно.

— Но жила в Димчерче за дамбой одна бедная вдова, и поскольку у нее не было ни мужа, ни особого хозяйства, она могла больше времени уделять чувствам. Она-то и ощутила, что за порогом ее дома притаилась Беда, такая огромная и невыносимая, что она не могла не откликнуться. Было у нее два сына — один слепой от рождения, другой еще в детстве потерял дар речи после падения с дамбы. К тому времени они уже стали взрослыми, но денег не зарабатывали, и ради них она сама продолжала работать, разводя пчел и отвечая на Вопросы.

— Какие Вопросы? — спросил Дан.

— Всякие. Например, где искать потерянные вещи, или чем обматывать шею ребенка, если она искривлена, или как помочь соединиться расставшимся влюбленным. Вдова почувствовала, что на Болото пришла беда, как угорь чувствует грозу. Да, мудрая была женщина.

— Моя жена тоже умела чувствовать погоду, — сказал Хобден. — Я видел, как во время грозы она вычесывала из волос искры, которые сыпались, как из-под молота на наковальне. Но отвечать на Вопросы она не бралась ни разу.

— Эта вдова была из тех, кто стремится всему найти ответ, и такие люди часто его находят. Однажды вечером, когда она, вся в жару и тревоге, лежала в постели, ей явился Сон и постучал в окно. «Вдова Уитгифт! Вдова Уитгифт!» — позвал он.

Сначала, слыша шуршание крыльев и пересвист, она решила, что это прилетели чибисы, но потом поднялась, оделась и распахнула дверь на Болото. Она почувствовала, что со всех сторон ее обступили Стон и Беда, гнетущие, как лихорадка, и крикнула: «Что это? Что же это такое?»

В ответ словно тихонько запищали лягушки в канавах, в ответ словно задрожал, зашуршал камыш, но потом огромная приливная волна гулко прокатилась вдоль дамбы и поглотила все звуки.

Три раза звала вдова, и три раза волны топили звуки. Но когда наступило минутное затишье, вдова успела спросить: «Какая беда свалилась на Болото, что у меня щемит сердце и горит тело?» Тут она почувствовала, как маленькая ручка схватила ее за подол платья, и наклонилась, чтобы освободить его.

Том Шусмит поднес к огню свой огромный кулак и, улыбаясь, стал его рассматривать.

— «Не море ли подступает к Болоту?» — спросила вдова. Первой ее мыслью была мысль о Болоте, ведь она там жила.

«Нет, — ответил тоненький голосок. — Не бойся этого, спи спокойно».

«Не чума ли идет на Болото?» — снова спросила она. Других бед для Болота она не знала.

«Нет. Не бойся этого и спи спокойно», — ответил Робин.

Она повернулась, чтобы уйти в дом, но тоненькие голосочки застонали так пронзительно и печально, что она обернулась и крикнула: «Но если эта беда касается не нас, смертных, то чем же я могу помочь?»

В ответ со всех сторон зазвенели тоненькие голоса, они просили ее достать лодку, чтобы они могли уплыть во Францию и никогда больше не возвращаться.

«У дамбы стоит лодка, — говорит вдова, — но я не могу ни столкнуть ее в море, ни управлять ею в воде».

«А ты отпусти с нами своих сыновей, — отвечают те же голоса. — Матушка, разреши им переправить нас во Францию и пожелай нам Доброго Пути».

«Один из них — немой, другой — слепой, но тем они мне еще дороже, а вы погубите их в открытом море», — говорит она. Тут ее

пронзили летевшие отовсюду голоса, среди которых появились и детские. Если сначала она еще пыталась сопротивляться, то детских криков вдове было уже не вынести, и она уступила.

«Если мои сыновья согласятся, — сказала она, — я не буду им мешать. Нельзя требовать от матери большего».

Она увидела, как маленькие зеленые огоньки запрыгали и заплясали, да так, что в голове у нее все закружилось, она слышала топот тысяч маленьких ножек, слышала звон жестких Кентерберийских колоколов, слышала, как огромная приливная волна с силой колынулась вдоль всей дамбы. А в это время феи создавали Сон, который разбудил бы ее спящих сыновей. Женщина сидела, кусая пальцы, когда они оба, сыновья, рожденные ею, появились и прошли мимо, не сказав ей ни слова. Плача от жалости, она проводила их к стоящей у дамбы старой лодке, которую ее сыновья тут же спустили на воду. Затем, когда они установили мачту и подняли парус, ее слепой сын промолвил: «Матушка, мы ждем, чтобы ты разрешила перевезти их во Францию и пожелала бы им Доброго Пути».

Том Шусмит откинул назад голову и закрыл глаза.

— Эх, — продолжал он, — до чего же прекрасной и храброй женщиной была вдова Уитгифт. Она стояла, накручивая на пальцы кон-

цы длинных волос и раскачиваясь из стороны в сторону, словно тополь. Она решала. Все феи кругом зажали рты и ждали безмолвно и неподвижно. Их судьба была в ее руках. Они не могли отправиться, если бы она не отпустила своих сыновей, ведь она была Мать! Она все стояла, раскачиваясь, словно осина, из стороны в сторону, собираясь с силами, чтобы решиться. Наконец: «Плывите! — будто прорвалось сквозь стиснутые зубы. — Плывите! Я отпускаю вас и желаю Доброго Пути!»

— Затем я увидел, то есть затем, говорят, ей пришлось с силой упереться в землю, как приходится упираться, когда тебя сбивает с ног волна, потому что феи со всех сторон сплошным потоком пронесли мимо нее — на берег, к лодке, сотни или я уж не знаю сколько, со своими семьями, детьми, добром, — все, все спешили прочь из жестокой Старой Англии. Было слышно, как звенит серебро, как глухо шлепаются о борта и дно лодки брошенные узлы, как бряцают связанные вместе мечи и щиты, как маленькими пальчиками феи царапают борт, стараясь забраться в лодку, когда двое сыновей уже оттолкнули ее от берега. Лодка оседала все ниже и ниже, но в ней вдова могла различить лишь своих сыновей, которые двигались медленно, словно преодолевая сопротивление. Вот они поставили парус, и лодка, осевшая, словно груженная баржа из Рэя, поплыла прочь, прочь в туманную дымку, а

вдова Уитгифт села на землю и до самого рас- света предавалась своему горю.

— Как я слышал, она была не одна, — заметил Хобден.

— Да-да, теперь и я припоминаю. Рассказывают, что один эльф остался с ней, его звали Робин. Но вдова слишком сильно горевала, чтобы слушать его обещания.

— Ха! — воскликнул Хобден. — Обговаривать условия надо было наперед. Я так жене и говорил.

— Нет, она отпустила своих сыновей из чистой любви. Она же чувствовала, что пришла беда, и всем сердцем желала избавить Болото от нее. — Том тихо рассмеялся. — И это она сделала. Клянусь, сделала! По всему Болоту, от Хита до Булверита, все — раздражительные мужчины и маленькие девочки, больные женщины и плачущие дети, — все почувствовали благотворную перемену «соков» в своем организме сразу же после бегства фей и разгуливали бодрые и радостные, как улитки после дождя. А в это самое время вдова Уитгифт сидела и горевала на дамбе. Эх, если бы она нам больше доверяла, если бы только поверила, что ее сыновья обязательно вернутся домой! А то она вся извелась за те дни, пока их лодка не вернулась.

— И конечно же, ее слепой сын прозрел, а немой заговорил? — спросила Юна,

— Не-ет. Это противоречило бы законам природы. Они вернулись такими же, какими

и отправились. Слепой так ничего и не видел, а немой видел, но, естественно, не мог сказать об этом ни слова. Думаю, именно поэтому феи их и выбрали.

— А что ты... то есть Робин обещал вдове? — спросил Дан.

— Что же он обещал? — Том сделал вид, будто вспоминает. — Ральф, твоя жена ведь из рода Уитгифтов, разве она тебе ничего не говорила?

— Когда он родился, — Хобден указал на сына, — она наговорила мне кучу бессмысленных слов. В их роду якобы всегда будут люди, которые смогут видеть то, что скрыто от других.

— Так это ж я! Я! — так громко вскрикнул Пчелка, что все засмеялись.

— Теперь-то и я вспомнил! — продолжал Том, хлопая себя по коленке. — Робин обещал вдове, что пока не исчезнет кровь Уитгифтов, в их роду всегда будет кто-то, кого никакая беда не коснется, к кому ни у одной девушки любовь не проснется, кого Ночь не вгонит в Страх, Страх не причинит Вреда, а Вред не толкнет в Грех, и кого ни одна женщина не сможет одурачить.

— Ну, разве это не обо мне? — воскликнул мальчик. В дверь дома заглядывала полная сентябрьская луна, и мальчик сидел в серебряном квадрате ее света.

— Да, моя жена говорила мне то же самое, слово в слово, когда увидела, что наш мальчик

не такой, как все. Но я не понимаю, ты-то откуда это знаешь?

— А-а! У моей головы есть не только шапка сверху, но и кое-что внутри! — Том засмеялся и потянулся. — Я сейчас провожу детей домой, а потом, Ральф, мы с тобой вволю поболтаем, вспоминая былые годы и минувшие дела, идет?

— Интересно, где вы живете? — с самым серьезным видом спросил Том, обращаясь к Дану. — А вы, мисс, как думаете, угостит ли ваш отец меня кружечкой пива, если я доведу вас до дому?

Тут Дана и Юну охватил такой приступ смеха, что им пришлось просто выскочить из дома. Том подхватил их, посадил Дана на одно плечо, Юну — на другое и пошлепал по заросшему папоротником полю, мимо пасущихся под луной коров, которые обдавали их лица запахом парного молока.

— О Пак, Пак, я догадалась, что это ты, как только ты заговорил про соль. Как это у тебя получилось так здорово?

— Что — получилось? — спросил Том, взбегаая по ступенькам террасы у подстриженного дуба.

— Притвориться Томом Шусмитом, — сказал Дан. Тут им пришлось нагнуться, чтобы не задеть два молодых ясеня, которые росли около моста через ручей. Том почти бежал.

— Но именно так меня и зовут, мистер Дан, — ответил он, пробегая по безмолвной, залитой лунным светом лужайке, где у большого куста терновника, росшего возле крокетной площадки, сидел кролик.

— Ну вот мы и прибыли. — Том вошел в старый сад со стороны кухни и опустил детей на землю. Из кухни вышла Эллен и принялась расспрашивать Тома.

— Я пристроился помогать в хмелесушилке, — отвечал Том. — Нет, я родом отсюда. Я знал эти места, еще когда вашей мамы еще не было на свете и... О да, в сушилке всегда пересыхает горло. Спасибо, мисс, не откажусь.

Эллен отправилась за кружкой пива, а дети вошли в дом, снова одураченные Дубом, Терновником и Ясенем!

ПЕСЕНКА О ТРЕХ ЧАСТЯХ АНГЛИИ

Все три края страны я люблю круглый год:
Меловые холмы, Уильд, край Болот.
Что больше из них я люблю всей душой?
Болота, Уильд или Край Меловой?

Мое сердце навеки в распадке том,
Между низкой долиной и стройным холмом.
Ах, желтый хмель, голубой дымок,
Без вас я совсем захиреть бы мог.

Край Болот раскинулся средь полей,
Когда в Англии не было королей.
Равнина Ромни и тростники,
Вы навеки спасете меня от тоски.

Южный край, где травы в лугах шелестят,
Колокольчики нежно на овцах звенят.
Ферл и Датчинг, скользят паруса на воде,
И душе моей лучше не будет нигде.

КЛАД И ЗАКОН

80

ПЕСНЬ О ПЯТОЙ РЕКЕ

Когда под Древом Рая
Четыре реки потекли,
Был выбран из той земли
Для каждой страж и хозяин.

И когда это все устоялось
(Говорит нам древняя быль),
Тут-то смуглый пришел Израиль —
И ему реки не досталось.

И тогда сказал ему Тот,
Кто Всех Справедливей на Свете:
«Брось горсточку желтой пыли,
И пятый поток потечет,
И будет он самым могучим,
Не иссякнет много столетий,
Чтоб тайну его хранили
Лишь сам ты — и твой Народ».

И тысячи родников
Из далеких глубин земли
Дали Пятой Реке начало,
И на рынках она зажурчала,
И черпали в ней короли,
О власти над миром мечтая.
Так предсказанье сбылось:
Потекла Река Золотая.
Положил Израиль над рекой
Корону и скипетр свой,
И бродил он, всему вопреки,
По берегу Пятой Реки.
То смотрел на искристые воды
И подолгу недвижно стоял,
И какой-то все ждал погоды,
А какой — он один лишь знал.

Он хозяин реки самой лучшей, —
И в этом его торжество.
Слышать грохот ее могучий,
Песнь ее — в крови у него.
Предскажет: «Она обмелеет!» —
Ибо знает, что высох родник
В далекой южной пустыне
За тысячу с лишним лиг.
Предскажет: «Опять разольется!» —
Ибо знает, что с севера ныне
Все быстрее и все смелее
Растаявший снег несется.

Он заранее засуху чует
И чует дождей приход,
И всегда перемену такую
На пользу себе обернет.

Без меча — великий воитель,
Господин без держав и корон.
Быть в пути — Израиля цель,
Гость желанный для всех земель
И во многих землях правитель.
Не король он, но знает тайны
И следит за Пятой Рекой
И за мутной ее глубиной.
С незапамятных так времен
Установлено не случайно...

КЛАД И ЗАКОН

Шла третья неделя ноября, и леса так и звенели от грохота выстрелов по фазанам. Никто не охотился на этой неровной, полной оврагов местности, кроме деревенских коротконогих гончих, каждая из которых при любом удобном случае покидала свою конуру и наслаждалась целым днем свободы. Дан и Юна обнаружили двух таких собак, носившихся по огороду за кошкой. Эти зверюшки были только рады побегать за кроликами, так что дети погнали их по пастбищам вдоль ручья и во двор маленькой фермы «Липки», где над ними одержал победу старый боров, — и дальше, в глубокий карьер, где они спугнули лису. Она помчалась в Дальний лес, и там собаки вспо-

лошили всех фазанов, которые нашли здесь убежище от великой бойни, происходящей в долине. И тут снова начали палить жестокие ружья, дети подхватили собак, чтобы те не убежали и чтобы их не ранили.

— Не хотел бы я быть фазаном в ноябре — ни за какие коврижки, — запыхавшись, пробормотал Дан, ловя Фолли за шею. — Почему ты так противно засмеялась?

— Ничуть не противно, — обиделась Юна, садясь верхом на Флору, разжиревшую собаку. — Ой, погляди! Эти глупые птицы летят обратно в свои леса, вместо того, чтобы укрыться в наших, где они были бы в безопасности!

— В безопасности — до тех пор, пока тебе не захотелось бы их перебить!

Старик, такой высокий, что его можно было считать великаном, выступил из-за густого остролиста возле Волатерры. Дети так и подскочили, а собаки отступили назад, как сеттеры. На старике было одеяние из плотной темной ткани, свисающее до самой земли, отороченное желтоватым мехом, и он поклонился детям так низко, что они почувствовали одновременно и гордость, и смущение. Потом он пристально на них посмотрел, и они ответили на его взгляд без всякого сомнения или страха.

— Вы не боитесь? — спросил он, запуская руки в свою великолепную седую бороду. — Не боитесь, что эти люди вон там, — он повел головой в сторону непрекращающихся ружейных

выстрелов, — что эти люди — пиф-паф — подстрелят вас?

— Н-ну... — Дан стеснялся незнакомых людей и поэтому старался выражаться точно, — старый Хоб... ну, один мой друг мне сказал, что на прошлой неделе одному из загонщиков здорово досталось, — то есть в ногу ему дробью попали. Понимаете, мистер Майер все равно будет стрелять кроликов. Но он дал Уокси Гарнетту монету — то есть соверен. И Уокси сказал Хобдену, что он и за половину этих денег согласился бы стоять перед двустволкой.

— Он же ничего не понимает, — воскликнула Юна, глядя на бледное встревоженное лицо перед собой. — Ой, я хотела бы...

Не успела она закончить фразу, как заросли остролиста зашуршали, и оттуда вышел Пак. Он поспешно заговорил с этим человеком на каком-то незнакомом языке. Пак тоже сегодня облачился в длинный плащ — уже заметно подмораживало, — и эта одежда полностью изменила его внешний вид.

— Нет же, нет! — сказал, наконец, Пак. — Ты не понял мальчика. Один свободный человек немного пострадал во время охоты, по чистой случайности.

— Знаю я эти случайности! Что сделал его лорд? Смеялся и наезжал на него? — нахмурился старик.

— Это один из ваших его ранил, Кэдмил, — Пак шаловливо сверкнул глазами. — Так что

он дал этому свободному человеку золотую монету, и больше об этом не вспоминали.

— Еврей пролил кровь христианина — и ничего не было сказано? — воскликнул Кэдмил. — Быть не может! Его уже пытали?

— Ни один человек не может быть скован цепями, или оштрафован, или убит, пока над ним не совершится суд его лордов, — настаивал Пак. — Есть единый закон в Старой Англии, и для евреев, и для христиан — тот закон, который подписали в Раннимеде.

— А, так это Великая Хартия, — прошептал Дан. Это было одно из немногих исторических событий, которые он помнил. Кэдмил резко повернулся к нему, при этом его необычно пахнущее одеяние зашуршало.

— Неужели ты об этом знаешь, дитя? — воскликнул он и в удивлении простер руки.

— Да, — твердо ответил Дан и продекламировал:

Подписал Великую Хартию Джон,
Генрих Третий поправ своей пяткой закон.

— А старый Хобден говорит, что, если бы не эта штука — знаете, он ведь все так называет, — тюремщики засадили бы его в Льюэсскую тюрьму на весь год.

Снова Пак перевел сказанное Кэдмилу на странный, торжественно звучащий язык, и Кэдмил, наконец, рассмеялся.

— Устами младенцев глаголет истина, — сказал он. — Но скажи мне теперь, и я буду

называть тебя не младенцем, но рабби, — почему король подписал свиток с Новым Законом в Раннимеде? Ведь он же был король.

Дан исподлобья бросил взгляд на сестру. Теперь наступил ее черед.

— Потому что ему пришлось, — тихо произнесла Юна. — Его бароны заставили.

— Нет, — возразил Кэдмил, качая головой. — Вы, христиане, всегда забываете, что золото может сделать больше, чем меч. Наш добрый король подписал Хартию потому, что не мог больше занимать деньги у нас, паршивых евреев. — Он передернул плечами. — Король без золота — все равно что змея со сломанной спиной. — Нос у него задрался кверху, а брови хмуро сошлись. — Сломать змее спину — это добрый поступок. Это была моя работа, — победоносно обратился он к Паку. — Дух Земли, подтверди же, что это была моя работа!

Он рывком выпрямился во весь свой гигантский рост, а слова его зазвенели, точно звук трубы. Он обладал голосом, который мог менять интонации, почти так же, как опал изменяет цвет — он звучал то глубоко и громкоподобно, то на высоких нотах и с завыванием, но в любом случае все к этому голосу невольно прислушивались.

— Это могут засвидетельствовать многие люди, — подтвердил Пак. — Расскажи-ка этим детям, как все происходило. И помни: они не знают ни сомнения, ни страха.

— Это я увидел по их лицам, как только мы встретились, — согласился Кэдмил. — И все же, разумеется, по-другому быть просто не могло, их учили плевать в евреев.

— Как это? — заинтересованно спросил Дан. — Куда мы должны плевать?

Пак, смеясь, отступил на шаг назад:

— Кэдмил имеет в виду правление короля Джона, — пояснил он. — С его народом тогда скверно обращались.

— Ну, это-то мы знаем, — ответили дети, и (это было крайне невежливо с их стороны, но они не могли удержаться) они так и уставились на рот Кэдмила, чтобы увидеть, все ли зубы у него на месте. Из уроков истории они помнили, что король Джон выдирал у евреев зубы, чтобы заставить их одалживать ему деньги.

Кэдмил понял значение этого взгляда и горько улыбнулся:

— Нет. Ваш король так и не вырвал у меня зубы: возможно, я думаю, что я выдрал зубы у него. Так слушайте! Я родился не среди христиан, но среди мавров — в Испании — в маленьком городке у подножия гор. Да, мавры жестоки, но, по крайней мере, их ученые осмеливаются думать. При рождении мне было предсказано, что я буду законодателем для народа с чужой речью и трудным языком. Мы, евреи, всегда ждем, чтобы появился правитель и законодатель. Почему нет? Мои соплеменники

в городе (нас там было очень мало) отличали меня как ребенка Пророчества — Избранного из Избранных. Мы, евреи, мечтаем о стольких вещах; вы никогда бы об этом не догадались, видя, как мы, крадучись, пробираемся между кучами мусора в нашем квартале; но когда кончается день, закрываются двери, зажигаются свечи — ага! — тут-то мы снова становимся Избранными.

Рассказывая, он шагал взад и вперед между деревьями. Грохот ружейных выстрелов не прекращался, собаки немного поскулили, потом улеглись на листья.

— Я был принцем. Да! Представьте себе только маленького принца, который не слышал никаких грубых слов в своем доме, наполненном криками и бородатыми рабби, которые драли его за уши и щелкали по носу, делали все, чтобы он мог учиться — учиться — и научился быть королем, когда настанет его время. Ха! Это был тот еще маленький принц! Одним глазом он следил за мавританскими мальчишками, швыряющими камни, а другой глаз не спускал с улицы, наблюдая за своим королевством. Да, еще он научился тихонько плакать, когда мальчишки гонялись за ним по этим улицам. Он все научился делать бесшумно. Он играл под столом своего отца, когда зажигали Большую Свечу, и он слушал, как слушают дети, разговоры друзей своего отца, сидящих вокруг стола. Они приходили через горы, со всего

мира, потому что отец моего принца мог дать им совет. Они приходили из армии Саладина, из Рима, из Венеции, из Англии. Они прокрадывались по нашей дорожке; они тайно стучали в нашу дверь, они снимали свои лохмотья, устраивались и разговаривали с моим отцом за чашей вина. По всему миру язычники воевали друг с другом. Эти путники приносили новости об их войнах; а мой принц, играя под столом, слушал, как эти плохо одетые люди решали между собой, когда и как один король должен поднять меч на другого короля, а один народ выступить против другого народа. Почему нет? Не может быть войны без золота, а мы, евреи, знаем, как течет земное золото, как этот поток зависит от времен года, от урожаев, от ветров; как золото кружит, вьется, как поднимается его уровень — и опускается, точно течение реки — удивительной подземной реки. Откуда бы глупым королям знать об этом, в то время как они сражаются, грабят и убивают?

На лицах детей отражалось полное незнание всего, о чем им рассказывали; они широко раскрыли глаза и двигались чуть ли не вприпрыжку, стараясь поспевать за этим широко шагающим стариком. От резкого движения одеяние сползло с его плеча, и квадратная пластина золота, усыпанного драгоценными камнями, на секунду сверкнула под мехом, точно звезда под падающим снегом.

— Неважно, — пробурчал он. — Но поверьте мне, мой принц видел, как решаются вопросы войны и мира, не один раз; видел, как судьбы народов решаются при помощи подбрасывания монеты во время споров между евреем из Бери и еврейкой из Александрии — и все это он наблюдал в доме своего отца, когда зажигали Большую Свечу. Такую уж власть имели мы, евреи, среди иноверцев. Да! И стоит ли удивляться, что мой маленький принц всему учился очень быстро? Почему нет? — пробормотал он почти про себя и продолжал: — Я получил профессию — стал лекарем. Когда я обучился этому делу в Испании, я отправился на Восток искать мое королевство. Почему нет? Еврей свободен, точно воробей — или собака. Он уходит, когда его преследуют. На востоке я нашел библиотеки, где люди осмеливались думать, и школы медицины, где они осмеливались учиться. Я был прилежен в своем деле. А потому я стоял перед королями. Я бывал братом принцам — и товарищем нищим, и я расхаживал между живыми и мертвыми. Проклу в этом не оказалось. Я не нашел свое царство. Так что, на десятом году моих странствий, когда я добрался до самого крайнего Восточного моря, я вернулся в дом своего отца. Бог чудесным образом сохранил моих родственников. Никто не был убит или даже ранен, только немногие обеднели. Я снова стал сыном в доме своего отца. Снова зажигали Большую

Свечу, снова бедно одетые люди стучались в нашу дверь после наступления сумерек; и опять я слышал, как они взвешивают мир и войну, взвешивая золото на столе. Но я не был богатым — не особенно богатым. И потому, когда те, кто имел власть, знания и богатство, беседовали все вместе, я сидел в тени. Почему нет?

И все-таки мои странствия вселили в меня уверенность в одной непреложной истине: что король без денег похож на копье без острия. Он не в состоянии причинить никому большой вред. А потому я спросил у Элии из Бери, великого человека среди нашего народа: «Почему наш народ ссужает деньги королям, которые нас угнетают?» И Элия ответил: «Потому что, если мы откажем, они поднимут против нас свои народы, а народ в десять раз более жесток, чем короли. Если ты сомневаешься, поедem со мной в Бери, в Англию, и поживи так, как живу я». Я увидел через пламя свечи лицо моей матери и ответил: «Я поеду с тобой в Бери. Может быть, мое царство будет там».

И вот я поплыл на парусах с Элией во тьму и жестокость Бери в Англии, где нет ученых мужей. Как может человек быть мудрым, если им владеет ненависть? В Бери я вел счета Элии, и я видел, как убивают евреев возле башни. Нет, никто не поднимал руку на Элию. Он ссужал деньгами короля, и Король был к нему милостив. Король не отнимает жизнь у тех, кто дает ему золото. Этот король — да, это был Джон, —

жестоко угнетал свой народ из-за того, что ему не давали денег. И все же — его земля была хорошей землей. Если бы он только дал ей отдохнуть, он мог бы стричь с нее урожай, как христианин стрижет свою бороду. Но он не знал даже такой малости, потому что Бог лишил его всякого понимания, и он лишь умножил среди народа чуму, голод и отчаяние. И потому его народ обратился против нас, евреев, ведь они считали нас всех просто собаками. Почему нет? В конце концов, бароны и народ вместе поднялись против короля из-за его жестокостей. Нет-нет, бароны вовсе не любили народ, но они понимали, что, если король придет в ярость и разобьет простой народ, он в скором времени разобьет и баронов. И они объединились, как кошки объединяются со свиньями, чтобы убить змею. Я вел счета, и я наблюдал все эти события, потому что помнил о Пророчестве.

Большой съезд баронов (а мы большинство их ссужали деньгами) собрался в Бери, и там, после многих переговоров вокруг да около, они составили список новых законов и хотели вынудить короля на них согласиться. Если бы он поклялся соблюдать эти законы, они дали бы ему немного денег. Это был Бог короля — деньги, которые можно тратить. Они показали нам свиток с этими законами. Почему нет? Мы же одалживали им деньги. Мы знали все

их намерения — мы, евреи, которые тряслись за закрытыми дверьми в Бери. — Кэдмил внезапно распростер руки. — Мы вовсе не стремились к тому, чтобы нам выплатили все деньгами. Мы стремились к Власти — Власти — Власти! Мы — порабощенный народ, поэтому это был Бог для нас. Власть, которой можно пользоваться!

И я сказал Элии: «Эти новые законы хороши. Не давайте больше денег королю: пока у него есть деньги, он будет продолжать лгать и убивать людей».

«Нет, — ответил Элия. — Я знаю этот народ. Они жестоки до безумия. Лучше уж один король, чем тысяча мясников. Я одолжил баронам немного денег, потому что иначе они будут нас пытаться, но основную их часть я дам взаймы королю. Он обещал мне при дворе место рядом с собой, где мы с женой будем в безопасности».

«Но если короля вынудят соблюдать эти новые законы, — спорил я, — в стране наступит мир, и наша торговля будет процветать. Если же мы его ссудим деньгами, он опять начнет воевать».

«Кто это сделал тебя законодателем Англии? — спросил Элия. — Я этот народ знаю. Пусть эти собаки рвут друг друга! Я одолжу королю десять тысяч золотых монет, и пусть он воюет с баронами в свое удовольствие».

«Во всей Англии нынче летом не наберется и двух тысяч золотых», — сказал ему я; ведь я вел его счета, и знал все движение темного золота — этой удивительной подземной реки. Тогда Элия забаррикадировал все окна и шепотом рассказал мне, как, когда он занимался торговлей на французском корабле, он попал в замок Певенси.

— Ой! — воскликнул Дан. — Опять Певенси! — И он посмотрел на Юну, которая кивнула и подскочила на месте.

— А там, после того как его обыскали и раскидали его вещи по всему Большому Залу, несколько молодых рыцарей затащили его наверх и швырнули в колодец в стене, где вода поднималась и опускалась в зависимости от прилива. Они насмехались над ним, называли Иосифом и швыряли горящие факелы ему в голову. Почему нет?

— Да, конечно! — воскликнул Дан. — Разве вы не знали, это же было...

Пак предостерегающе поднял руку, заставляя его замолчать, а Кэдмил, который ничего не заметил, продолжал:

— Когда наступил отлив, ему показалось, что он стоит на каком-то старинном оружии, но затем нащупал пальцами ног и подобрал снизу один за другим слитки мягкого золота. Какое-то нечестивое сокровище прежних дней, которое здесь спрятали, тайна, охра-

няемая мечом. Я слышал прежде нечто подобное.

— И мы тоже, — прошептала Юна. — Но сокровище вовсе не было нечестивым.

— Элия взял немного с собой, и трижды в год он возвращался в Певенси под видом торговца, не стремясь получить прибыль за свои товары, и его укладывали спать в пустой комнате, откуда он ощупью проникал дальше и выкрадывал несколько слитков. Громадные залежи золота все еще оставались там, и постепенно (а он побывал там много раз) он привык смотреть на них как на свою собственность. И все же когда мы стали думать о том, как поднять это золото и вывезти его, мы не могли найти способа. Это было до того, как Слово Господа дошло до меня. Окруженная стенами крепость, которой владели норманны; и в середине ее — сорокафутовый колодец, наполняемый приливом, и из него надо тайно вытащить множество телег с золотом — при помощи лошадей! «Безнадежно!» — стонал Элия. Ада, его жена, тоже стонала и плакала. Она надеялась оказаться среди христианок, придворных дам королевы, когда король даст им это место при дворе, которое обещал. Почему нет? Она ведь родилась в Англии — такая гнусная женщина.

Итак, король в своем лагере не хотел слушать ни баронов, ни народ; ежедневно умирали люди,

а Ада так жаждала себе места при дворе, что умоляла Элию сказать королю, где лежат эти сокровища, чтобы король мог их захватить. Она полагала, что после этого они могли рассчитывать на его благодарность. Почему нет? Элия отказывался так поступить, потому что считал это золото своим собственным. Они ссорились и кричали за вечерней едой, а поздней ночью явился некий Лэнгтон — священник, почти ученый человек, — чтобы взять займы еще денег для баронов. Элия с Адой ушли к себе.

Кэдмил презрительно рассмеялся в бороду. Выстрелы по ту сторону долины прекратились: охотники перешли на другое место.

— Так что это я, а не Элия, — продолжал он спокойно, — я поставил условия Лэнгтону относительно пункта сорокового новых законов.

— Какие еще условия? — живо вмешался Пак. — В сороковом пункте Великой Хартии говорится: «Никому не будем мы продавать право на справедливость, отказывать в ней или препятствовать тому, чтобы она восторжествовала».

— Это верно, но ведь бароны сначала написали: «Ни одному свободному человеку». Мне стоило двухсот золотых монет поменять эти слова. Лэнгтон, священник, все понял. «Хоть ты и еврей, — сказал он, — это изменение справедливо, и если когда-нибудь христиане и ев-

реи в Англии станут равны, твой народ будет благодарить тебя». Затем он вышел. Крадучись, как делают люди, имеющие какие-то дела с евреями ночью. Думаю, он потратил мой дар на свою церковь. Почему нет? Я говорил с Лэнгтоном. Это был такой человек, каким и я мог бы стать, если бы евреи считались людьми. И все-таки, во многих отношениях он был ребенком.

Я слышал, как Элия и Ада ссорились наверху, и, понимая, что женщина сильнее духом, я знал, что Элия скажет королю о золоте и что король будет продолжать упорствовать. И поэтому я понимал, что золото необходимо спрятать так, чтобы ни один человек не смог его достать. И внезапно Слово Господне дошло до меня, и Он сказал: «Утро настало, о ты, живущий на земле!»

Кэдмил остановился, совершенно черный на фоне бледно-зеленого неба над лесом — громадная закутанная фигура, точно Моисей на картинке из Библии.

— Я встал. Я вышел на улицу, и, когда я закрывал за собой дверь в этом Доме Глупости, женщина выглянула из окна и шепнула: «Я убедила мужа сказать королю!». И я ответил: «Нет нужды. Со мной Бог».

И в этот час на меня снизошло Его откровение; и рука Его направляла меня во всем. Сначала я отправился в Лондон, к лекарю из нашего народа, который продал мне кое-какие

лекарства по моей просьбе. Вы увидите, зачем. Оттуда я поспешно отправился в Певенси. Вокруг меня сражались люди, потому что в этой отвратительной стране не было ни правителя, ни судей. И все-таки, когда я проходил мимо них, они выкрикивали, что я Агасфер, проклятый Вечный Жид, и убегали от меня куда попало. Так Бог спас меня для моего дела, а в Певенси я купил себе небольшую лодку и поставил ее на якорь в грязи возле ворот замка со стороны Болота. И этому тоже научил меня Бог.

Он рассказывал спокойно, как будто говорил о ком-то постороннем, и голос его наполнял небольшой опустевший лесок, словно раскаты.

— Я бросил, — рука его поднялась к груди, и опять сверкнул таинственный камень, — я бросил приготовленные снадобья в общий колодец замка. Нет, я никакого вреда не сотворил. Чем больше мы, лекари, знаем, тем меньше делаем. Только дурак говорит: «Я осмеливаюсь». Я вызвал у них на коже сыпь, причинявшую зуд, но я знал, что через пятнадцать дней это пройдет. Я не посягнул на их жизни. Население замка решило, что это чума, и они обратились в бегство, прихватив даже своих собак.

Христианский лекарь, видя, что я еврей, поклялся, что это я занес болезнь из Лондона. И это был единственный раз, когда я услышал, чтобы христианский докторишка сказал прав-

ду о какой бы то ни было болезни. И вот люди стали меня бить, но одна милосердная женщина сказала: «Не убивайте его сейчас. Заприте его в чумной наш замок, и если болезнь не пойдет на убыль на пятнадцатый день, как он утверждал, мы тогда и сможем его убить». Почему нет? Меня отволокли через мост в замок, а потом они побежали обратно в свои убежища. Так я оказался наедине с кладом.

— Но откуда вы знали, что все именно так и произойдет? — спросила Юна.

— Мне же было пророчество, что я стану законодателем для народа из чужой страны с непонятной речью. Я знал, что не умру. Я промыл свои раны. Я отыскал колодец в стене, и с субботы до субботы погружался туда и и копал там, в этой опустевшей, пахнущей христианами крепости. Ха! Я ограбил египтян! Ха! Если бы они только знали! Я поднимал навех много добрых брусков золота, а ночью нагружал ими свою лодку. Был еще и золотой песок, но его смывали отливы.

— И вы никогда не удивлялись — кто же это положил туда золото? — спросил Дан, украдкой бросая взгляд на спокойное лицо Пака, темнеющее под капюшоном. Пак покачал головой и приложил палец к губам.

— Я часто спрашивал себя об этом, потому что такое золото было для меня непривычным, — ответил Кэдмил. — Мне известны

разные виды золота. Я могу различать их в темноте: но это было тяжелее и сильнее отливало красным, чем то, с каким мы имели дело. Может, это было знаменитое парваимское золото? Почему нет? Очень мне хотелось закопать его в грязь, но я предвидел, что, если этот нечестивый металл тут останется, или если остнется сама надежда найти, где оно осталось, король не подпишет новые законы, и страна погибнет.

— Вот уж диво дивное! — воскликнул Пак, придержав дыхание и шелестя листьями.

— Когда лодка была нагружена, я семь раз вымыл руки и хорошенько почистил у себя под ногтями, потому что не хотел оставить ни одной крупички. Я вышел через маленькую калитку, через которую выбрасывали из замка мусор. Я не посмел поставить парус, чтобы люди меня не увидели; но Господь распорядился, чтобы прилив понес меня туда, куда нужно, и еще до того, как забрезжило утро, я был далеко от этой земли.

— А вы не боялись? — спросила Юна.

— А чего мне было бояться? Ведь христиан в лодке не было. Когда взошло солнце, я произнес молитву и выбросил золото — все — все это золото — на дно моря! Это был выкуп короля — нет, выкуп народа! Когда я освободился от последнего слитка, Господь велел приливу вернуть меня в гавань возле устья реки, а оттуда я пошел пешком через пустыню в го-

род Льюис, где живут мои братья. Они открыли мне двери, и они говорят — я ведь ничего не ел два дня — они говорят, что я упал на пороге, с криком: «Я утопил в море целую армию вместе с лошадьми!»

— Но это же не так, — удивилась Юна. — Ой, правда, я поняла! Вы хотели сказать, что король Джон мог бы потратить это золото на армию!

— Именно так! — сказал Кэдмил.

Выстрелы возобновились — совсем близко позади них. Фазаны уселись на верхушки высоких елок, стоящих рядами. Дети видели молодого мистера Майера в новых желтых гетрах, он возглавлял охотников и был очень занят и возбужден, и слышали, как глухо ударяются о землю упавшие птицы.

— Но что же сделал Элия из Бери? — спросил Пак. — Ведь он обещал королю деньги.

Кэдмил хмуро улыбнулся:

— Я послал ему весточку из Лондона, что Бог на моей стороне. Когда он услышал, что в Певнсее разразилась чума и что в замке задержали еврея, который должен вылечить больных, он понял, что моя весть правдива. Они с Адой поспешили в Льюис и потребовали у меня отчета. Он все еще считал то золото своим. Я рассказал ему, куда его выбросил, и предоставил ему полную свободу достать это золото... А-а, ладно. Проклятие дурака и пыль странствия на подошвах — это две вещи, которых

мудрый человек не может избежать... Но я жалел Элию! Король на него разгневался, потому что тот не мог ссудить ему денег; бароны тоже разгневались, потому что слышали, что он одолжил деньги королю; и Ада разгневалась, потому что она была гнусная женщина. Они сели на корабль и уехали в Испанию. Это было мудро!

— А ты? — спросил Пак. — Ты видел, как подписывали Закон в Раннимеде?

— Нет. Кто я такой, чтобы вмешиваться, это уже не моего ума дела. Я вернулся в Бери и ссужал людей деньгами до осеннего урожая. Почему нет?

Наверху послышался треск. Подстреленный фазан свалился чуть ли не им на головы, сухие листья тащились за ним, точно скорлупа. Флора и Фолли бросились на него; дети кинулись вперед, а, когда они отогнали собак и пригладили оперение птицы, Кэдмил исчез.

— Ну, — спокойно спросил Пак, — что вы думаете об этом? Виланд дал Меч! Меч дал Клад, а Клад дал Закон. Все это так же естественно, как то, что дуб вырастает из желудя.

— Не понимаю. Он что, не знал, что это старый клад сэра Ричарда? — спросил Дан. — И почему сэр Ричард и брат Хью оставили его лежать там? И... и...

— Неважно, — мягко заметила Юна. — Он позволит нам прийти, посмотреть и узнать все в другой раз. Правда, Пак?

— В другой раз — может быть, — согласился Пак. — Бр-р-р! Как холодно — и темно. Я провожу вас к дому!

Они поспешили в защищенную лесом долину. Солнце почти скрылось за мельницей Черри Клэка, утоптанная земля возле загонов для скота была схвачена морозом по краям, свежий северный ветер сдувал на них ночь с холмов. Дети взяли ноги в руки и помчались через бурные пастбища, а когда остановились, окруженные паром собственного дыхания, позади них кружились мертвые листья... В этом потоке, знаменующем конец года, было довольно листьев Дуба, Терновника и Ясеня, чтобы заколдовать память тысячи людей.

И дети вприпрыжку помчались к ручью в дальнем конце лужайки, дивясь, почему это Флора и Фолли упустили лису в каменном карьере.

Старый Хобден как раз заканчивал чинить изгородь. Они увидели, как белый дымок его трубки замелькал в сумерках, в том месте, где он связал ветки.

— Я считаю, зима уже на носу, мастер Дан, — окликнул он ребятишек. — Теперь тяжелые времена наступят, до самой Кукушкиной Ярмарки. Да, вот уж мы порадуемся, когда Старуха выпустит Кукушку из корзины, чтобы весна в Англии вступила в свои права.

Они услышали грохот, топот и плеск воды, как будто бы тяжелая старая корова пересекала ручей прямо у них перед носом.

Хобден сердито заспешил к ручью.

— Опять бык Глейсона гоняет Робина по всей ферме! Ой, смотрите, мастер Дан, какие громадные следы оставили его ноги — прямо канавы. Нет конца его несносным проделкам! Наверное, он себя человеком считает — или кем-то еще почище.

Чей-то голос по ту сторону ручья завел:

Не смогут выбраться они,
Когда их Пак заводит,
Блуждают в сумерках огни...

И дети двинулись дальше, во весь голос распевая «Прощайте, награды и феи». Они и позабыли, что даже не попрощались с Паком.

ДЕТСКАЯ ПЕСЕНКА

Отчизна, предков наших мать!
Любовь и труд тебе отдать
Сполна клянемся мы потом,
Когда для дела подрастем.

Ты, Отче Наш на небесах,
Любовь внушаешь, а не страх,
Учи нас, чтоб могли опять
Наследье предков умножать.

Лишь Ты нас можешь научить
Нешадной правды крест влачить,
Чтобы в иные времена
Сплотила нацию она.

Учи владеть собою нас
И каждый день, и каждый час,
Чтоб жертва на алтарь святой
Не стала жалкой и пустой.

Учи, что в бурях не друзья
Лишь Ты наш праведный судья,
Чтоб, робость сердца одолев,
Мы шли в толпе сквозь страх и гнев.

Так силу сдерживать всегда,
Чтоб слабым не было вреда,
Чтоб наша сила помогла
Избавить ближнего от зла.

Учи восторг искать в простом,
Чтоб горько не было потом,
Пусть нам простится каждый грех,
Любви пусть хватит нам на всех!

Отчизна! Мы горды тобой:
Ведь за тебя шли предки в бой.
На твой алтарь приносим мы
Сердца, и руки, и умы!

Конец

ПРИМЕЧАНИЯ

Меч Виланда

С. 7. ...к Трафальгару — в 1805 году в битве у мыса Трафальгар в Испании английский флот под командованием адмирала Нельсона разгромил франко-испанский флот Наполеона, тем самым ликвидировав угрозу вторжения в Англию и на многие десятилетия закрепив за Англией господство на море. Сам Нельсон в этом бою был смертельно ранен.

Собор Святого Павла — главный английский собор, построен в Лондоне по проекту Кристофера Рена (1632—1732).

...Филиппов флот — испанский король Филипп II в 1588 году создал крупный военный флот, названный «Непобедимой Армадой», для

вторжения в Англию. Угроза испанского завоевания способствовала единению Англии, а борьба с этой угрозой — усилению ее могущества. «Непобедимая Армада» понесла огромные потери от столкновений с английским флотом и шторма.

С. 8. ...поле Флоддена — в битве при Флоддене (1513) английские войска разгромили вторгшуюся армию шотландцев.

В Пуатье — в битве при Пуатье (1356) во время Столетней войны английские войска, главным образом лучники, разгромили французское рыцарское войско и взяли в плен французского короля.

Вильгельм Завоеватель — герцог Нормандии, в 1066 году предъявил права на английский престол и, разбив в битве при Гастингсе английского короля Гарольда, подчинил себе всю страну.

Альфред Великий (ок. 840—900) — король англосакского королевства Уэссекс, объединил ряд соседних королевств и остановил вторжение датчан.

Гай Юлий Цезарь — римский полководец и император, в I веке до н.э. совершил несколько успешных завоевательных походов в Британию, но подчинить Британию римлянам тогда не удалось.

С. 10. ...сценки из «Сна в летнюю ночь» — дословный перевод названия пьесы Шекспира — «Сон в ночь накануне Иванова дня». Иванов день — день летнего солнцестояния, древний праздник у разных народов, когда, согласно поверьям, часто действуют волшебные силы.

Ткач Ник Основа — один из героев комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь». Основа и его друзья репетировали в лесу пьеску «Пирам и Тисба», когда появился Пак. Пак, он же Робин Добрый Малый, — веселый лесной эльф, герой английских народных преданий.

Титания — королева фей. По пьесе Шекспира, ее муж, король фей Оберон, наказал ее за строптивость и заставил полюбить первого встречного, которым оказался Основа с ослиной головой на плечах.

С. 11. ...волшебное Кольцо — в Англии часто встречаются своеобразные каменные кольца, диаметром от пяти до двадцати метров, в которых точно по кругу лежат камни разной величины. Предположительно, созданы в эпоху неолита и имели культовое назначение.

С. 12. ...про мед и светильники — имеют-ся в виду следующие строки Шекспира:

*Кормите виноградом, ежевикой,
Берите мед ему от пчелки дикой,
А из пчелиных лапок восковых
Наделайте светильников ночных.*

(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

Пирам и Тисба — влюбленные юноша и девушка, герои мифа, рассказанного римским поэтом Овидием (43 г. до н.э. — 17 г. н.э.). Пирам убил себя, решив, что Тисба погибла.

С. 13. ...и актером — со словами «Что здесь за сброд мужланов расшумелся...» в пьесе появляется Пак.

С. 14. Фут — английская единица длины, около 30 сантиметров.

...долина Певенси — в долине Певенси, графство Суссекс, произошла высадка войск Вильгельма Завоевателя.

Британский канал, или Ла-Манш, — пролив между Англией и Францией. Ширина в самом узком месте — 32 километра.

Холмы Даунс — цепь известковых холмов в юго-восточной Англии.

Мерлин — волшебник и мудрец, герой легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола.

С. 15. ...или холодного железа — см., например, сказку «Холодное железо».

С. 16. «Прощайте, награды и феи» — баллада «Прощайте, феи» (1648) Ричарда Корбета. Сожалея о былых временах, Корбет рассказывает об обычаях народа, его вере в волшебство и волшебников. Из этой баллады Киплинг взял название для своего сборника «Награды и феи».

...без наград — имеется в виду, что хороших детей феи вознаграждают.

С. 16—17. **Мария Тюдор**, прозванная Кровавой, — королева Англии (1553—1558). Возможно, Киплинг намекает здесь на то, что кровавое царствование Марии разрушило традиционный, идиллический строй жизни, существовавший прежде, что явилось причиной бегства фей. В сказке «Бегство из Димчерча» поводом для этого писатель называет иные, более ранние события. **Елизавета I Тюдор** — королева Англии (1558—1603).

Стоунхендж — крупнейшая культовая постройка II тысячелетия до н.э. близ города Солсбери (Англия). Огромные каменные плиты и столбы образуют концентрические круги. Некоторые ученые считают ее древней астрономической обсерваторией.

С. 18. **Чанктобери** — местечко в графстве Суссекс. Такие пруды часто устраивались там, где не было пресной воды.

С. 21. **Джины и африты** — в арабской мифологии могущественные духи, чаще всего злые.

С. 22. **Сэр Гюон** — герой одноименной старофранцузской поэмы. После смерти стал королем фей. См. сказку «Холодное железо».

Замок Тинтагль находится в графстве Корнуолл, у мыса Тинтагль.

С. 23. Финикийцы — жители древней страны на восточном побережье Средиземного моря. Торговали со многими странами, в том числе с Британией, где покупали олово в обмен на стекло, изделия из металла и слоновой кости.

Галлы — кельтское племя, жило на территории современной Франции. В I веке до н.э. завоеваны римским полководцем Юлием Цезарем. Образовали провинцию Галлия.

Юты, фризы, англы — германские племена, вместе с саксами с III века н.э. начали набеги на Британские острова и к V веку полностью подчинили себе жившее там кельтское племя бриттов и основали свои государства. От имени кельтского племени бриттов произошло название страны «Британия», а от имени англов — «Англия».

Датчане — одно из скандинавских племен норманнов, или викингов, которые в VII—XI веках совершали набеги на страны Западной Европы, в том числе и на Англию. Датчане захватили северо-восточную часть страны, получившую название «область датского права», а потом на короткое время и всю страну. К середине XI века Англия обрела независимость.

С. 24. Ланкашир — графство на северо-западе Англии.

...Виланд — в английском фольклоре существует легенда скандинавского происхождения

о волшебном кузнеце-невидимке Виланде (или Велунде). Так, Вальтер Скотт выводит его в своем историческом романе «Кенилуорс» (1821).

...скандинавского Тора — в германо-скандинавской мифологии Тор — бог грома и молнии, из рода асов, один из трех верховных богов, сын Одина.

Асгард — небесное селение богов-асов. Книга «Герои Асгарда», в которой пересказываются скандинавские мифы, была написана сестрами Элизой и Энн Кэри в 1857 году.

С. 25. Линкольншир — графство в восточной Англии.

Остров Уайт находится в проливе Ла-Манш, принадлежит Англии.

С. 27. ...избрали себе жертву — жрец мог выбрать в качестве жертвы любого из присутствующих.

С. 28. ...до Завоевания — имеется в виду нормандское завоевание. Нормандия — историческая область на территории современной Франции.

С. 30. Вальгалла — чертог мертвых. В скандинавской мифологии находящееся на небе жилище богов и павших в бою храбрых воинов.

С. 34. Руны — буквы алфавита, вырезались на камне, дереве или металле. Применялись германо-скандинавскими племенами главным образом для культовых и памятных надписей.

С. 37. ...она вам не расскажет — отрывок из баллады Джеймса Гога (1772—1835) о погибшей девушке, призрак которой вернулся домой.

С. 39. Эней — мифический герой древней Трои, отважно сражался, защищая город. После падения Трои с приключениями бежал к устью Тибра, где основал новый город. На этом месте впоследствии образовался Рим.

Брут — согласно легенде, внук Энея, был изгнан из Италии, добрался до Британии и основал город Новую Трою, или Лондон.

Центурион Тридцатого легиона

Действие этой и последующих двух сказок относит нас к концу IV века, к периоду заката Великой Римской империи, о состав которой входила и древняя Британия, когда на границы империи все смелее стали нападать соседние племена германцев, готов и норманнов. В Британии для защиты романизированной части страны от живших на Севере независимых племен в самой узкой части острова от одного побережья до другого была возведена высокая каменная стена. В самой империи шли гражданские войны между генералами, провозглашавшими себя императорами той или иной провинции.

В целом Киплинг правильно излагает исторические события, хотя иногда их упрощает (например, ничего не говорит об императоре Италии Валентиниане II) или чуть искажает (так, Феодосий I был императором Восточно-Римской империи, а не Рима). И конечно, в истории счастливого конца для римлян не было и быть не могло: в конце IV века были выведены гарнизоны со Стены, в начале V — из самой Британии, а в 412 году Западно-Римская империя пала.

С. 153. Ларе Порсена — царь этрусков, в VI веке до н.э. вел войну с Римом. Римская традиция восхваляет героизм защитников Рима (например, Муция Сцевола), заставивший Порсену снять осаду.

С. 155. Фавн — в римской мифологии бог лесов, полей и животных. Часто отождествлялся с греческим богом Паном. Пак кажется Парнезию похожим на известного ему лесного бога.

Центурион — командир центурии, подразделения когорты. Когорта — $\frac{1}{10}$ часть легиона, имела численность 300—600 человек.

С. 157. Агрикола, Гней Юлий (40—93 гг. н.э.) — римский генерал, который окончательно присоединил Британию к империи.

Нумидийцы — жители Нумидии, исторической области в Северной Африке, завоеванной римлянами в I веке до н.э.

С. 158. Деметра — в древнегреческой мифологии богиня плодородия.

С. 160. ...лучшие бани — эти бани можно увидеть и сегодня. Возникли они на месте природного источника. С уходом римлян они разрушились, а место заболотилось. В средние века оно было засыпано, и на нем построен город Бат (Bath по-английски и значит баня, ванная). В XIX веке римские бани были обнаружены (случайно!) и превращены в музей — один из наиболее впечатляющих музеев Англии.

С. 161. Город Легионов — Рим.

С. 163. Триктрак — карточная игра.

Улисс (он же Одиссей) — греческий герой. Пока он находился в многолетних странствиях, его жену Пенелопу осаждали женихи, но никто не мог выполнить ее требование — согнуть лук ее мужа. Выражение «согнуть лук Улисса» стало крылатым, означает пытаться сделать невозможное.

Хор — в древнегреческом театре обязательное действующее лицо спектакля, выражал отношение зрителя к событиям пьесы и комментировал их.

С. 164. Даки — северо-фракийские племена, жившие на территории современной Румынии. В 106 году подчинены римлянами, образовали провинцию Дакия.

Орел — штандарт, или эмблема, римского легиона, в речи иногда употреблялся как символ, обозначающий войска или императорскую власть.

Грациан Флавий (359—383), с 367 года — император Западно-Римской империи. Правил вместе с четырехлетним сводным братом Валентинианом II. Жил в основном в Галлии.

С. 165. ...одеваться, как они — эта привязанность Грациана к наемникам-варварам сыграла роковую для него роль, поскольку именно из-за нее ревновавшие его римские легионы бросили его в трудную минуту, когда на него напал император Максим.

Война с Раскрашенным Народом — она же — Великая Пиктская война (367—369). Пикты — низкорослое кельтское племя, не покорившееся Риму, жившее на севере Британии. В 367 году пикты прорвали оборону Стены и захватили большую часть римской Британии. Посланный против них генерал Феодосий, отец императора Феодосия I, освободил захваченные земли и занял часть пиктской территории к северу от Стены, образовав там в 368 году провинцию Валенсия. Однако она просуществовала очень недолго и вскоре была отвоевана пиктами.

Диоклетиан, Гай Аврелий Валерий (243—313) — римский император в 284—305 годах.

С. 166. Стена Адриана, или Великая Стена, длиной 118 км, построена в 122—126 годах при императоре Адриане, сначала из земли, позднее отстроена из камня.

С. 167. Иберийцы — жители Иберии, как в то время называли Испанию.

С. 168. Максим Великий — генерал, провозгласил себя императором Британии. В 383 году в ходе гражданской войны напал на Грациана и захватил Галлию. Феодосий I признал его императором, но когда Максим напал на Валентиниана II, Феодосий выступил против него и, разбив, казнил.

С. 172. Префект — высокая административная должность в Древнем Риме.

С. 173. Трибун — в Древнем Риме высшее выборное должностное лицо, защищавшее интересы народа.

С. 175. Митра — иранский бог Солнца. Имел сложный культ, все верующие делились на степени, или ступени, посвящения, со своими эмблемами и паролями. Культ Митры был популярен в позднем Риме, особенно в солдатской среде.

С. 176. ...Die ubi Tullius — привожу примерный перевод:

*Почему мир гоняется за пустой славой,
Пышность которой мимолетна?
Ее могущество гибнет столь же быстро,
Как и хрупкие горшки гончара.*

*Почему Цезарь лишился империи во всем
своем величии?
Или он понадобился богам в расцвете славы?
Скажи, где Туллий...*

На Великой Стене

С. 185. Цезарь — титул императора Римской империи, по имени первого императора Гая Юлия Цезаря (100—44 гг. до н.э.).

С. 193. Грифоны — в древней мифологии чудовищные птицы с крыльями орла и телом льва.

С. 194. Ксенофонт (ок. 430—355 гг. до н.э.) — древнегреческий писатель.

С. 202. Цицерон Марк Туллий (106—43 гг. до н.э.) — римский политический деятель, знаменитый оратор, писатель.

С. 207. Дуумвиры — два высших должностных лица, правящих совместно в римских городах и провинциях.

Крылатые Шлемы

С. 215. Гладиаторские игры — любимое зрелище в Древнем Риме. Гладиаторов — рабов или военнопленных — заставляли сражаться друг с другом на арене цирка. Публика

жестами определяла судьбу побежденного: если большой палец вытянутой вперед и сжатой в кулак руки был направлен вверх, ему оставляли жизнь, если же вниз — победитель на глазах у всех его приканчивал.

С. 217. Оракул — у древних греков и римлян — предсказание, исходящее от божества. В переносном смысле оракул — человек или любой одушевленный предмет, предсказания которого признаются непреложной истиной.

С. 218. Скифы — древние независимые племена Северного Причерноморья, иногда служившие римлянам.

Белги — кельтское племя, жившее в Северной Галлии и частично в Британии. Белги Галлии были покорены Юлием Цезарем и образовали провинцию Белгика.

С. 220. Ливийцы — жители Ливии, завоеванной римлянами во II веке до н.э. Ливийцами римляне часто называли всех жителей Северной Африки.

С. 227. Никея — город в Малой Азии, входивший в Римскую империю, современный город Изник (Турция).

С. 228. Готы — германские племена, проживавшие в низовьях реки Вислы и в Причерноморье. Вестготы (западные готы), спасаясь от наступавших из Азии гуннов, с разрешения

римского императора поселились на землях империи, за что несли воинскую службу.

С. 234. Кости — популярная в Древнем Риме игра, обычные кубики, на сторонах которых были нанесены очки от одного до шести. Для нечестной игры в одну из частей кубика заливался какой-нибудь тяжелый металл, например свинец, чтобы центр тяжести смещался и всегда выпадало нужное число очков.

Хэл-рисовальщик

С. 251. Браманте (Донатто д'Анджелло, 1444—1514 гг.) — знаменитый художник. Он был превосходным архитектором, живописцем; писал стихи. В Италии много прекрасных церквей и зданий, которые возвел он.

Бегство из Димчерча

С. 282. ...с Болота — на юго-востоке Англии, в той ее части, которая ближе всего к Франции, существует район, называемый Marsh, что значит Болото. Часть его территории защищена от моря дамбами. Благодаря своей близости к континенту в средние века этот район был сильно развит, через него шла основная торговля, особенно через порт Рэй. Славился этот порт и контрабандой. Позднее,

с развитием торговых связей Англии с заморскими странами, потерял свое значение.

Димчерч, Ромни, Рэй, Винчелси, Хите — поселки и города этого района.

Уитгифт — в английской орфографии фамилия Whitgift — немного измененное сочетание двух слов wit — ум и gift — подарок.

Бейлиф — в средневековой Англии так называлась должность полицейского.

С. 287. Генрих VIII — английский король (1509—1547). Сам провел в Англии Реформацию католической церкви, в отличие от других стран Западной Европы, где она была проведена «снизу». В 1534 году он провозгласил себя главой англиканской церкви. В 1536—1539 годах провел секуляризацию монастырей, в ходе которой много монастырей и церквей было разграблено и даже разрушено. В борьбе с роскошью католической церкви уничтожались внутреннее убранство соборов, в том числе гильдии иконы.

С. 290. ...основных жидкостей — «соков» — по представлению средневековой медицины, в организме человека было четыре вида жидкости, как компонентов живого тела: кровь, флегма, желчь и черная желчь, или меланхолия. Иначе они еще назывались «соками» организма.

Содержание

МЕЧ ВИЛАНДА	5
ЮНОШИ В ЗАМКЕ	41
РЫЦАРИ В ПОИСКАХ РАДОСТНОГО ПОДВИГА	73
СТАРИКИ В ЗАМКЕ ПЕВЕНСИ	113
ЦЕНТУРИОН ТРИЦАТОГО	149
НА ВЕЛИКОЙ СТЕНЕ	179
КРЫЛАТЫЕ ШЛЕМЫ	211
ХЭЛ-РИСОВАЛЬЩИК	245
БЕГСТВО ИЗ ДИМЧЕРЧА	273
КЛАД И ЗАКОН	301
Примечания	331

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

Редьярд Киплинг

ПАК ИЗ СТРАНЫ ХОЛМОВ

Ответственный редактор *О. Клокова*

Выпускающий редактор *С. Абовская*

Редактор *И. Баличева*

Дизайн переплета *А. Машуков*

Технический редактор *М. Балякова*

Корректор *Е. Артемьева*

Издательство «Тerra Fantastica» издательского дома «Корвус».

Лицензия ЛР № 066477

190121, г. Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1 «Б»

Электронные адреса: WWW.TF.RU,

E-mail: TERRAFAN@TF.RU

ООО «Издательство «Эксмо».

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.*

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.

Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:

Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.

Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.

Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.

Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.

Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».

Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:

Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

Подписано в печать с готовых диапозитивов 21.08.2003.

Формат 84×108 1/32. Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 5100 экз. Заказ № 1085

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

известный автор детских
фантастических романов!

НАШ
ОТВЕТ!

Новая книга
кандидата
филологичес-
ких наук и члена
Союза писателей
Дмитрия Емца –
долгожданное про-
должение приклю-
чений обожаемой
всеми Тани Гроттер!
Если не хочется
взрослеть и за-
ниматься се-
рьезными де-
лами – добро
пожаловать в
мир маленьких
волшебников!

С юмором
к успеху!

ВОЛШЕБСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

НОВИНКА

также в серии

“Таня Гроттер
и пенсне Ноя”

“Таня Гроттер
и молот Перуна”

“Таня Гроттер и Золотая Пиявка”

“Таня Гроттер и магический контрабас”

“Таня Гроттер и Исчезающий Этаж”

“Таня Гроттер и трон Древнира”

Все о новых книгах
и авторах крупнейшего
издательства “ЭКСМО”
читайте на сайте:

www.eksmo.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО “ЭКСМО”

ВСТРЕЧАЙТЕ!

Впервые в России!

Знаменитая во всем мире
и самая необычная книга —

"Артемис Фаул"

Йона Колфера!

Кто

**же он — этот
загадочный Артемис Фаул?**

Заглянуть ему внутрь, чтобы ответить на этот вопрос, пытались многие, и ни у кого ничего не вышло. Потому что он — вундеркинд. Потому что он — гений. Холодный прагматик, жесткий и алчный. Но и гении иногда совершают ошибки: главное — нельзя недооценивать противника. А Элфи Малой — серьезный противник — полицейский Разведывательного Корпуса Особого Назначения Легиона Подземной Полиции. К тому же она — эльф. А только в сказках феи и эльфы — добрые и веселые существа...

Что новенького?

Татьяна
Трoнина

В СЕРИИ **ТОЛЬКО ДЛЯ ДЕВЧОНОК**

Классным девчонкам –
классные книги!

Блестящая писательница Татьяна Трoнина открывает девичьи секреты! Самое увлекательное чтение о влюбленных девчонках, современных принцах, тайных свиданиях и прикольных вечеринках!

НОВИНКИ

«ЭКСМО»

НОВИНКИ

Книги объемом 128 – 192 стр.

Т. Трoнина «Мама, я мальчика люблю»

А. Джонс «Вечеринка под снегом»

Т. Трoнина «Девочка его мечты»

www.eksmo.ru

Что новенького?

В СЕРИИ

«Черный котенок»

Криминальная
загадка требует
немедленного
решения!

В серии «Черный котенок» выходят потрясающие книжки о неугомонных юных сыщиках. Даже в самых обычных ситуациях от их зоркого детского глаза не ускользнет ни одна улика!

НОВИНКИ

«ЭКСМО»

НОВИНКИ

Книги объемом 192 – 224 стр.

Н. Кузнецова «Дело о потерянном ключике»

В. Сотников «Хонорик и семь чудес света»

М. Томашевская «Зорро – гроза грабителей»

Ф. Келли «Виртуальный проходимец»

www.eksmo.ru

82827
106

ISBN 5-699-04023-4

9 785699 040230 >